

№ 1 2021 Научный журнал

UNIVERSUM HUMANITARIUM

UNIVERSUM HUMANITARIUM
2021. № 1

Научный журнал
Выходит 2 раза в год

Главный редактор

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич – член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Заместитель редактора

Крадин Николай Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Редакционная коллегия

Молодин Вячеслав Иванович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Головкин Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Демидчик Аркадий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Октябрьская Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Кошкарева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Хьюг Плиссон – доктор наук, исследователь Национального центра научных исследований, координатор совместной международной российско-французской лаборатории АРТЕМИС, Ле Бюг, Франция

Сукбэ Чжун – доктор наук, профессор кафедры археологии Корейского национального университета культурного наследия, Пусан, Южная Корея

Инук Кан – доктор наук, профессор Университета Кён Хи, Сеул, Южная Корея

Хирофуми Като – доктор наук, профессор Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Джон Олсен – доктор наук, профессор Университета Аризона, Тусон, США

Габриэлла Имполи – доктор наук, профессор русской литературы, заведующая отделением русского языка и литературы Болонского университета, Болонья, Италия

Бенсе Виола – доктор наук, доцент Университета Торонто, Онтарио, Канада

Франко Занини – доктор наук, исследователь Лаборатории ELETTRA, Триеста, Италия

ПРОЕКТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
СРЕДИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Редактор А. Ю. Борисенко
Макет Е. А. Штри

Содержание

Тема номера:

«Древнетюркский мир: история и культура»

<i>Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.</i> Отношения между древними тюрками и енисейскими кыргызами на рубеже эпохи раннего средневековья (древние тюрки на рубеже эпохи раннего средневековья)	8
<i>Бобров Л. А.</i> «Выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды...». К вопросу о некоторых особенностях тактического искусства Амира Тимура	17
<i>Ибрагимов К. Ф.</i> Подводные памятники Абшера и роль Хазара (Каспия) в определении возраста Баку	41
<i>Аббасова Э.</i> Археологические памятники Зангезура (Лачинский район)	60
<i>Айтач А.</i> Турецкий текстиль на картинах Шевкета Дага	73

Новые материалы

<i>Агатай У. М.</i> «Обладатель сорока копий» в списке Дафтар-и Чингиз-наме: определение, значение, символ	92
--	----

Персоналии

<i>Чоротегин (Чороев) Т. К., Алымкожоев О.</i> Юлий Геккер: Жизнь мыслителя и педагога, оборванная в годы сталинских чисток	116
---	-----

Фоторепортаж

<i>Гаркуша Д.</i> Статус и обряд – новая выставка Института археологии и этнографии о клинковом оружии в археологии и этнографии народов Сибири	134
---	-----

От редакции

В новом номере журнала *Universum Humanitarium* мы предлагаем нашим читателям материалы по истории и культуре Тюркского мира. Тюркоязычные народы — одна из самых многочисленных общностей современного мира, а их влияние на мировую историю и культуру хорошо известно. Китайские хроники, в которых сведения о внешнем мире присутствуют почти только в той степени, в которой они касаются Поднебесной империи, представляют на сегодняшний день целый корпус источников по истории тюрков, в первую очередь восточных, что лишь подчеркивает огромное влияние, которое оказывала их культура на соседние территории.

География авторов, которые исследуют проблемы, связанные с тюркской тематикой, обширна. Сегодня мы представляем Вам исследования казахских, кыргызских, азербайджанских, турецких и российских ученых. В представленных в номере работах рассматриваются вопросы военного искусства средневековых тюркоязычных народов, мирного и военного взаимодействия древних тюрков с другими народами, история заселения территорий локального расселения современных тюркских народов, а также развитие их изобразительных культурных традиций.

В этом номере у нас есть «пилот». Мы предлагаем Вам новую рубрику «Персоналии». Будем рады, если она придется по душе нашим читателям. Сегодня она посвящена истории семьи ведущего российского оружейоведа Юлия Сергеевича Худякова.

В рубрике «Фоторепортаж» в этот раз представлены некоторые материалы с выставки «Статус и обряд: клинковое оружие у народов Сибири», которая проходила в Институте археологии и этнографии СО РАН в феврале-марте 2021 года. В планах наших коллег, кураторов выставки, представить ее в Музее Природы и Человека в Ханты-Мансийске осенью 2021 года.

Желаем Вам интересного и полезного чтения и приглашаем к сотрудничеству. Тема очередного, второго, номера *Universum Humanitarium* 2021 г. — «Новый каменный век в Центральной Азии. Переход к производящему хозяйству».

Редактор выпуска

Борисенко А.Ю.

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
лаборатории гуманитарных исследований
Новосибирского государственного университета*

**Тема номера:
Древнетюркский мир:
история и культура**

Отношения между древними тюрками и енисейскими кыргызами на рубеже эпохи раннего средневековья (древние тюрки на рубеже эпохи раннего средневековья)

Ю. С. Худяков¹, А. Ю. Борисенко²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье представлена история тюрков от периода миграции народа из центрально-азиатских степей к границам китайской империи и переселения их на Алтай до второй половины I тыс. н. э., когда древнетюркское государство находилось на пике своего могущества, подчинило себе ряд оседло-земледельческих оазисов и успешно противостояло сильнейшим державам того времени – Китайской, Иранской и Византийской империям. По всей обширной территории Саяно-Алтая и Центрально-Азиатского региона широко представлены все основные типы погребальных и поминальных сооружений древних тюрков, которые представляют собой захоронения по обряду ингумации в сопровождении верховых лошадей или баранов и поминальные комплексы в виде оградок из вертикально врытых каменных плит с вертикально установленными каменными стелами. Авторы статьи рассматривают обозначенный исторический период древнетюркской истории с точки зрения взаимодействия древних тюрков и кыргызов, проживавших на территории Минусинской котловины. Взаимоотношения между этими двумя народами в разные периоды носили различный характер – от пассивно вассальных, когда енисейские кыргызы предпочитали не оказывать им активного сопротивления, до откровенно враждебных. Однако такая нестабильность их собственного положения не мешала кыргызам расширять круг своих собственных вассалов.

Ключевые слова

древние тюрки, енисейские кыргызы, раннее средневековье.

Источник финансирования

Работа проведена в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Отношения между древними тюрками и енисейскими кыргызами на рубеже эпохи раннего средневековья (древние тюрки на рубеже эпохи раннего средневековья) // *Universum Humanitarium*. 2020. № 1. С. 8–16

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-8-16

Relations between the ancient Turks and the Yenisei Kyrgyz at the turn of the early Middle Ages (ancient Turks at the turn of the early Middle Ages)

Yu.S. Khudyakov¹, A. Yu. Borisenko²

¹ *Institute of Archeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

It is represented in an article the history of the Turks till the second half of the 1st millennium A.D., from migration period out of Central Asian steppes to boundaries of the Chinese empire and their resettlement to the Altai Mountains, when the Old Turkic state was at its greatest height, took control the number of sedentary agriculturist oases and successfully confronted the major powers of that time - Chinese Persian and Byzantine empires. Throughout the vast territory of the Sayan and Altai Mountains and Central Asian region there are represented all major types of funerary and memorial constructions of the Old Turks, which constitutes burial places according to the ritual of inhumation accompanied by riding horses or rams and memorial complexes in the form of vertically dug stone plates fences with vertically fixed stone steles. Authors of the article consider designated historical period of the Old Turkic history from the perspective of interaction of the Old Turks and Kyrgyz, who resided in the territory of Minusinsk Hollow. Mutual relations between those two peoples took various forms in different times: unabashedly hostile passively feudatory, when the Yenisei Kyrgyz preferred not to show pure resistance to the Turks. However, such instability of their own position has not disturbed the Kyrgyz to expand the range of their own vassals.

Keywords

ancient turks, Yenisei Kyrgyz, early middle ages.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Relations between the ancient Turks and the Yenisei Kyrgyz at the turn of the early Middle Ages (ancient Turks at the turn of the early Middle Ages) // *Universum Humanitarium*. 2020. № 1. P. 8–16

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-8-16

Введение

Согласно результатам исследований тюркологов, ранние тюрки происходят из хуннской этнической среды. Первоначально, в первой

четверти I тыс. н. э., они мигрировали из степей Центральной Азии к границам китайской империи Хань [Кляшторный, 1965. С. 279–280]. В дальнейшем, в середине I тыс. н. э., под давлением войск другой китайской империи Вэй они были вынуждены переселиться на запад, на территорию современного Синьцзяна, в район Гаочана, где оказались под властью правителей Жужаньского каганата. В Синьцзяне было исследовано отдельное погребение по обряду ингумации с сопроводительным захоронением коня хуннского времени, которое можно сопоставить с памятниками ранних тюрок [Худяков, Комиссаров, 2002. Рис. XIX]. В дальнейшем по требованию жужаньских властей они переселились на Алтай, где вынуждены были добывать «железо для жужаньцев» [Бичурин, 1998. С. 225]. Вероятно, они изготавливали и поставляли в качестве дани жужаням железные изделия, в том числе предметы вооружения. В середине I тыс. н. э. жужаньский каган Хулюй покорил «на севере» от жужаньских владений племена Хэвэй и Йегу (уйгуров и кыргызов) [Бичурин, 1998. С. 91]. В этот период владения жужаней на территории Синьцзяна простирались до города Карашара [Таскин, 1984. С. 48]. Вполне вероятно, что подчинение жужанями древних кыргызов могло произойти еще в тот период, когда они проживали в Восточном Притяньшанье на территории Синьцзяна. Возможно, что именно в течение совместного проживания на землях современного Синьцзяна древние кыргызы – гяньгуни могли «перемешаться» с гаоцзюйскими динлинами (телесскими племенами). В пользу этого свидетельствуют некоторые сведения из китайских источников, в которых упоминается о том, что гяньгуни к началу эпохи раннего Средневековья уже «перемешались» с динлинами [Бичурин, 1998. С. 358]. Согласно другому переводу, гэгүни обитают «на северо-запад от хуйхэ, в 40 днях пути», или 3000 ли [Кюнер, 1961. С. 55]. Вероятно, на рубеже исторических периодов древности и раннего Средневековья, в середине I тыс. н. э., по требованию жужаньских каганов, вслед за ранними тюрками, переселенными на Алтай, древние кыргызы были переселены в Минусинскую котловину, а носители чаатинской культуры на территорию Тувы [Худяков, 2006. С. 86].

Основная часть

Жужаньские правители назначили во главе кыргызов правителя из тюркского правящего рода Ашина, одного из братьев Надулу-шада, носившего титул «Цигү-Кыргыз» – «правитель кыргызов», ко-

торый в период своего правления «царствовал между реками Афу и Гянь» (Абаканом и Енисеем) в Минусинской котловине [Бичурин, 1998. С. 225–226]. Представители правящего рода ранних тюрок, видимо, пользовались особым доверием у жужаньских каганов. Тюркские правители, носившие в этот период титул «великого ябгу», подчинили себе кочевые племена Горного Алтая. Вполне вероятно, что в это время они стремились укрепить свое положение в составе Жужаньского каганата [Кляшторный, 2006. С. 440]. Необходимо отметить, что в течение и ряда предшествующих веков и последующих столетий кыргызами правили представители одного и того же правящего аристократического рода потомков ханьского полководца Ли Лина. Считалось, что в эпоху раннего Средневековья люди с карими глазами среди кыргызов были отдаленными потомками Ли Лина [Бичурин, 1998. С. 359].

В первые десятилетия своего проживания на Алтае ранние тюрки сохраняли свою лояльность по отношению к жужаньским правителям. В 535 г. во владения тюрок прибыло посольство империи Западной Вэй, возглавляемое «кочевым иноземцем» Ань-Нопань-то, что вызвало прилив особенного энтузиазма среди тюркских кочевников. В тюркской «орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне прибыл к нам посланник от великой державы, скоро и наше государство возвысится» [Бичурин, 1998. С. 232]. Внимание к тюркским правителям со стороны китайских императоров могло означать, что китайцы признают их весьма значительной силой, достойной установления дипломатических контактов, а в перспективе и союзных отношений. В дальнейшем, стремясь угодить жужаням, тюркский правитель Бумын по своей инициативе разгромил и покорил восставшие против них телесские племена. После этого, рассчитывая на поощрение со стороны жужаньского кагана Анахуаня, Бумын обратился к нему с предложением выдать за него замуж свою дочь. В результате возможного заключения этого династийного брака тюркский правящий род Ашина мог бы породниться с правящим родом жужаньских каганов и тем самым существенно повысить свой статус в Жужаньском каганате. Однако недальновидный правитель жужаней по поводу этого обращения «крайне разгневался» и в оскорбительной форме отказал Бумыну. В ответ на это оскорбление тот убил жужаньского посланника. После убийства посла примирение между древними тюрками и жужанями стало невозможным. Однако прежде чем начинать военные действия против жужаней, тюркский правитель Бумын обратился с предложением заключить династий-

ный брак с китайской принцессой из правящей династии империи Западная Вэй. Китайский император Вынь-ди выдал за него замуж китайскую принцессу Чан-лэ [Бичурин, 1998. С. 232]. Обеспечив за счет этого династийного брака военно-политический союз с империей Западная Вэй, тюркский правитель Бумын напал и полностью разгромил войска жужаней. После этой победы он был провозглашен полновластным правителем, «Эль-каганом» Великого Тюркского каганата. Тюркское государственное образование из небольшого вассального владения на Алтае в короткие сроки стало самой могущественной кочевой империей во всей Центральной Азии.

В дальнейшем древние тюрки подчинили многочисленные кочевые племена в пределах всего степного пояса Евразии. Среди тех этносов, которых удалось подчинить древним тюркам, были енисейские кыргызы, проживавшие в это время в Минусинской котловине. Один из преемников Бумына, Мухан-каган, на западе от тюркских владений «разбил» владение Иду (Хами), на востоке «прогнал» киданей, а на севере «покорил Цигу» (кыргызов). Всего за несколько лет он смог добиться всех основных целей, которые, как правило, ставили перед собой создатели центрально-азиатских кочевых империй. Мухан-каган смог подчинить своей власти центрально-азиатские кочевые племена, сумел поставить под контроль тюркских кочевников и часть Великого Шелкового пути, подчинил себе небольшие китайские государства Северное Ци и Северное Чжоу. В результате своих военных побед он «привел в трепет все владения», находившиеся за границами государств северного Китая в пределах древней китайской империи Хань [Бичурин, 1998. С. 233]. Вполне вероятно, что для покорения енисейских кыргызов древним тюркам не понадобилось даже совершать военных походов через Саянские горы в Минусинскую котловину. Судя по всему, реально оценив возможные результаты и последствия предстоящих военных столкновений с древними тюрками, правитель енисейских кыргызов предпочел не оказывать им активного вооруженного сопротивления. Довольно успешным было продвижение древних тюрков в западном и южном направлениях. Эти продвижения возглавил правитель западного крыла Первого Тюркского каганата, младший брат Бумына, ябгу-каган Истеми. Он возглавил древнетюркские войска, которые направлялись в погоню за потерпевшими поражение и бежавшими в западном направлении племенами аваров. Древние тюрки смогли освоить горы и долины Тянь-Шаня, степи Семиречья в Средней Азии и Казахстане. Прежнее кочевое население, обитавшее в течение предшеству-

ющего периода в этих районах, было частично вытеснено или включено и ассимилировано древними тюрками [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 18–20].

В течение последующего исторического периода возрождения и значительного усиления древнетюркской государственности, в эпоху образования Второго Восточного Тюркского каганата в VII–VIII вв., когда время правления эль-кагана Бумына стало рассматриваться в качестве отдаленной, давно прошедшей исторической эпохи, она даже сопоставлялась с началом мироздания. «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращурь – Бумын-каган, Истеми-каган» [Кляшторный, 2006. С. 438].

После решающих побед над войсками жужаней и разгрома Жужаньского государства в середине I тыс. н. э., древнетюркские номады довольно широко расселились в пределах всего Центрально-Азиатского историко-культурного региона и сопредельных регионов степного пояса Евразии. В надписи на памятной стеле, установленной в честь древнетюркского принца Кюль-тегина в Хушо-Цайдаме в Монголии было отмечено, что «тюркский народ» в это время расселился в пределах всей Центральной Азии, от Кадырканской Черни (Большого Хингана) до Железных ворот (проход Бузгала в горах Буйсун-тау, расположенного по дороге из Самарканда в Балх) [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 18].

Основные типы погребальных и поминальных памятников сформировавшейся к этому времени древнетюркской культуры представляют собой захоронения по обряду ингумации в сопровождении верховых лошадей или баранов и поминальные комплексы в виде оградок из вертикально врытых каменных плит с вертикально установленными каменными стелами, антропоморфными каменными изваяниями и рядами каменных столбиков – балбалов по числу убитых поминаемым воином при жизни врагов. Они получили широкое распространение среди древнетюркских кочевников по всей обширной территории Саяно-Алтая и Центрально-Азиатского региона. Археологические комплексы кудыргинского этапа древнетюркской культуры были выявлены на территории от Саяно-Алтая по всей обширной территории Центральной Азии вплоть до Тянь-Шаня. Древние тюрки смогли, хотя и на довольно непродолжительный исторический период, в течение второй половины I тыс. н. э., подчинить своей власти большую часть кочевых племен, обитающих на территории степного пояса Евразии, и завоевать некоторые городские и оседло-земледель-

ческие оазисы на сопредельных территориях Средней Азии и современного Синьцзяна, а также активно противостоять в военном отношении ведущим и могущественным государствам того времени, Китайской, Иранской и Византийской империям [Худяков, 2007. С. 38].

Заключение

В период возвышения древнетюркской государственности енисейские кыргызы определенно проживали в пределах территории степных районов Минусинской котловины. Однако не приходится сомневаться в том, что в то же время енисейские кыргызы сумели подчинить своей власти местные кетские и самодийские племена, которые были низведены в Кыргызском государстве на положение вассальных племен – кыштымов. Они были оттеснены в таежные окраины долины р. Енисей и были вынуждены платить кыргызским князьям подати пушниной и железными изделиями. Такое положение сохранялось на всем протяжении существования государства енисейских кыргызов в Минусинской котловине, вплоть до Нового времени.

Список литературы

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: ТОО «Жалын баспасы», 1998. Т. I. 390 с.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во Вост. лит., 1961. 392 с.

Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 486 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2002. 156 с.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2006. 130 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2007. 156 с.

References

Bichurin N.Y. Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Almati, TOO Jalin baspasi publ., 1998. T. I. 390 p. (in Russ.)

Khudyakov Yu.S., Komissarov S.A. Kochevaia civilizatsia Vostochnogo Turkestana. Novosibirsk. Novosib. Gos. Un-t, 2002. 156 p. (in Russ.)

Khudyakov Yu.S. Arkheologia Yujnoi Sibiri khunno-sianbiiskoi epokhi. Novosibirsk. Novosib. Gos. Un-t, 2006. 230 p. (in Russ.)

Khudyakov Yu.S. Drevneturkskii kulturnii fenomen v Centralnoi Azii. Novosibirsk, Novosib. Gos. Un-t. 2007. 156 p. (in Russ.)

Klyashtorny S.G. Problemi rannei istorii plemeni Turk (Ashina). Novoe v sovetskoj arkheologii. Moscow, Nauka publ., 1965. P. 278–281. (in Russ.)

Klyashtorny S.G., Savinov D.G. Stepnie imperii Evrazii. SPb., Farn publ., 1994. 165 p. (in Russ.)

Klyashtorny S.G. Pamiatniki drevneturkskoj pisimennosti i etnokulturnaia istoria Centralnoi Azii. SPb., Nauka publ., 2006. 591 p. (in Russ.)

Kuner N.V. Kitaiskie izvestia o narodakh Yujnoi Sibiri, Centralnoi Azii i Dalnego Vostoka. Moscow, Vost. Lit-ra publ., 1961. 392 p. (in Russ.)

Taskin V.S. Materiali po istorii drevnikh kochevikh narodov gruppi dunkhu. Moscow, Nauka Publ., 1984. 486 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received

10.04.2021

Информация об авторах / Information about the Authors

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of History, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

khudjakov@mail.ru

ORCID 0000-0002-4741-9971

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Alisa Yu. Borisenko, Candidate in History, Senior Researcher, Laboratory for humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation) aborisenko2@mail.ru

ORCID 0000-0001-9558-5678

**«Выбрав из войска храбрецов и бойцов,
прорывающих ряды...».
К вопросу о некоторых особенностях тактического
искусства Амира Тимура**

Л. А. Бобров

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены особенности тактики армии Амира Тимура, а также их влияние на развитие военного искусства мусульманского Востока. Установлено, что Тимуру удалось эффективно использовать мобилизационный потенциал своего государства. Из оседлого населения Хорасана и Мавераннахра были созданы подразделения пеших лучников, обученных сражаться под прикрытием больших станковых щитов-*чапаров*. В свою очередь, лояльные племена кочевников исправно поставляли в войска Тимура кавалерийские подразделения. Основой боевого построения был тактический «каркас» из усиленных *канбулов*, мощного авангарда и резерва, составленного из отборных воинов. Такой боевой порядок позволял эффективно противостоять охватам и фронтальным атакам противника. Кроме того, данное боевое построение было приспособлено и для быстрого перехода от обороны к массовой контратаке, проводимой силами авангарда и *канбулов*, выдвинутых в сторону противника. Уязвимость ослабленных фланговых корпусов частично компенсировалась за счет применения стрелковых пехотных подразделений, к которым присоединялись спешенные конные лучники. Концентрированный лучной удар, как правило, останавливал атаку противника и создавал условия для перехода в контрнаступление. Важную роль играли организационно-тактическая автономность корпусов-*кулов*, которые могли самостоятельно вести бой даже в условиях прорыва фронта и окружения. Спешившись и прикрывшись щитами, воины атакованного корпуса могли продержаться до подхода деблокирующего отряда. Мобильный резерв, находящийся под личным командованием Тимура, мог быть использован как для отражения вражеской атаки, так и для усиления наступающего прорыва войск.

Ключевые слова

Армия Тимура, тактическое искусство Тимура.

Источник финансирования

Работа проведена в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Бобров Л. А. «Выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды...». К вопросу о некоторых особенностях тактического искусства Амира Тимура // *Universum Humanitarium*. 2021. № 1. С. 17–40

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40

"Among the troops he chose brave warriors, who were battling through ranks...". On Some Peculiar Aspects of Amir Timur's Tactical Art

L. A. Bobrov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

This article revises the peculiarities of Amir Timur's army tactical peculiarities, as well as their influence on the development of martial art of the Muslim East. It is established that Timur effectively used the mobilization potential of his state. The sedentary population of Chorasa and Transoxiana formed the infantry archery units who were taught to fight under cover of large standing shields - chapars. At the same time, loyal nomad tribes were the source of horse cavalry for the Timur's army. The base of battle formation was represented by a tactical "skeleton" formed of forced kanbuls, powerful advance guard and a reserve (that included elite warriors). Such battle formation allowed Timur to effectively face outflanking and frontal attacks of the enemy. Besides, such battle formation also fit for quick shift from defense to massive counterattack, performed by advance guard and kanbuls projected towards the enemy. The vulnerability of weakened flank corps was partially compensated by using infantry archery units with support of dismounted archers. As a rule, massive archery attack stopped the enemy's attack and provided for counterattack. The organizational and tactical autonomy of kul corps, which could embattle independently even if there was a front breakthrough or encirclement, played an important role. Dismounted, enshielded warriors of the corps could repulse the attacks until the deblocking unit approaches. A fast-moving reserve under Timur's personal command could be used for both repulsing an attack and augmenting the advancing troops.

Keywords

Timur's army, Timur's tactical art.

Funding

The work was carried out as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation

Bobrov L. A. "Among the troops he chose brave warriors, who were battling through ranks...". On Some Peculiar Aspects of Amir Timur's Tactical Art // *Universon Humanitarium*. 2021. № 1. P. 17–40

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-17-40

Военное искусство Амира Тимура (1336–1405) по праву признается специалистами высшей стадией развития традиционного военного дела средневекового населения Мусульманского Востока.

Военно-культурное наследие великого завоевателя, а также его политических преемников и противников продолжает оставаться актуальным направлением современных научных исследований в Узбекистане, России, Великобритании, США и других странах [Gorelik, 1979. Р. 40–50, 60–63; Nicolle, 1990. Р. 3–63; Roux, 1991; Бобров, Худяков, 2002. С. 110–113, 143–147, 150; Ибяттов, 2003; Миргалеев, 2003. С. 3–88; Ру, 2004; Миргалеев, 2007. С. 3–108; Йазди, 2008. С. 3–10; Костюков, 2010. С. 172–183; Kadoi, 2010. Р. 143–162; Миргалеев, 2011. С. 170–182; Бобров, 2011. С. 21–24, 33, 34, 42, 44; Бобров, 2015. С. 111–134; Бобров, 2016. С. 247–263; Бобров, 2018. С. 23–62; Бобров, Хайдаков, 2019. С. 125–145; Бобров, 2020. С. 108–119]. Однако профильная проблематика изучена весьма неравномерно: если военная история Тимура неоднократно привлекала внимание исследователей, то другие вопросы изучены в значительно меньшей степени. К их числу относится и тактическое искусство некоронованного владыки Мавераннахра¹.

Изучение тактики армий Амира Тимура и его преемников возможно на основе комплексного анализа письменных, вещественных и изобразительных источников. Основными письменными источниками по данной теме являются «Зафар-наме» («Книга Побед») Низам ад-Дина Шами (завершена в 1404 г.) и особенно «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди (завершена в 1424–1425 гг.). Данные произведения содержат достаточно подробные описания походов и сражений Амира Тимура. Основой для обоих текстов «Зафар-наме» послужили «придворные дневники времен Амира Тимура», отчеты чагатайских военачальников, сообщения участников и современников описываемых событий, а также другие источники [Золотая Орда, 2003. С. 307, 367; Йазди, 2008. С. 3, 4]. Ценные сведения о военном деле чагатайской армии содержат также «Дневник похода Тимура в Индию» Гийасадинна Али, «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1405–1406)» испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, «Аноним Искандера» Муин ад-Дина Натанзи (составлен в 1413–1414 гг.), сочинение «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» Шихабеддина

¹ Учитывая, что современная боевая практика существенно отличается от военных реалий эпохи Средневековья, особо оговорим, что здесь и далее под тактикой мы понимаем составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными компонентами тактики являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения. Дополнительными элементами тактики являются подготовка сражения, развертывание войск (переход от походного строя в боевой), тактическая разведка, организация отступления, преследование войск отступающего противника, военные хитрости и др.

Ахмеда ибн Мухаммеда, более известного под именем Ибн Арабшаха (1388–1450), и некоторых другие произведения.

К сожалению, объем настоящей публикации не позволяет всесторонне проанализировать тактическое искусство Амира Тимура, поэтому мы остановимся лишь на некоторых аспектах, связанных с особенностями боевого построения и тактических приемов чагатайской армии последней трети XIV – начала XV в.

Становление Тимура как полководца пришлось на начальный период распада Имперско-Чингизидской военно-культурной традиции, которая в XIII – первой половине XIV в. доминировала на просторах Евразии от восточноевропейских степей до Великой Китайской равнины и от южных районов Западной и Центральной Сибири до Ирана, Мавераннахра и Моголистана. Несмотря на некоторые кризисные явления, проявившиеся в середине XIV в., Имперско-Чингизидская модель военного искусства продолжала оставаться образцом для большинства степных народов Евразии и многих сопредельных территорий.

За полтора столетия, прошедших с момента Монгольского нашествия, представители оседлых народов тщательно изучили вооружение, военную организацию и тактику кочевников, однако последние продолжали оставаться исключительно опасным противником, что наглядно продемонстрировали битвы на р. Пьяне (1377 г.), в Чуколакской степи (1387 г.), у р. Ворскла (1399 г.), сражение при Солхате (1432 г.), Тумуская битва (1449 г.) и др. При этом победы над кочевниками давались подчас весьма дорогой ценой (Куликовская битва 1380 г., Кондурчинское сражение 1391 г., битва у р. Терек 1395 г. и др.).

В этих условиях перед Тимуром стояли две важных задачи. Первая заключалась в том, чтобы максимально эффективно использовать имевшийся в его распоряжении мобилизационный ресурс, представленный как кочевым, так и оседлым населением Мавераннахра и сопредельных земель. Кроме того, защита и расширение границ государства были невозможны без выработки эффективных тактических схем противодействия коннице кочевников на просторах Евразийской степи.

Доминирование кочевников в полевых сражениях XIII–XIV вв. основывалось на высокой мобильности, которую обеспечивал великолепный конский парк, массированном применении мощных сложносоставных луков (преимущественно «монгольского типа»

и их дериватов), эффективной военной организации, высоком уровне дисциплины, качественной системе управления войсками, а также весьма совершенных для своего времени тактических приемах ведения боя. Среди последних можно выделить *тулгаму*, *шиучи*, притворное бегство, цепи конных лучников, а также связанный с ними прием «Воронья стая» и др. [Бобров, 2013. С. 321–258; Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 5–47; Бобров, Сальников, 2015. С. 786–797; Бобров, 2016а. С. 210–388].

Наибольшую опасность для обороняющейся армии представляла *тулгاما* – тактический прием, который предусматривал охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям [Бобров, 2013. С. 237–241]. Охват фланга конными стрелками вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим, что приводило к нарушению боевых порядков, но не решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами с фронта, с фланга и с тыла. В случае необходимости номады повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах. Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из-под удара конницы противника, а затем снова возвращались на поле боя. При этом вражеские отряды, вынужденные совершать непредусмотренные планом боя развороты и перестроения под ливнем стрел, неизбежно нарушали строй. В конечном счете это приводило к смешению рядов и отступлению обороняющихся войск [Бобров, 2013. С. 237–241; Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 13, 14, 44; Бобров, Сальников, 2015. С. 786–797; Бобров, 2016а. С. 247–255].

Представляется возможным выделить три основных разновидности рассматриваемого тактического приема, применявшихся кочевниками: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) *тулгاما* [Бобров, 2016а. С. 247–254]. Наиболее типичной являлась правофланговая *тулгاما*, при выполнении которой номады атаковали левое крыло противника своим правым флангом. Доминирование данной разновидности маневра вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу по врагу из максимально удобного положения (влево-вперед, влево и влево-назад), что было бы затруднительно, если бы противник на-

ходилась справа от атакующей конницы ². Тем не менее, в некоторых случаях, чтобы маневр был неожиданностью для обороняющегося врага, он осуществлялся левым флангом (левофланговая *тулгاما*) или двумя флангами одновременно (парная *тулгاما*). В последнем случае армия противника могла быть взята в кольцо [Бобров, 2013. С. 237–241; Кушкumbaев, Бобров, 2013. С. 13, 14, 44; Бобров, Сальников, 2015. С. 786–797; Бобров, 2016а. С. 247–255]. Следует также подчеркнуть, что *тулгاما* могла осуществляться как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком.

Тактический прием *тулгاما*, исполняемый многочисленной и хорошо подготовленной степной конницей, блестяще работал и до Тимура и после него, в чем наглядно смог убедиться его потомок Захир ад-Дин Мухаммад Бабур в сражении с узбеками Мухаммеда Шейбани у Ходжа Кардзана в 1501 г. [Бобров, 2013. С. 237–241].

Исключительная боевая эффективность *тулгاما* вынудила военных теоретиков и практиков Европы и Азии начать поиски мер по противодействию данному маневру кочевников. Однако подобрать «противоядие» для *тулгамы* в рамках традиционной средневековой тактики оказалось крайне сложно. Опираясь на превосходство в мобильности и дистанционном бою, номады могли раз за разом безнаказанно повторять маневр, ускользая из-под контрударов противника и обрушивая на него ливень стрел. В подобных условиях фронтальные атаки, фланговые прорывы, разворот фронта и некоторые другие тактические приемы, как правило, не приводили к желаемому результату (битвы на Ворскле в 1399 г., у Сыгнака в 1427 г., у Ходжа Кардзана в 1501 г., у Панипата в 1526 г. и др.).

Вместе с тем самые действенные в условиях развитого Средневековья приемы борьбы с *тулгамой* были сформулированы еще Плано Карпини в середине XIII в. Он, в частности, подчеркивал, что европейским полководцам, намеревающимся сразиться с монголами, следует располагать армию так, чтобы ее тыл и фланги были прикрыты лесом: «...с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы татары не могли проникнуть между войском и лесом (здесь и далее курсив наш. – Л. Б.)» [Плано Карпини, 2008. С. 67]. Действительно, использование особенностей поля боя и рельефа местности, когда фланги обороняющейся армии были прикрыты густым лесом,

² Для стрельбы по противнику, находящемуся справа, конному лучнику пришлось бы удерживать лук правой рукой или изгибать корпус, оттягивая тетиву лишь до груди, а не до щеки или до уха.

болотом, рекой, горами, существенно сокращали эффективность *тулгамы*, а то и вовсе делали его реализацию невозможной. Грамотное расположение войск в таких условиях давало обороняющимся шанс опрокинуть кочевников в ходе фронтального сражения. Так, например, согласно версии М. Стрыйковского, именно прикрытые фланги и хитроумное шестичастное построение войск позволило князю Ольгерду избежать татарской *тулгамы* и, в конечном счете, выиграть битву на Синих водах в 1362 г. [Strykowski, 1846. Р. 6, 7]. В Куликовской битве 1380 г. лесистая местность максимально затруднила действия золотоордынской конницы. Последней (согласно традиционной версии сражения) все же удалось совершить правофланговую *тулгаму* и прорваться между русским полком левой руки и Зеленой дубравой. Однако подобная возможность была предугадана полководцами московской армии. Скрытый в Зеленой дубраве засадный полк нанес мощный удар во фланг и в тыл татарской коннице и тем самым решил участь битвы.

Тем не менее, несмотря на высокую эффективность, подобный способ защиты от *тулгамы* в наибольшей степени подходил для сражений на пересеченной местности. В условиях степного театра боевых действий он, как правило, был малоэффективен.

Плано Карпини понимал этот нюанс, поэтому предлагал альтернативный способ борьбы с маневрами кочевников: «Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды татар, сзади, справа или слева, и всегда должно *отправлять им навстречу отряд против отряда, ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине*: отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение» [Плано Карпини, 2008. С. 67]. Таким образом, Плано Карпини предлагал сочетать тактическую разведку с автономными корпусами, которые должны были действовать на опережение и перехватывать кочевников еще до того, как они замкнут кольцо окружения.

Однако сказать оказалось легче, чем сделать. Особенности военной организации большинства средневековых армий вкупе с низким уровнем дисциплины не позволяли основной массе европейских и азиатских полководцев воплотить идеи Плано Карпини в жизнь. К числу немногочисленных примеров успешной реализации подобной тактической схемы можно отнести боевую практику Амира

Тимура. Постоянно сталкиваясь с *тулгамой* кочевников, великий завоеватель разработал достаточно сложную, но эффективную тактическую комбинацию, основанную на сочетании малых караулов, усиленных фланговых авангардов (*канбулов*) и мощных автономных резервных корпусов³.

В задачи подразделений тактической разведки входила слежка за передвижениями войск кочевников. При первых признаках начала маневра *тулгана* воины караулов должны были сообщить об этом армейскому командованию. Главная роль в отражении маневра *тулгана* отводилась *канбулам*. Последние представляли собой особые войсковые соединения, расположенные на самом краю боевого построения армии – впереди и немного под углом к основным фланговым корпусам (рис. 1). Таким образом, на *канбулы* были возложены функции авангарда фланга и одновременно флангового охранения. Главной тактической задачей *канбулов* был перехват вражеских войск еще на подходе к главным чагатайским позициям, чтобы не позволить кочевникам совершить обходной маневр. Многочисленный тактический резерв страховал и поддерживал *канбулы* и фланговые группы на случай, если номадам все же удастся обойти или прорвать основную линию боевого построения чагатайских войск (см. рис. 1).

В литературе встречается мнение, что *канбулы* были впервые применены Тимуром в Кондурчинской битве в 1391 г. В действительности это не так. Еще в 1365 г. при сражении с кочевниками-моголами 29-летний Тимур и Хусайн-бек снабдили два своих *кула* фланговыми *канбулами* [Йазди, 2008. С. 38].

Отметим, что Амир Тимур не был изобретателем *канбулов*, но он существенно усилил их, что изменило традиционный баланс боевого построения чагатайской армии [Бобров, 2018. С. 27, 28]. Со временем *канбулы* в его войсках стали достигать столь внушительных размеров, что из флангового охранения/авангарда превратились

³ Очевидно, что данная идея Амира Тимура основывалась не на сочинении Плано Карпини, а на осмыслении собственной боевой практики, а также опыта своих предшественников. Тем не менее, значительный интерес представляет тот факт, что военные теоретики и практики разных регионов Евразии, поставленные перед задачей выработки тактических схем противодействия коннице кочевников, действующей в рамках Имперско-Чингизидской военно-культурной традиции, приходили к весьма схожим выводам. Принципиально новый способ борьбы с *тулгамой* будет предложен лишь в позднем Средневековье. Он будет основываться на сочетании действий конницы с полевой артиллерией и многочисленной пехотой, вооруженной огнестрельным оружием и укрывшейся за стенами «тележной крепости» – *вагенбурга*, *табора* и др. [Бобров, 2016а. С. 254, 255].

в самостоятельный армейский корпус-кул, способный решать важные тактические задачи [Бобров, 2018. С. 27, 28, 40–44] ⁴. Так, левофланговый *канбул* в битве на Кондурче составляли целых два *тумена* всадников под командованием Бердибека и Худайдада [Бобров, 2018. С. 28]. Вероятно, схожую организацию и численность имел и правофланговый *канбул*, во главе которого стояли Хаджи Сейф ад-Дин и Джеханшах-бахадур [Бобров, 2018. С. 27, 28]. Наличие двух командиров в составе одного армейского корпуса позволяет предположить, что *канбул* был двухчастным, а формирующие его соединения могли располагаться в два эшелона, возможно, под углом друг к другу. Во всяком случае, в ходе Кондурчинской битвы упомянутый корпус Хаджи Сейф ад-Дина прервал левофланговую *тулгаму* золотоордынцев (см. рис. 2, а, 1,2), а Джеханшах-багатур смог выручить самого Хаджу Сейф ад-Дина, когда его войску стало грозить окружение (см. рис. 2, а, 3) [Бобров, 2018. С. 40, 41, 43, 44]. Части *канбула* вводились в бой последовательно, при этом резервная часть соединения страховала и поддерживала своих товарищей, уже вступивших в бой (см. рис. 2, 3).

В целом необходимо отметить, что предложенное Амиром Тимуром тактическое решение оказалось исключительно эффективным. Ни в одной битве последней трети XIV в., где были использованы усиленные *канбулы*, кочевникам не удалось охватить фланги чагатайской армии.

Будучи ключевым элементом защиты флангов в ходе оборонительного сражения, *канбулы* в то же время оказались весьма востребованы и при ведении наступательного боя. В этом случае *канбулы* находились на острие атаки, и, как показала боевая практика последней трети XIV – начала XV в., могли самостоятельно начинать и проводить описанный выше маневр *тулгама*, заключающийся в охвате флангов противника.

⁴ Кул – временное автономное оперативно-тактическое соединение (тактический корпус), создаваемое на период проведения сражения, похода, реже отдельной военной кампании. Высшая тактическая единица армии Тимура. Состоял из отдельных отрядов – *кошунов*. Численность воинов, составляющих *кул*, могла существенно варьироваться. По данным М.В. Горелика, *кул* традиционно насчитывал от 1 тыс. до 8 тыс. бойцов [Горелик, 2002. С. 31]. В Кондурчинской битве третий (резервный *кул*) состоял из 20 *кошунов*, а седьмой *кул* (левофланговый *канбул*) из двух *туменов* (максимум 20 тыс. воинов).

Другим важным тактическим нововведением Тимура был усиленный авангардный кул (*Манглай* ⁵). Согласно распространенной боевой практике номадов, авангардные части обычно формировались из легких конных лучников. Они завязывали сражение, «размягчали» боевые порядки противника интенсивной лучной стрельбой, провоцировали его на неподготовленную атаку. Амир Тимур изменил подобную схему весьма радикальным образом. Авангард его армии стал состояться из отборных (в том числе элитных) хорошо вооруженных подразделений, способных эффективно вести не только дистанционный, но и ближний бой. Так, например, в Кондурчинской битве 1391 г. авангардный кул Тимура состоял из *харавула* ⁶ под командованием Осман-бахадур, гвардии чагатайского хана (формального правителя государства) Султан-Махмуда ибн Суюргатмиша ⁷ и элитного *тумена* Сулейман-шаха [Бобров, 2018. С. 25, 30, 32, 33]. Последний являлся также командиром всего авангардного кула [Золотая Орда, 2003. С. 298, 347, 370; Йазди, 2008. С. 147, 403; Бобров, 2018. С. 25, 30]. Описывая этот «царский» кул, Шараф ад-Дин Али Йазди подчеркивает, что он «...весь состоял из людей боевых и храбрецов, владеющих мечом», его воины «...все были бахадурами с известными именами» [Золотая Орда, 2003. С. 347; Йазди, 2008. С. 147].

Подобный усиленный авангардный кул выполнял в сражении роль тактического «волнореза», о который разбивались атакующие «волны» легких лучников кочевников ⁸. Он не позволял номадам приблизиться к центру боевого построения чагатайской армии, что резко снижало потенциал фронтальной атаки противника (см. рис. 1, 2).

⁵ Под таким названием чагатайский авангард фигурирует в тюркском списке «Зафар-наме» [Йазди, 2008. С. 144, 267, 366, 367].

⁶ *Харавул* – передовой отряд. Аналогом *харавула* в русском военном искусстве был «сторожевой полк».

⁷ В тексте «Зафар-наме» ханская гвардия фигурирует как «Войско Султан Махмуд-хана» [Золотая Орда, 2003. С. 370; Йазди, 2008. С. 142]. Установить точную численность «гвардейского «войска» в Кондурчинской битве затруднительно. Возможно, что, как и в случае с гвардейским *кошуном* самого Тимура, ханский отряд насчитывал 1 тыс. воинов. Однако в сообщении Йазди, посвященном событиям военной кампании 1389 г., упоминается «туман Султана Махмуд-хана» [Йазди, 2008. С. 136]. Не исключено, что и в походе 1391 г. были задействованы части данного «ханского» *тумена*, кроме тех отрядов, которые остались в Мавераннахре в качестве охраны дворца номинального главы государства.

⁸ Характерно, что в упомянутой Кондурчинской битве кипчакский *кошун* Осман-бахадур смог опрокинуть три противостоявших ему золотоордынских *кошуна*.

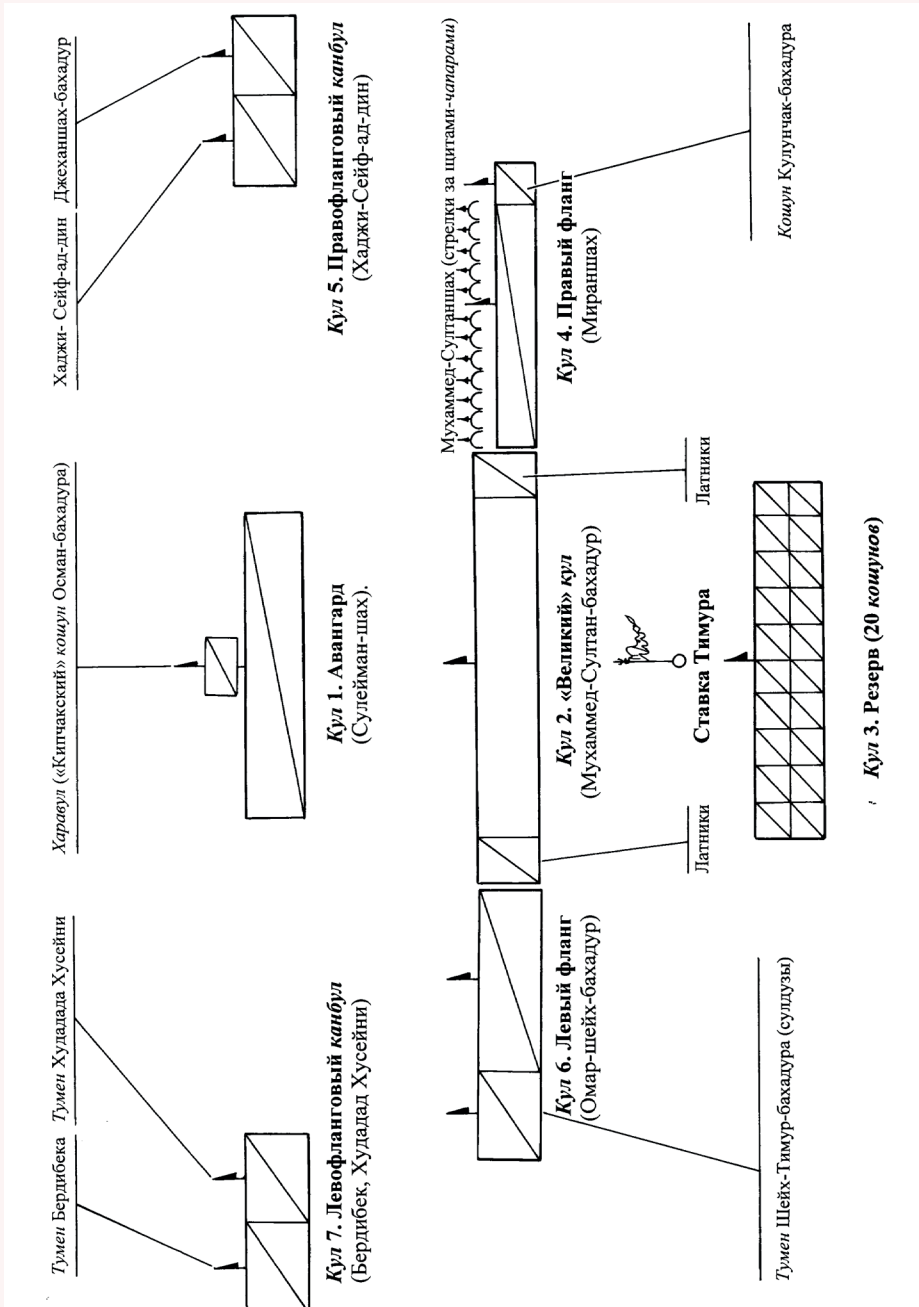

Рис. 1. Боевой порядок армии Амира Тимура в Кундурчинской битве (1391 г.). Реконструкция и рисунок: Бобров Л. А.
Fig. 1. Order of battle of Amir Timur's army in the Battle of Kundurchin (1391). Reconstruction and drawing: Bobrov L. A.

Третьей важной особенностью боевого построения армии Амира Тимура был мощный тактический резервный корпус-кул (см. рис. 1–3). Обычно исследователи подчеркивают его многочисленность. Так, например, чагатайский резерв в битве под Кондурчой составляли 20 *кошунов*, в битве у р. Терек – 27 *кошунов*, сражении при Анкаре – 40 *кошунов*. Однако, зная среднюю численность *кошуна*, сложно назвать резервный *кул* очень многочисленным. На наш взгляд, сила резервного *кула* была обусловлена не столько его численностью, сколько качеством составляющих его воинов, а также тактическими особенностями применения данного корпуса. Шараф ад-Дина Али Йазди сообщает, что в Кондурчинской битве: «20 *кошунов* людей отважных, *выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды*, он [Тимур] оставил при себе и стал *отдельно позади главного корпуса* с тем, чтобы во время самого разгара сражения, когда храбрецы с обеих сторон схватятся друг с другом, если у одной из частей его победоносного войска будет нужда в подкреплении, он будет готов к помощи и снаряжен к делу» [Золотая Орда, 2003. С. 347, 348; Бобров, 2018. С. 26, 28].

Подобное описание позволяет предположить, что резервный *кул* был составлен из отборной тяжеловооруженной (?) конницы «*бахадуров, прорывающих ряды*». В состав резервного *кула*, вероятно, входил и *кошун кавчинов* («из рода особой тысячи») – личная гвардия Тимура [Йазди, 2008. С. 165, 410, 411; Бобров, 2018. С. 26, 28]. Резерв находился под его непосредственным командованием и располагался позади центрального («великого») корпуса (*Улуг-кул*). Это было элитное ударное соединение, способное в решающий момент оказать помощь чагатайским войскам на любом участке сражения [Бобров, 2018. С. 26, 28].

Концентрация отборных подразделений в составе *канбулов*, авангарда и резерва формировала надежный каркас боевого построения, практически ликвидируя опасность флангового охвата и, в меньшей степени, фронтального прорыва центра. Однако у данного тактического решения имелись и уязвимые стороны. Усиливая *канбулы* и авангард, Тимур невольно ослаблял центральный корпус и особенно фланги. И если *Улуг-кул* был прикрыт мощным авангардом-*мангалаем*, то фланговым *кулам* в случае массированной фронтальной атаки противника грозила немалая опасность. Характерно, что именно левофланговые корпуса будут прорваны золотоордынскими войска-

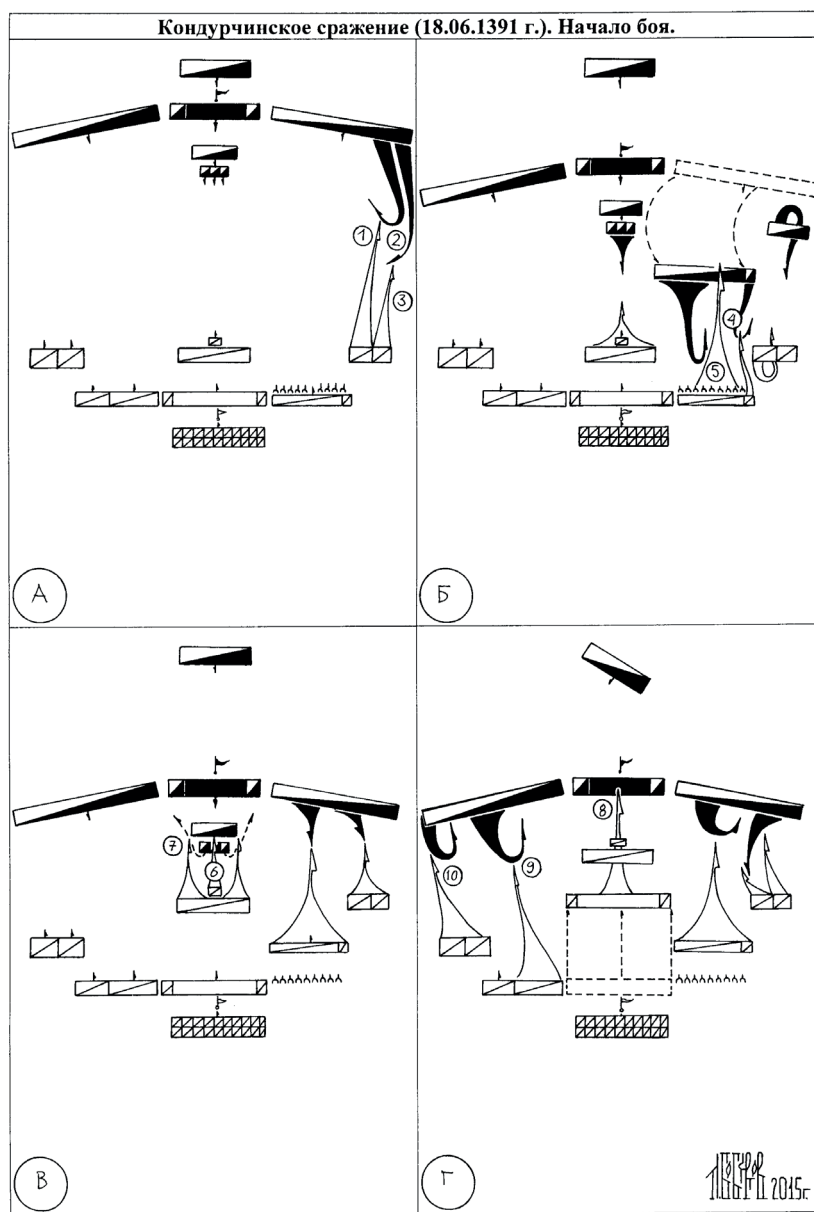

Рис. 2. Кондурчинское сражение. Начало боя.

Реконструкция и рисунок: Бобров Л. А.

Pic. 2. Battle of Kondurchin. The beginning of the battle.

Reconstruction and drawing: Bobrov L. A.

ми, как в сражении на Кундурче в 1391 г. (см. рис. 3), так и на Тереке в 1395 г.

Амир Тимур осознавал указанные риски и предпринял ряд мер, которые должны были уменьшить опасность прорыва флангов. Первым ответом стал резкий рост значения ведения оборонительного боя в пешеходных порядках. Это достигалось как увеличением численности и качества собственно пехотных (преимущественно стрелковых) контингентов, набранных из числа оседлого населения Мавераннахра и Хорасана⁹, так и внедрением практики массового спешивания кавалерийских подразделений.

Подчеркнем, что Амир Тимур не был изобретателем практики спешивания конных лучников в ходе сражения. Данная тактика применялась хуннами, сяньби, древними тюрками, сеяньтосцами и другими народами Великой степи еще в эпоху поздней Древности и раннего Средневековья [Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 11–13; Бобров, 2016а. С. 281]. Весьма заметное место она занимала и в военной практике монголов XIII в. Об искусстве пешей лучной стрельбы воинов Чингиз-хана и его преемников свидетельствуют как европейские (Плано Карпини, Марко Поло), так и азиатские авторы (Пэн Да-я, Сюй Тин, составители «Юань ши» и др.) [Золотая Орда..., 2009. С. 70; Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 11–13].

Однако своего наивысшего развития рассматриваемая боевая практика достигла именно в военном искусстве Амира Тимура. Чагатайские воины второй половины XIV – начала XV в. научились эффективно сочетать массированную пешую стрельбу со стремительным кавалерийским натиском, что неоднократно приносило им победы как в относительно небольших авангардных и арьергардных боях, так и в масштабных полевых сражениях. В большинстве случаев спешенные лучники применялись для отражения вражеской атаки. Концентрированный лучной удар останавливал порыв вражеских войск и создавал предпосылки для осуществления контратаки, проводившейся силами кавалерийских подразделений. Объектом массированной стрельбы пешеходов и спешенных лучников могла быть как конница, так и пехота противника, причем в ходе сражения пешие и конные лучники взаимодействовали друг с другом.

⁹ Данный факт существенно отличал армию Тимура от монгольских войск XIII в., в которых пехота набиралась из покоренных народов и почти всегда играла вспомогательную роль.

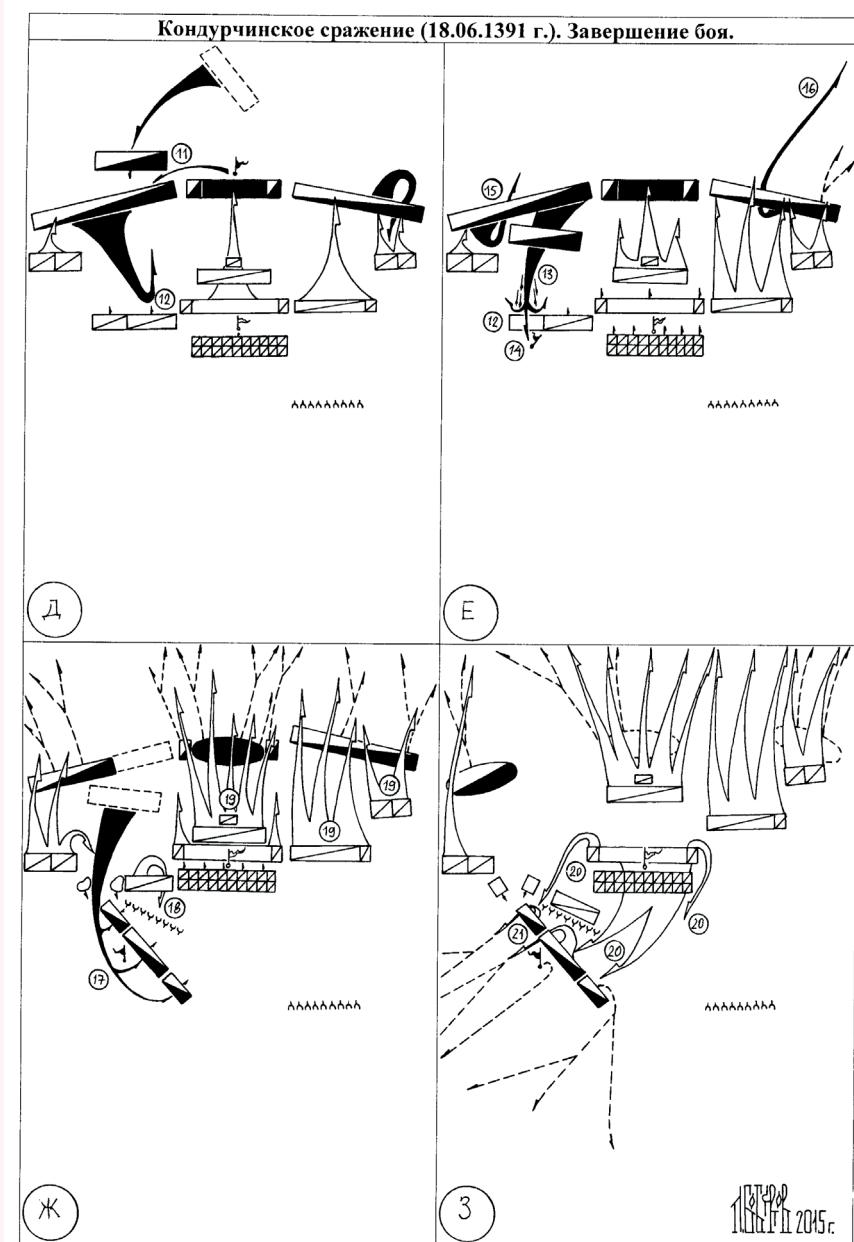

Рис. 3. Кондурчинское сражение. Завершение боя.

Реконструкция и рисунок: Бобров Л. А.

Pic. 3. Battle of Kondurchin. End of the battle.

Reconstruction and drawing: Bobrov L. A.

Вероятно, самым ранним примером использования подобной тактики Тимуром является сражение в Куббаи Матинг в 1364 г. Впоследствии ее активно и успешно применяли полководцы великого завоевателя: Джеханшах-багатур, Сулейманшах-бек, Ядгар барлас, Шамс ад-Дин Аббас и Гияс ад-Дин Тархан и др.

Интересно, что спешивание конных лучников использовалось не только для ведения боя от обороны, но в некоторых случаях даже при преследовании отступающего противника. Так, например, в 1393 г. небольшой чагатайский отряд, применяя тактику спешивания и лучной стрельбы, эффективно преследовал гораздо более многочисленного врага, противодействуя его попыткам контратаковать в конном строю: «Ийбадж Оглан из рода Джучи, Джалал Хамид, Усман Бахадур, Шайх Арслан, Саййид Ходжа, сын Шайх Али Бахадура, и другие беки туменов и бахадур, – всего сорок пять человек, в воскресенье двадцать второго дня месяца (31.08.1393) в степи Кербелы догнали Султан Ахмада. Те сорок пять человек все были беки и бахадур, и их кони были уставшими. С Султан Ахмадом было две тысячи человек. Из них двести повернули назад и, обнажив сабли, вступили в бой с этими. *Беки сошли с коней, взяли в руки луки со стрелами и ударами стрел отогнали их, и сели на коней, и стали заново преследовать врагов. Те опять вернулись, чтобы сразиться. А беки опять сошли с коней и стрелами отогнали врагов*» [Йазди, 2008. С. 171, 172].

Для защиты спешенных воинов от стрел противника использовались круглые ручные щиты, крепившиеся кожаными ремнями на левом предплечье. Еще более надежную защиту обеспечивали большие щиты *чапар* и *тура*, за которыми стрелок мог укрыться почти целиком. Последний факт существенно снижал эффективность стрельбы атакующих конных лучников противника, которые, в свою очередь, являлись превосходной мишенью для обороняющихся пеших и спешенных стрелков [Бобров, Худяков, 2008. С. 500–503, 509; Кушкумбаев, Бобров, 2013. С. 11, 13; Бобров, 2018. С. 26, 27, 50].

Во время Кондурчинской битвы 1391 г. впереди правофлангового кула Мираншаха были выстроены подразделения пеших (спешенных?) воинов, снабженных станковыми щитами: «На правом крыле он [Тимур] выстроил другой корпус, увенчав его победным знаменем мирзы Мираншаха; впереди находился царевич Мухаммед-Султаншах, *готовый к бою с окопными щитами и турами*» [Золотая Орда..., 2003. С. 348]. Возможно, что именно наличие спешенных стрелков

вынудило золотоордынцев отказаться от прорыва правого фланга чагатайской армии.

В сражении у р. Терек в 1395 г. для защиты ставки Тимура чагатайские воины спешивались и отбивали атаки золотоордынской конницы с помощью лука и стрел. Так как станковых щитов под рукой в этот раз не оказалось, пешие стрелки использовали в качестве защиты деревянные борты трех захваченных арб. Один за другим отряды армии Тимура подходили к месту схватки, спешивались и открывали стрельбу по противнику. В том же сражении у р. Терек оборонительный лучной бой, но уже с применением щитов, вел и правогофланговый *канбул* армии Тимура, которым командовал Хаджи Сейф ад-Дин. Интенсивный лучной бой под прикрытием щитов позволил спешенным воинам Хаджи-Сейф-ад-дина продержаться до похода корпуса Джеханшах-бахадур. Координируя действия своих *туменов*, военачальники Тимура отбили атаку ордынцев [Бобров, 2015. С. 123, 125; Бобров, 2016б. С. 255, 256].

Описанная боевая практика неоднократно приносила успех войскам Тимура и его полководцев, однако в случае значительного перевеса противника построения пеших и спешенных лучников могли быть прорваны. Так, например, в Кундурчинском бою элитная конница хана Тохтамыша после серии атак сумела опрокинуть *тумен* сулдузов (рис. 3, е, 12–14, ж, 17).¹⁰ И здесь мы должны зафиксировать еще одну особенность тактического и организационного гения Амира Тимура – автономность армейских корпусов-*кулов*. Каждый из них мог вести бой самостоятельно, в том числе в окружении. Для этой цели в состав *кула* могли включаться как кавалерийские, так и пехотные подразделения, что обеспечивало гибкость действий корпуса на поле боя. Крупнейшие *кулы* могли выделять из своего состава специальные фланговые отряды, превращавшие *кул* в самостоятельное боевое построение внутри общих боевых порядков армии¹¹.

¹⁰ В упомянутом прорыве участвовала военная элита Золотой Орды во главе с самим Тохтамышем «в сопровождении большого числа эмиров и храбрецов», а также «...всеми, у кого была имя и честь». Сулдузский *тумен* Шейх-Тимур-бахадур встретил наступающих ордынцев ливнем стрел. Однако «храбрецы» Тохтамыша иступленно, «ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и метательными копьями повторяли свои атаки», одна из которых и увенчалась успехом [Золотая Орда..., 2003. С. 349; Бобров, 2018. С. 53].

¹¹ Традиция снабжать центральный корпус специальным фланговым охранением сохранилась в боевой практике многих мусульманских народов позднего Средневековья и раннего Нового времени. Так, например, она фиксируется у крымских татар середины XVII в. [Бобров, 2016а. С. 329–321].

Важную роль в повышении боеспособности вооруженных сил Мавераннахра играли и особенности военной организации армии Тимура. Высший командный состав чагатайских войск был тщательно подобран и воспитан самим великим завоевателем. Преданность Тимуру сочеталась у командиров *кулов* с личным мужеством, тактическим мастерством и значительным боевым опытом. При этом инициатива и взаимовыручка военачальников в ходе сражения всемерно поощрялись некоронованным владыкой Средней Азии, что создавало особый дух доверия и товарищества среди высшего командного состава его армии [Бобров, 2016б; Бобров, 2018; Бобров, 2020]. В результате командиры обороняющихся корпусов были уверены в том, что они получают поддержку от соседних *кулов* и *кошунов*. В свою очередь, они были готовы в нужный момент прийти на помощь своим соседям по боевому построению. В этих условиях прорыв фронта, как правило, не приводил к панике и бегству обороняющихся войск, как это было во многих других армиях рассматриваемого периода.

В связи с этим весьма показательны действия чагатайских войск в вышеупомянутом сражении с золотоордынцами на Кондурче. В самый разгар битвы хан Тохтамыш прорвал левый фланг среднеазиатской армии, развернул свои отряды, выстроил «в строгом порядке центр и крылья» и приготовился атаковать чагатаев с тыла (рис. 3, е, ж). Однако тут же выяснилось, что левофланговый *кул* армии Тимура отнюдь не собирается разбегаться. Его командир Омар-шейх действовал быстро и жестко. Он хладнокровно развернул часть своего корпуса лицом к ордынцам, выдвинул вперед спешенных стрелков со станковыми щитами и «зажег огонь сражения», контратаковав врага: «...пошел напротив Токтамыша; [его воины] *прикрыли головы щитами и турами* и стали биться» [Йазди, 2008. С. 148]. В результате Омар-шейху удалось отбить все атаки золотоордынцев и даже потеснить армию Тохтамыша еще до подхода главных сил Тимура [Бобров, 2015. С. 128]. Тохтамыш был вынужден принять бой, так как оставлять за спиной настолько активного противника было крайне опасно (см. рис. 3, ж). В результате Омар-шейх дождался подхода других чагатайских войск, после чего золотоордынцы отступили (см. рис. 3, з).

Подводя итог, отметим, что Амиру Тимуру удалось максимально эффективно использовать мобилизационный потенциал своего государства. Из оседлого населения Хорасана и Мавераннахра были созданы подразделения пеших лучников (а позднее и арбалетчи-

ков), обученных сражаться под прикрытием больших станковых щитов-*чапаров*. В свою очередь, лояльные племена кочевников исправно поставляли в войска Тимура многочисленные и хорошо вооруженные кавалерийские подразделения. Тщательно продуманное боевое построение, основой которого являлся тактический «каркас» из усиленных *канбулов*, мощного авангарда и резерва (составленного из отборных воинов), позволяло эффективно противостоять охватам и фронтальным атакам противника. При этом данное боевое построение было приспособлено для быстрого перехода от обороны к стремительной массированной контратаке, проводимой силами авангарда и *канбулов*, выдвинутых в сторону противника. Уязвимость ослабленных фланговых корпусов частично компенсировалась за счет применения стрелковых пехотных подразделений, к которым присоединялись спешивавшиеся конные лучники. Концентрированный лучной удар стрелков, как правило, останавливал атаку противника и создавал условия для перехода в контрнаступление. Исключительно важную роль играла организационно-тактическая автономность корпусов-*кулов*, которые могли самостоятельно вести бой даже в условиях прорыва фронта и окружения. Спешившись и прикрывшись щитами, воины атакованного корпуса могли продержаться до подхода деблокирующего отряда. В условиях данной тактической схемы мобильный резерв, находящийся под личным командованием Амира Тимура, мог быть использован как для отражения вражеской атаки, так и для усиления наступающего порыва войск.

В целом необходимо признать, что тактическое искусство Амира Тимура заметно превосходило достаточно простую по содержанию тактику европейских полководцев второй половины XIV – начала XV в. Прямые столкновения чагатайских войск с армиями Золотой Орды, Делийского султаната, Мамлюкского Египта и Османской империи подтвердили исключительную эффективность военной машины Мавераннахра. Не будет большим преувеличением сказать, что в конце XIV – начале XV в. армия Амира Тимура являлась самой боеспособной и грозной вооруженной силой Евразийского континента, а значит, и всего мира.

Список литературы

Бобров Л. А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV – XIX вв.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. 54 с.

Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV – XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Сб. ст. СПб., 2013. Ч. I. С. 231–258.

Бобров Л. А. Командный состав армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Золотая Орда: история и культурное наследие: Сб. ст. Астана, 2015. С. 111–134.

Бобров Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016а. Спец. вып. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388 URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (Дата обращения: 28.03.2016).

Бобров Л. А. Джеханшах-бек – великий «бахадур» на службе Амира Тимура (к вопросу о высшем командном составе среднеазиатского завоевателя) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Сб. ст. СПб., 2016б. Ч. I. С. 247–263.

Бобров Л. А. Военачальники чагатайской армии Амира Тимура в Кондурчинской битве 1391 г. // Тюркол. исслед. 2018. Т. 1. № 3. С. 23–62.

Бобров Л. А. К вопросу о высшем командном составе армии Амира Тимура в начале 90-х гг. XIV в. // Очерки по истории государственности: политика, экономика, культура: Сб. ст. Ташкент, 2020. С. 108–119.

Бобров Л. А., Сальников А. В. Тактический прием «тулгама» в военном искусстве монголов XIII в. // Былые годы. 2015. № 4. С. 786–797.

Бобров Л. А., Хайдаков К. С. «Тимуридская» сабля из Самарканда // Вестн. НГУ. Серия: История, Филология. 2019. Т. 18. № 5. С. 125–145.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: Сб. ст. Новосибирск, 2002. С. 106–168.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневеко-

вья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: ООО Восточный горизонт, 2002. 84 с.

Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. Т. 1. 448 с.

Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. М.: Наука, 2009. Т. 3. 336 с.

Ибятков Ф. М. Тохтамыш и Тимур. Значение булгаро-татарского фактора в крупнейшей военной эпопее XIV века. Казань: Искусство России, 2003. 403 с.

Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме. Ташкент: SANAT, 2008. 486 с.

Костюков В. П. Несколько замечаний к походу Тимура 1391 г. // Золотоордынская цивилизация. 2010. № 3. С. 172–183.

Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени: Сб. ст. Астана, 2013. С. 5–47.

Миргалеев И. М. Войны Токтамыш-хана с Аксаком Тимуром. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. 88 с.

Миргалеев И. М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 108 с.

Миргалеев И. М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения: Сб. ст. Казань, 2011. С. 170–182.

Плано Карпини. История монголов. М.: ТАУС, 2008. 96 с.

Ру Ж.-П. Тамерлан. М.: Мол. гвардия, 2004. 296 с.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. 1979. P. 38–63.

Kadoi Y. On the Timurid Flag // Beitrage zur Islamischen Kunst und Archaologie. Band 2. 2010. P. 143–162.

Nicolle D. The Age of Tamerlane. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1990. 63 p.

Roux J.-P. Tamerlan. Paris: Fayard, 1991. 304 p.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2. 572 p.

References

Bobrov L. A. Osnovnye napravleniya evolyutsii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Tsentral'noi, Srednei i kontinental'noi Vostochnoi Azii vtoroi poloviny XIV – XIX vv.: dokt. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2011. 54 p. (In Russ.).

Bobrov L. A. Kazakhskaya taktika vedeniya boya v konnom stroyu v kontse XV – XVI vv. In: Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Ch.I. SPb: VIMAIViVS, 2013, pp. 231–258

Bobrov L. A. Komandnyi sostav armii Amira Timura v Kondurchinskoi bitve 1391 g. In: Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoe nasledie. Astana: IP BG-PRINT Publ., 2015, pp. 111–134.

Bobrov L. A. Takticheskoe iskusstvo krymskikh tatar i nogaev kontsa XV – serediny XVII vv. [Elektronnyi resurs]. In: Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015. 2016a. Ch.II. pp. 210–388. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (Accessed: 28.03.2016).

Bobrov L. A. Dzhekhanshakh-bek – velikii «bakhadur» na sluzhbe Amira Timura (k voprosu o vysshem komandnom sostave sredneaziatskogo zavoevatel'ya). In: Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Ch.I. SPb: VIMAIViVS, 2016b, pp. 247–263.

Bobrov L. A. The commanders of the Chagatai army of Amir Timur in the Battle of Kondurchin in 1391. *Turkological studies*, 2018, Vol. 1, № 3, pp. 23–62.

Bobrov L. A. K voprosu o vysshem komandnom sostave armii Amira Timura v nachale 90-kh gg. XIV v. In: Ocherki po istorii gosudarstvennosti: politika, ekonomika, kul'tura. Tashkent: TURON-IQBOL Publ., 2020, pp. 108–119.

Bobrov L. A., Sal'nikov A. V. The tactical method of "tulgam" in the military art of the Mongols of the 13th century. *Bylye gody*, 2015, № 4, pp. 786–797.

Bobrov L. A., Khaidakov K. S. "Timurid" saber from Samarkand. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, Vol. 18, № 5, pp. 125–145.

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina perioda pozdnego Srednevekov'ya. In: Voennoe delo nomadov Severnoi i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: NGU, 2002, pp. 106–168.

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i ran-nego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008, 776 p.

Gorelik M. V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snaryazhenie. M.: OOO Vostochnyi gorizont, 2002, 84 p.

Zolotaya Orda v istochnikakh. Arabskie i persidskie sochineniya. Vol. 1. M.: Nauka, 2003, 448 p.

Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitaiskie i mongol'skie istochniki. Vol. 3. M.: Nauka, 2009, 336 p.

Ibyatov F. M. Tokhtamysh i Timur. Znachenie bulgaro-tatarskogo faktora v krupneishei voennoi epopee XIV veka. Kazan': Iskusstvo Rossii, 2003, 403 p.

Iazdi Sharaf ad-Din Ali. Zafar-name. Tashkent: SANAT, 2008, 486 p.

Kostyukov V. P. A few comments on Timur's campaign in 1391. *Turk-Tatar World*, 2010, № 3, pp. 172–183.

Kushkumbaev A. K., Bobrov L. A. Mongol'skaya taktika vedeniya stepnogo boya. In: Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi Srednevekov'ya i Novogo vremeni. Astana: IP BG-print Publ., 2013, pp. 5–47

Mirgaleev I. M. Voiny Tokhtamysh-khana s Aksakom Timurom. Kazan': Institut istorii AN RT, 2003, 88 p.

Mirgaleev I. M. Materialy po istorii voin Zolotoi Ordy s imperiei Timura. Kazan': Institut istorii AN RT, 2007, 108 p.

Mirgaleev I. M. Bitvy Tokhtamysh-khana s Aksak Timurom. In: Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Kazan': OOO Foliant, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2011, pp. 170–182.

Plano Karpini. Istoriya mongolov. M.: TAUS, 2008, 96 p.

Ru Zh.-P. Tamerlan. M.: Molodaya gvardiya, 2004, 296 p.

Gorelik M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art. *Islamic Arms and Armour*, 1979, pp. 38–63.

Kadoi Y. On the Timurid Flag. *Beitrage zur Islamischen Kunst und Archaologie*. Band 2, 2010, pp. 143–162.

Nicolle D. The Age of Tamerlane. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 1990, 63 p.

Roux J.-P. Tamerlan. Paris: Fayard, 1991, 304 p.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, Vol. 2. 572 p.

Информация об авторе / Information about the Authors

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, spsml@mail.ru).

ORCID: 0000-0001-5071-1116

Подводные памятники Абшерона и роль Хазара (Каспия) в определении возраста Баку

К. Ф. Ибрагимов¹

*Администрация Государственного историко-архитектурного заповедника
«Ичеришехер», AZ1000
Баку, Азербайджан*

Аннотация

Смена трансгрессий и регрессий Каспия приводила к тому, что эти следы попеременно оказывались то на морском дне, то на суше. И, конечно, эти следы прошлого надо искать на тех глубинах, которые временами становились сушей. Выявление этих памятников дает ценный материал по истории народов, населявших этот водный бассейн, отражая жизнь моря за многие тысячелетия и века, а затонувшие суда и их такелаж позволяют пролить свет на вопросы древнего мореплавания на Каспии.

Ключевые слова

Абшерон, Ичеришехер, Хазар, Каспий, подводные памятники, археологические раскопки.

Для цитирования

Ибрагимов К.Ф. Подводные памятники Абшерона и роль Хазара (Каспия) в определении возраста Баку // Universum Humanitarium. 2021. № 1. С. 41–59

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-41-59

Underwater monuments of Absheron and the role of Khazar (Kaspia) in determining age Baku

K. F. Ibrgaimov

*Administration of the State Historical and Architectural Reserve "Icherisheher", AZ1000
Baku, Azerbaijan*

Abstract

The alternation of transgressions and regressions of the Caspian Sea led to the fact that these tracks were alternately found on the seabed, then on land. And, of course, these

¹ В ходе работы над статьей уважаемый К. Ф. Ибрагимов скончался от COVID-19. Редакция журнала *Universum Humanitarium* приносит искренние соболезнования родным, близким и коллегам автора. Статья публикуется в последней рабочей редакции.

traces of the past must be looked for at those depths that at times became dry land. The identification of these monuments provides valuable material on the history of the peoples who inhabited this water basin, reflecting the life of the sea for many millennia and centuries, and sunken ships and their rigging allow shedding light on the issues of ancient navigation in the Caspian.

Keywords

Absheron, Icherisheher, Khazar, Caspian, underwater monuments, archaeological excavations.

For citation

Ibrgaimov K. F. Underwater monuments of Absheron and the role of Khazar (Kaspia) in determining age Baku // Universum Humanitarium. 2021. № 1. P. 41–59

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-41-59

Введение

Бассейн Каспийского моря занимает большую часть на территории Восточной Европы. За свою историю Каспийское море не раз меняло очертания своих береговых линий, многие века назад потерявших связь с Мировым океаном.

Для Каспия характерны периодические вековые и тысячелетние колебания уровня воды (см. рисунок). Трансгрессии и регрессии Каспия уже давно привлекают внимание ученых. В графике колебаний моря ученые стремятся выявить закономерности его колебательных стадий, что могло бы им помочь в прогнозировании дальнейших изменений. В решении этих проблем важным аспектом всегда было изучение археологических и исторических памятников побережья, а также подводных объектов. Высокая вероятность существования подводных археологических памятников Каспия объясняется тем, что в историческом прошлом, когда сменялись периоды трансгрессии и регрессии Каспия, человек селился на берегу и оставлял следы своей деятельности, которые за многие века и тысячелетия оказывались то на морском дне, то на суше. И, конечно, следы этого прошлого надо искать на тех глубинах, которые когда-то были частью суши. Выявление этих памятников дает ценный материал по истории народов, населявших этот водный бассейн, отражая жизнь моря за многие столетия, а затонувшие суда и их такелаж позволят пролить свет на вопросы древнего мореплавания на Каспии.

Надо отметить, что до сих пор многие ученые и специалисты с осторожностью говорят об античном периоде Баку. Такое отношение до сегодняшнего дня объясняется ограниченным объемом источ-

ников античного периода в Ичеришехере. С.Б. Ашурбейли, Д. Ахундов, Ф.А. Ибрагимов и другие в научных трудах представили свою аргументацию существования в Баку поселений античного периода. Новые археологические данные, обнаруженные в Ичеришехере, еще раз подтвердили это предположение. Высокая плотность архитектурных памятников, а также осуществление на сегодняшний день повседневной жизнедеятельности на территории объектов не позволяют вести широкомасштабные археологические раскопки. Археологические исследования в основном ведутся на улицах, в местах разрушений.

В связи с реконструкцией и строительством новых высоких зданий, особенно в конце XIX в. и начале XX в., древние культурные слои в городе были нарушены. Это усложнило работу по выявлению культурного слоя, относящегося к более древнему периоду. С другой стороны, наскальный слой песка, заменяющий землю, также создает сложность с точки зрения исследования культурного слоя.

Материалы

С начала прошлого века и до сегодняшнего дня стационарными археологическими раскопками выявлены три культурных слоя. Первый культурный слой охватывает период от античности до IX в.; второй IX–XIII вв. и третий XIII–XVII вв. Остатки материальной культуры, обнаруженные в результате археологических раскопок, проведенных в 1980-е гг. в Ичеришехере, не позволяли считать Баку древнее чем IX в. Это было связано с тем, что археологические раскопки велись на возвышенных местах города [Ибрагимов, 2008. С. 61].

Древний Баку – Ичеришехер – находился на большой скале с уклоном в сторону моря. Дворец Ширваншахов и окрестности считаются самыми высокими местами скалы. Это четко видно на плане, нарисованном русскими инженерами в 1904 г. в Ичеришехере. Археологические раскопки, проводимые в течение долгих лет, подтверждают это предположение. Было установлено, что под культурным слоем толщиной 4,5 м находится природная скала, материк. На этом участке выявляются археологические материалы, относящиеся к IX–XVII вв.

Другая высокая часть скалы находится в районе караван-сарая Мултани и Девичьей Башни. Культурный слой под караван-сараям Мултани не превышает 3 м, и это подтверждает, что Девичья Башня построена на самом высоком месте скалы с наклоном к морю. Этот условный треугольник четко виден на макете Ичеришехера. Один

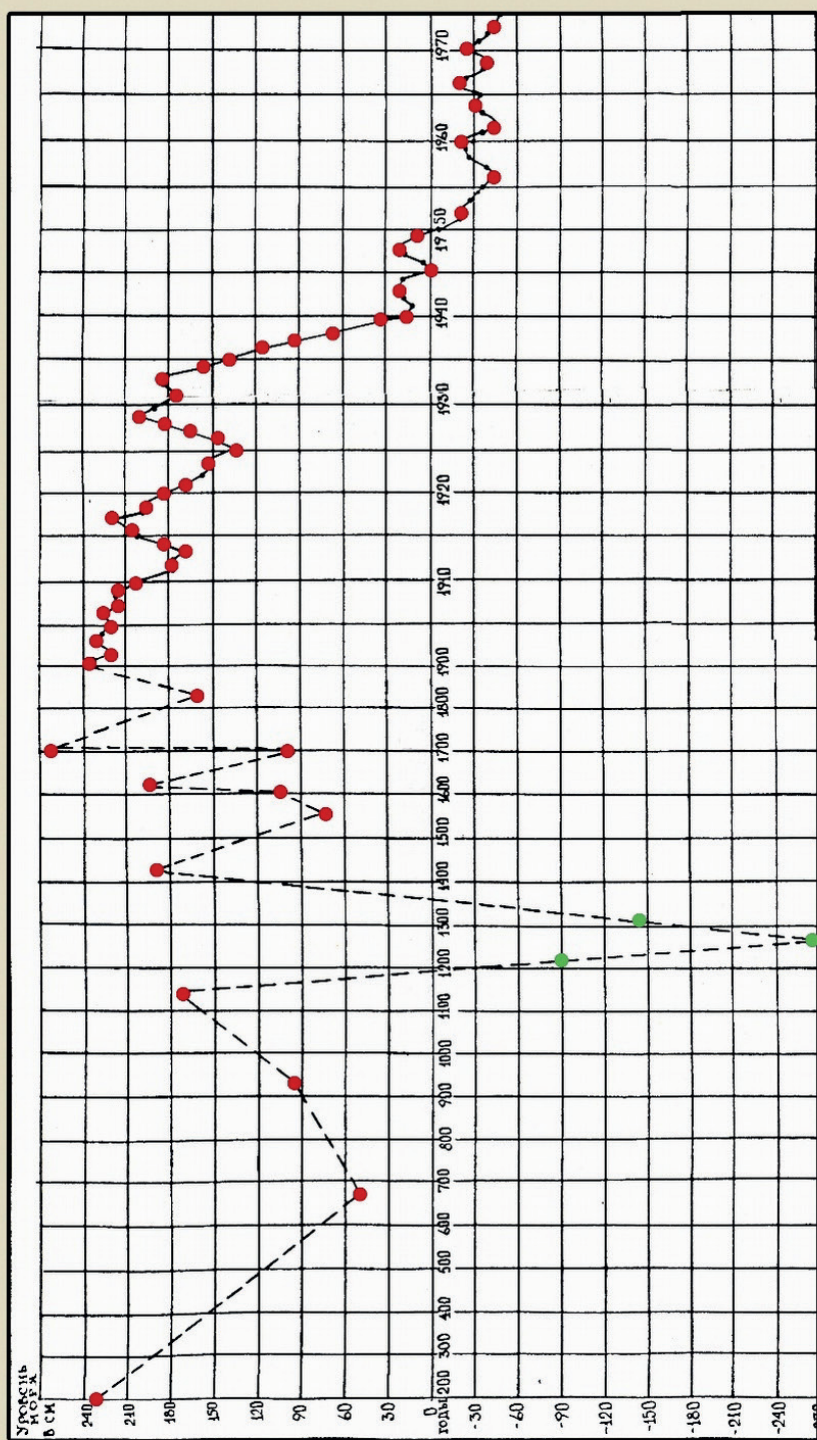

График смены трансгрессий и регрессий Каспия
The graph of the change of transgressions and regressions of the Caspian Sea

из углов – южный, а западный угол попадает на самое низкое место скалы.

Археологические находки, указывающие на античный период истории города, выявлены вдоль улицы А. Зейналлы, Девичьей Башни и в районе мечети Мухаммеда – т.е. в прибрежном районе города.

Так как Ичеришехер находится на территории, имеющей особое географическое значение в образовании Апшерона, можно предположить, что первое поселение здесь появилось еще в II–I тыс. до н. э.

Гобустанские памятники рядом с Бакинской бухтой, поселения эпохи бронзы и раннего железного века в районе Апшерона, курганные могильники, а также памятники раннего средневековья позволяют предположить, что в Ичеришехере и рядом расположенных территориях существовали поселения в античное время.

Древние карты устойчиво демонстрируют перемены в уровне воды в Каспийском море в различные периоды. Так, в II тыс. до н. э. уровень воды было настолько высок, что Кура-Аракская низменность оставалась под водой. Смена трансгрессий и регрессий Каспия приводила к тому, что эти следы проживания человека оказывались то на морском дне, то на суше. Выявление этих памятников дает ценный материал по истории народов, населявших этот водный бассейн, отражая тем самым изменения уровня моря за многие столетия, а затонувшие суда и их такелаж позволяют пролить свет на вопросы древнего мореплавания на Каспии.

С. Велиев писал, что в течение последних 3600 лет уровень Каспийского моря опускался и поднимался по шкале в каждые 450–500 лет, т. е. падение и подъем имеют продолжительный характер. Исследователи разделяют цепочку падения и подъема уровня Каспийского моря на восемь периодов.

Середина XIII в. до н. э.

Середина XIII – VIII в. до н. э.

Середина VII – III в. до н. э.

Середина III – II в. до н. э.

Середина II – VII в. до н. э.

Середина VII – XII в. до н. э.

Середина XII – XVI в. до н. э.

Середина XVII – XXI в. до н. э.

На основе археологических исследований и известных дат понижения уровня воды в Каспийском море представляется возможным определить уровень воды в бассейне Каспия на разных исторических

этапах, а также периодичность таких изменений [Ибрагимов, 2008. С. 21].

Как видно из графика падения и подъема уровня Каспийского моря по отношению к уровню океана, заселение набережной территории было связано с этими колебаниями. Когда море отступало, прибрежные районы заселялись людьми, спустя несколько веков заселенные места оставались под водой из-за подъема уровня воды. Средневековые поселения, оставшиеся под водой, такие как Бандован I (Гюштесби), Бандован II (Мугань), мыс Амбуран, Гурган (Балыгдаш), выявленные подводной археологией в прибрежной части Каспийского моря, являются яркими примерами. Недавно выявленные материалы в Бакинской бухте позволяют рассчитывать на наличие богатого материала античного времени между крепостью Сахиль и прибрежной морской территорией.

Несмотря на то что в античных письменных источниках было мало информации о связях Кавказской Албании с сопредельными странами, Страбон, однако, упоминал о караванном пути по западной набережной Каспия, ведущие с юга: «Они – аорсы занимались караванной торговлей, перевозя индийские и византийские товары на верблюдах». Вероятно, изображения верблюдов на наскальных изображениях в Гобустане имеют отношение к этому предположению. Большой интерес вызывает сообщение автора II века н. э. Клавдия Элиана, связанное с караванным путем. Он писал, что в каспийском море живет длинноносая рыба, их жир употребляется в изготовлении мазей, из внутренности готовят прозрачный клей, а самих рыб просаливают и высушивают, затем на верблюдах отправляют в Экбатан. Становится ясно, что древние караванные пути проходили из Албании, Мидии и доходили до Ирана.

Страбон также сообщает о морском торговом пути, тесно связанном с Гобустанским побережьем. Ссылаясь на Аристобула и Эратосфена, он указывает, что информация взята от Патрокла, руководителя экспедиции, изучающей западный берег Каспийского моря.

В результате долгих археологических раскопок на территории Апшерона выяснилось, что археологические материалы античного периода на этой территории очень малочисленны. Однако это не означает, что в античное время эти земли не были заселены людьми. Обнаруженные в Ичеришехере материалы позволяют предположить, что в то время были заселены прибрежные районы Каспийского моря, Бакинская бухта.

Выявленные недавно в результате археологической разведки и исследований вблизи юго-западной крепостной стены Ичеришехера материалы, собранные в течение последних 30 лет, могут быть отнесены к древнему и античному периоду существования памятника. Таким образом, анализ материалов из прибрежной части территории древнего Ичеришехера позволяет указать конкретное место расположения античного поселения. Это территория мечети Мухаммеда, являющегося самым древним памятником архитектуры, Девичьей Башни, Бакинской бухты. Новые находки еще раз подтвердили это предположение.

В течение последних десятилетий XX в., начиная с 1968 г., на Каспийском море и его побережье работала историко-археологическая подводная экспедиция Музея Истории Азербайджана НАНА.

Работы в этом районе позволили локализовать историческую область Ширвана – Гуштасфи (Гуштаспи), которая занимала обширную территорию в устье р. Куры. В районе древнего русла этой реки и у побережья зафиксированы археологические памятники, когда-то поглощенные Каспием – городище Бяндован I и Бяндован II [Исмизаде, 1966. С. 50–57].

Первый памятник (Бяндован I) XI–XIII вв. соотносится со средневековым городом Гуштаспи, второй (Бяндован II) IX–XII вв. – с городом Мугань. Здесь было сосредоточено крупное керамическое производство и другие ремесла. Обнаружены остатки гончарных печей как на суше, так и под водой. Собрано большое количество простой и глазурованной посуды IX–XIII вв. Простая керамика представлена всеми видами бытовой и кухонной посуды. Она изготовлена в основном на гончарном круге из хорошо отмученной сероватой и красноватой глины, отличается тщательностью формовки. Многие предметы украшены налепным, резным и штампованным орнаментом. Некоторые кувшины покрыты красным ангобом, применялась также техника лощения. Большая часть находок в городищах Бяндован I и II составляет поливная, глазурованная керамика, причем посуда городища Бяндован II отличается от подобной посуды городища Бяндован I как по времени, так и по технике и технологии ее орнаментации.

Поливная керамика из городища Бяндован II более просто орнаментирована белым ангобом и марганцем. В основном орнамент состоит из сочетания дуг, овалов и кругов, применялся также точечный орнамент. Ранняя посуда не имеет на своей поверхности гравировки в декоре. Керамика из городища Бяндован I датирована XI–XIII вв. – временем расцвета в Гуштаспи керамического производства.

Она отличается локальными особенностями, многообразием форм и орнаментации. Днища многих блюд и чаш украшены изображениями птиц и животных. Очень распространенным было изображение в центре блюд и чаш голубя или павлина – символа бессмертия; зафиксировано изображение плетеного орнамента, «древа жизни».

Часто встречается изображение львиц или гепардов с загнутыми вверх хвостами, стилизованных под «буту». Прекрасно передана на одном из фрагментов днища фигура оленя с разветвленными золотистыми рогами. На другом блюде в динамическом прыжке застыла лань. Так реалистично передать изображение животного в движении мог только опытный и наблюдательный художник. Несколькими скупыми резными линиями и штрихами, мазками краски создавались яркие образы животного мира [Исмизаде, 1966. С. 30–34; 1971. С. 92–103]. На днищах изделий поливной керамики ставились разнообразные рельефные клейма-марки. Имеются локальные клейма с изображением льва на фоне восходящего солнца, собаки, голубя, джейрана, всадника с соколом, различные переплетения узлов и т.д.

Часть клейм имеют аналогии с клеймами из средневековых городов Азербайджана (Бейлакан, Габала, Баку, Шемаха, Шабран). Некоторые фрагменты поливной керамики имеют на поверхности изделий надписи, донесшие до нас отрывки из восточной поэзии и мудрости, а также всевозможные пожелания покупателю, заказчику. На многих фрагментах глазурованных блюд и чаш сохранились надписи арабским шрифтом. На одной из чаш было имя мастера: «Изготовил чашечник Юсиф». Через несколько лет был найден другой фрагмент блюда, где повторилось имя мастера-керамиста Юсифа. Отрывки надписей позволяют прочесть: «...пока с тобой труд и наука...», «...да сохранит творец мира владельца сего, где бы он ни находился...» и другие. На одном из фрагментов блюда сохранились отрывки стихотворения великого поэта Востока – Саади. Обнаруженная керамика свидетельствует о высокой городской культуре средневекового Азербайджана.

Городище Бяндован I – памятник, расположенный на рубеже суши и моря. Под водой были зафиксированы не только остатки прямоугольных в плане фундаментов домов, где были значительные скопления керамики, каменных жерновов. Фрагментарно прослеживается культурный слой, а также в двух отдельных точках на расстоянии друг от друга в 150 метров скопления печного припаса, гончарных штырей, обожженных кусков стенок гончарных печей, полуфабрика-

ты керамического производства. Очевидно, здесь располагался квартал гончаров и находились гончарные печи.

На дне моря археологический материал, остатки строений и культурный слой зафиксирован от кромки воды до 200 м в море (до глубины 1,80 см). В акватории этого побережья имеются подводные банки, где также встречается средневековая керамика. Эта часть акватории обследована недостаточно и ждет дальнейших работ.

Разведочные шурфы на берегу выявили остатки жилищ в виде глинобитных (турлучных) построек с домашними очагами и тандырами (печами для выпечки хлеба), хозяйственные ямы и ямы опорных столбов с обожженными кольями, следы арыков и сточных канавок, направленных от жилищ к арыкам. При этом обнаружено большое скопление простой и глазурованной керамики, орудия труда (каменные жернова, точильные камни – оселки), украшения из стекла, в основном браслеты, сердоликовые бусы, медные и серебряные монеты (династии Эльдегизидов, Дербенди и Хулагуидов). На городище, очевидно, кроме турлучных построек, были сооружения из камня, из обожженного кирпича (размером 24 × 24 × 5 см), обнаружены строительные облицовочные изразцовые плиты, каменные блоки.

Конец жизни городища можно датировать находками серебряных монет Хулагуидов (рассыпанных на берегу, очевидно, из клада). Среди них – серебряный дирхем, Газан Махмуд, 1297/8 г., Олджейту 1305/6 г. (определены А. Раджабли). Очевидно, этот клад был зарыт в первой четверти XIV в., перед тем как был разрушен город. Сожженный и разрушенный, он вскоре был скрыт водами Каспия.

Городище Бяндован II находится севернее городища Бяндован I в 20 км, между горами-вулканами Бяндован и Заячьей, вдоль береговой линии. Еще в начале XIX в. городище находилось под водами Пирсагатского залива. Его следы обнаружены были вдоль древней старицы р. Куры, вернее ее рукавов, разбросанных на трех участках – «А», «Б», «В».

На участке «А» произведены раскопки гончарной печи для обжига (№ 1). Эта печь врезана в склон холма. Прием такого построения не новый, он встречается в Крыму (работы А.Л. Якобсона, в раскопках печи селения Дуба-Юг (работы А.С. Каменцова), на городище с Сарайчике на реке Урал (работы Г.И. Пачевича) [Исмизаде, 1971, С. 92–103; Исмизаде, Джидди, 1965, С. 3].

Обнаруженная поливная керамика на городище Бяндован II датируется XI–XII вв. На участках «Б» и «В» обнаружено несколько очагов скопления печного шлака и бракованной посуды всех видов.

Особый интерес представляет скопления бракованных сферокусусов на участке «Б», которое предполагает на этом участке остатки печи. На некотором расстоянии было вскрыто несколько видов гончарных печей овальной и круглой формы. На городище обнаружено большое количество стеклянных браслетов разной расцветки, форм и профиля, а также бусин бисера. Археологический комплекс позволяет считать, что городище существовало в IX–XII вв. Городище Бяндован II локализуется со средневековым городом Мугань. Тем более что в створе между горами Заячья и Бяндован находится остров Санги Мугань (Свиной).

Другим интересным объектом для подводной археологии региона является акватория у мыса Амбуранского (Кегня Билгя) северного побережья Апшерона. Подводно-археологические работы в акватории мыса Амбуранского позволили обнаружить якорные камни, металлические якоря разной конструкции адмиралтейского типа, медную и керамическую посуду XVI–XVII вв. местного производства и привозную. Суда, подходившие к Апшеронскому полуострову, останавливались не только в Бакинской бухте, обходя Апшеронский полуостров, но и у селения Бильгя (Бильди, у мыса Амбуранского). С. Ашурбейли приводит письмо служащего английской компании Христофора Бэрроу, который, описывая свое путешествие по Каспию, упоминает столицу Бильди (Бильгя) недалеко от Баку, где он был в 1580 г. [Нейматова, 1991. С. 179].

Первыми подводными находками в акватории мыса Амбуранского оказались металлические якоря адмиралтейского типа. Мы их назвали Т-образные, так как у них рога-лапы располагаются под прямым углом по отношению к веретену и только носок у них слегка приподнят и заточен. Вслед за ними стали попадаться якорные камни разной конструкции. Среди них на глубине 6 метров в яме было обнаружено три якорных камня округлой формы, лежащих друг на друге. Это так называемые «нанизывающиеся» камни. Они как бусы нанизывались на колья или на конец веревки с крестовиной. Более совершенными были якорные камни с двумя и тремя отверстиями. Сквозь нижнее отверстие пропусклся деревянный кол, увеличивающий держащую силу якорной конструкции. Вес якорных камней от двадцати до восьмидесяти килограммов. Аналогичные якорные камни были обнаружены в акватории Дербента [Nəsirova, 1999. С. 83–97, Квачидзе, Велиев, 1997. С. 45–48].

Подводные поиски во время экспедиции и отдельных поездок к этому берегу давали все новые и новые интересные артефакты, сви-

детельствующие о том, что поселение Бильгя в прошлом располагалось и на нижней террасе, часть которой ныне затоплена. Под водой находили в основном предметы керамического производства, украшения, предметы быта, медную посуду и т. д. Под водой собрана интересная коллекция фаянса XVI–XVIII вв.

Кроме найденных под водой фрагментов местного керамического производства было обнаружено много предметов импортного происхождения, среди них китайский и иранский фаянс. Дело в том, что увлечение китайским «синим» фаянсом и его высокая стоимость побудили керамистов Ирана подражать китайским мастерам. Большой спрос в Европе на эту посуду заставлял иранских керамистов, уровень которых в этот период был значительно выше европейских, изготавливать фаянсовую посуду «под Китай» и вывозить ее в европейские страны. Особенное развитие такой иранский фаянс получил в период правления династии Сефевидов. Изготовлением керамики в китайском стиле прославились такие керамические центры, как Керман, Кашан, Иезд, Мешхед.

Однако подлинный китайский фаянс все же отличается едва заметными особенностями, прежде всего плотностью черепка, а также художественной китайской традицией. Фрагменты обнаруженного китайского фаянса, расписанные синей краской – кобальтом, разнообразны по мотивам росписи. Блюда и чаши декорированы сложным переплетением растительно-геометрического орнамента, а внутри них – пейзажные мотивы со скалами, разнообразными растениями, птицами и животными. На одном из фрагментов изображена черепаха у водоема. Любопытен сюжет на одной из стенок вазы, изображающей две фигуры человека в китайских одеяниях и с китайским типажом лица. Большие фрагменты блюд в стиле селадон резко отличаются от тех, что выполнены в подражание китайским. Здесь обнаружено также подлинное целое селадоновое блюдо.

Как известно, в Европе подобные блюда пользовались особым спросом, так как бытовала легенда о том, что оно, изменяя светло-зеленый цвет, обнаруживает тем самым в пище яд.

За одной из подводных гряд, справа от мыса Амбуранского были зафиксированы останки затонувшего судна. На глубине 8–9 метров были обнаружены железные ножи, серебряный ковш и другие предметы. Серебряный ковш и ножи были замурованы в каменной глыбе – конкреции. И только отбив эту каменную оболочку из песка, ракушек и небольших камней, можно было освободить сами предметы. Находкой оказался серебряный корчик, или ковш новгород-

ской работы, датируемый концом XVI – началом XVII в. Новгород, крупный центр ювелирного искусства, был родиной новой формы драгоценной посуды – золотого и серебряного ковша, ставшей затем повсеместной в России. Стиль новгородских серебряников отличает сочетание лаконичных традиционных форм с деталями, навеянными западноевропейским ювелирным искусством. Корчик, обнаруженный на дне Каспия, представляет собой образец именно этой школы и аналогичен с корчиком из Государственного Исторического музея в Москве.

Он представляет собой сосуд овальной формы с литой ручкой, на которой мы видим маскорон – изображение полнолицего человека в парике. Ковш орнаментирован полосами, имеет граненый поддон с ножками в виде трех стоящих львов. Внутри ковша имеется круглая бляха – умбон, на котором возлежит еще один лев с поднятой головой и загнутым хвостом. По венцу сосуда нанесена надпись: «Ковш добра человека испитие» на одной стороне, а на другой, обломанной, сохранилась концовка надписи «...веселие». Подобные надписи также являются особенностью новгородских серебряников. С внешней стороны корчик украшен растительным орнаментом, покрыт позолотой. Перед нами прекрасное произведение ювелирного искусства средневековой Руси, в котором сочетаются изысканность и простота, строгость и спокойствие формы, правильные пропорции и соотношение частей и целого.

Большой интерес из поднятых у гряды предметов представляют железные ножи, обнаруженные, как и ковш, в окаменевшей конкреции. Железные ножи, очевидно, были товарным грузом, о чем свидетельствует их количество и упаковка. Это небольшие, размером 18 см, с однолезвийным клинком ножи с деревянной обкладкой рукояти, которая с торца имеет характерную накладку – бронзовый щиток. Деревянные накладки рукояти в четырех местах имеют железные заклепки. Длина рукоятей ножей от 7 до 8 см. У перехода от рукояти к лезвию, где она сужается, имеются бронзовые ограничители вставки в виде обоймы. Ножи по паре были вложены в кожаные ножны. На сохранившихся частях ножен заметно орнаментальное тиснение по коже.

Аналогичные железные ножи с характерным накладным щитком с торца рукояти известны в материалах раскопок в Москве и Сухуми [Квачидзе, 2001. С. 116–124, рис. 39; Квачидзе, 2005. С. 256]. Железные ножи, обнаруженные у мыса Амбуранского, можно датировать концом XVI в. – началом XVII в. Очевидно, ножи изготовлялись в Воло-

где, которая славилась производством топоров и ножей, а продукция вологодских ремесленников «шла не только на широкий внутренний рынок, но также и на внешний» [Квачидзе, 2000. С. 203]. Топоры и ножи относились к числу важнейших предметов вывоза.

В 1595 г. с кызылбашским купцом Али Хосровым «пошло из Москвы» 200 «тахилей» ножей; в 1601 г. «для шаха Аббаса было куплено 1½ бочки ножей». Вышеперечисленные артефакты, обнаруженные на затонувшем русском судне у мыса Амбуранского, подтверждают наличие торговых связей России с Азербайджаном в XVI–XVII вв., которые приобрели постоянный характер. В этот период, когда уровень Каспийского моря был низким, у мыса Амбуранского находился порт-стоянка, куда приставали купеческие суда – *бусы, струги*. Акватория вокруг мыса Калагя и Амбуранского представляется нам перспективной для дальнейших подводно-археологических исследований.

В 1987 г. Музей истории Азербайджана проводил подводно-археологическую экспедицию в акватории Апшеронского архипелага между островами Пир-Аллахи, Жилой, у мыса Гюргян. В задачу экспедиции входило обследование и подводные поиски нового района побережья Каспия и акватории островов Апшеронского архипелага. Этот район представляет особый интерес, ибо является древнейшим морским проходом, огибающий северо-восточную оконечность Апшеронского полуострова с выходом к Бакинской бухте.

Еще до сооружения дамбы, соединяющей остров Пир Аллахи с Апшеронским полуостровом, между ними проходил морской транзит, и по нему проходили даже танкеры. У построенной дамбы когда-то находился карантин судов и таможенная служба. Этим путем пользовались, очевидно, мореплаватели и в древности, и в средние века. В 1950-х гг. у побережья мыса Гюргян Г.М. Аслановым в прибойной зоне были обнаружены археологические материалы, датированные XI–XII веками [Fərhadoglu, 2006. С. 191–201]. При строительстве дамбы были вскрыты погребения, обследованные И.М. Джафарзаде. Особое внимание в ходе раскопок привлекла бронзовая стрела скифского образца, найденная в одной из раскопанных могил. По заключению И.М. Джафарзаде, воин, погребенный в этой могиле, принимал участие в битве против скифов, вторгшихся на территорию Азербайджана через Каспийский проход в VII в. до н. э., и был поражен этой стрелой, наконечник которой слегка погнулся от удара [Квачидзе В.А., 2003. С. 83].

Подводные работы были начаты с поиска подводного клифа, перепада глубин, где у предлагаемой древней береговой линии намечалось обследовать остатки поселения Гюргян. Вдоль этой линии изобат были выставлены на расстоянии 500 м три буй. От них были произведены поиски способом «круг». В сторону берега дно оказалось покрытым на значительную глубину ракушкой и песком; за линией изобат начинается неровное с перевалами дно, сильно поросшее водорослями и морской травой. Вся эта полоса располагается примерно в 2 км от современной береговой линии мыса Гюргян. Затем поиски были перенесены в зону побережья. За красным бум у мыса Гюргян был установлен контрольный базовый буй, и от него по компасу произведены поиски на 250 м на север и на такое же расстояние на юг, а также поиски по направлению к берегу. Под водой севернее красного буя был обнаружен затонувший киржим. Фрагменты простой и глазурованной посуды начинают встречаться ближе к берегу.

В результате этих работ со дна были подняты фрагменты тонкостенных красноглиняных сосудов, большая часть поверхности которых была окрашена в красный и коричневатобурый цвет, имеет ребристую поверхность со следами концентрического лощения в виде линий. В основном это остатки небольших кувшинчиков. В них заметна традиция античной и раннесредневековой керамики, и они имеют аналогии с бакинской крашенной керамикой, обнаруженной в Ичери Шехер в Баку, датируемые XI – началом XIII в.

Необходимо отметить, что после сооружения дамбы в 40-х гг. XX в. акватория у побережья мыса Гюргян из абразионной становится аккумулятивной зоной. И этим можно объяснить, что остатки поселения Гюргян оказались перекрыты наносами и новыми отложениями, скрывающими следы памятника. И только в прибрежной полосе, где происходит частичная абразия от прибоя, вскрывается незначительная часть культурного слоя, из которого вымывается керамика.

Акватория Апшеронского архипелага скрывает под водой несколько десятков затонувших кораблей. На карте Каспийского моря с указанием кораблекрушений за время с 1873 по 1898 г. указано около 60 судов, подвергшихся крушению вокруг этого архипелага.

Памятник «Баил Гесри» расположен в Бакинской бухте. Сооружение в Бакинской бухте с XVIII в. привлекало к себе внимание многих исследователей. В «Морской географии Каспийского моря или лоции» Н.М. Филиппова караван-сарая посвящены следующие строки: «Близ Баилова мыса видны над водой несколько камней, из которых некоторые представляют остатки разрушенных круглых башен, дру-

гие просто глыбы камня, занесенного тинной, а все вместе – что-то вроде здания, изогнутого к востоку. Эти подводные развалины считают остатками бывшего здесь когда-то караван-карая, потопленного водой (по Ленцу) или разрушенного землетрясением (по Ханыкову, Эйхвальду и др.). Бакинские жители называют эти развалины “Баиловскими камнями”, другие говорят, что на этом месте погиб город Шах-Бах. Во всяком случае, развалины эти можно приписать времени построения Девичьей Башни, т.е. к XIV веку» [Ибрагимов, 2008. С. 119].

Первые исторические сведения о существовании камней караван-сарай, Баил гесри, относятся к началу XVIII столетия. В описании Бакинской бухты Ф.И. Саймонова, относящемся к 1723 г., значится: «В Бакинском заливе, две версты от города к югу, видны на четыре сажени глубины остатки большого каменного строения, которого хотя большая часть уже и развалилась, однако в некоторых местах выше воды знаки есть. Сказывают, что то был караван-сарай, который в старину стоял на твердой земле и землетрясением поглощен морем» [Исмизаде, 1966].

Все исследователи уделяли такое внимание к этому памятнику, поскольку он является для них надежным репером, по которому можно судить о состоянии уровня воды в Каспии в различные эпохи.

Первые археологические работы были проведены в 1938–1940 гг., затем продолжены до 1969 г. К вопросам исследования данного памятника обращались археологи И. М. Джафарзаде, Е. А. Пахомов, О. Ш. Исмизаде, а также специалисты по эпиграфике М. С. Нейматова и С. Насирова, архитекторы Л. С. Бретаницкий, И. П. Щеблыкин, Д. А. Ахундов и другие.

Были подняты на поверхность наиболее ценные фрагменты древнего сооружения – 636 фризовых плит, украшенных рельефными надписями, плетеным орнаментом, изображениями человеческих лиц, четвероногих птиц и неведомых фантастических существ. При этом большинство этих плит оказалось в прекрасном состоянии. На пяти из них Е.А. Пахомов обнаружил дату их изготовления – 630 и 632 гг. хиджры (1234–1235 гг.).

Пятьдесят восемь фризовых плит с исключительно хорошо сохранившимися, четкими письменами и рисунками лежали лицевой стороной вниз. Благодаря этому они почти не пострадали от многовекового воздействия морской среды, были подняты водолазами экспедиции, руководимой О. Ш. Исмизаде [Исмизаде, 1966. С. 277–285].

На плитах сохранились имена мастеров Зейн-аддина бин Абу-Рашида и Абу Рашида бин Зейн-ад-динна, работавших над этим уникальным сооружением. Памятник представляет собой уникальное сооружение, построенное на каменной плите-островке. Мощные каменные стены толщиной около 1,2–1,8 м соединяют круглые и полукруглые башни между собой. Имеется 15 башен, из которых две южные угловые и северо-западная угловая по форме круглые, внутри полые, остальные 12 башен – полукруглые. В кладках фундаментов стен и башен ниже цоколя расположены большие камни с ушками круглой и четырехугольной формы, которые использовались, очевидно, для привязывания стоящих у причала кораблей. Доступ в сооружение был с двух сторон; с южной и северо-западной.

Обращает на себя внимание и то, что строительство данного памятника, вероятно, не было завершено. Ни один из вышеперечисленных авторов не свидетельствует о том, что плиты-фризы с рельефными изображениями и надписями были обнаружены на стенах и башнях сооруженной крепости. Все они находились у подножья крепостных стен. Кроме того, найдены плиты с незаконченными рельефами, с намеченным рисунком. И, наконец, если бы этот памятник был завершен, об этом, несомненно, имелись бы свидетельства современников.

На недостроенность памятника «Баил Гесри» могли повлиять военно-политические события того времени, а также наблюдаемый в конце XIII – начале XIV в. значительный подъем уровня Каспийского моря. В результате этой трансгрессии Каспия были затоплены и другие памятники: Абескун (на юге Каспия, Иран), Дербентская стена, городище Бяндован I и II, часть селения Бильгя (нижняя терраса), селения Дюбенди и Туркяны (Абшерон), поселение у порта Атау (восточное побережье). Известно, что в очередной регрессивный период Каспия в конце XVI – начале XVII в. памятник вновь вышел из-под воды. В это время он мог продолжать использоваться, так как сохранялись крепостные стены. К этому времени можно отнести обнаруженную О.Ш. Исмизаде курительную трубку, а также перестройку некоторых сооружений внутри памятника. «Кладка внутренних сооружений отличается относительной небрежностью, и стены выведены из мелкого плохо тесанного камня на значительно более слабом растворе, толщина их не превышает 60 см и, возможно, что если не все, то, во всяком случае, часть из них относится к более позднему времени» [Алиев, 2007. С. 24, 64]. Тем не менее, вопрос о предназначении Баил Гесри окончательно не решен.

Недалеко от памятника «Баил Гесри» в 1983 г. в ходе работ по углублению дна были обнаружены остатки русского судна, затонувшего в начале XIX в. О находке было сообщено в Музей Истории Азербайджана. Производить подводные работы в воде с маслянистой нефтяной массой было невозможно. Содержимое ковшей рабочего оборудования просеивалось вручную. Было поднято около 10 тысяч медных монет – «пятаков», спекшихся в столбцы. Среди них были экземпляры отличной сохранности с четкими изображениями российского герба, вензелей Елизаветы, Екатерины II, Павла I. Часть монет была сильно расплавлена, некоторые насквозь прожженные. Все это свидетельствовало, что на русском судне, стоявшем на рейде в бакинской бухте в начале XIX в., произошел взрыв и пожар, после чего судно затонуло, захоронив «клад» русских медных монет. Вместе с монетами находились посуда, флакон духов, бутылки, обрывки обуви. Одна бутылка имела рельефный штамп русского герба и под ним в две строчки надпись: «А.М. Жуков, С.Петербург».

Из случайных артефактов, обнаруженных на дне Каспия, представляет интерес находка эфеса меча у мыса горы Заячья, датированного VIII–VII вв. до н. э.; а также находка на острове Санги-Мугань антропоморфного изваяния, изображающего голову человека. Высота изваяния 10,5 см, ширина 4,4 см, глубина 7,5 см. Неглубокими желобчатыми линиями выделены все части лица. Хорошо показаны округлые, четко выделяющиеся щеки, нос, губы и рот. Глаза округлены. Подобная находка на территории Азербайджана и сопредельных с ним стран является уникальной. В одной из статей В. Студзинской опубликованы находки каменных пестов из поселения Самусь IV Урало-Сибирского региона, относящихся к эпохе бронзы. Они имеют явное сходство с находкой с острова Санги-Мугань, передающей черты лица именно в традиционной манере, характерной для Уральско-Сибирской антропоморфной скульптуры [Квачидзе, Велиев, 1997; Саймонов, 1763. С. 137].

Подобные изображения эпохи бронзы исследователи связывают с культом плодородия и культом предков, которые органически связаны между собой – это покровители рода, семьи. Найдка с острова Санги-Мугань, без сомнения, имеет непосредственную связь с памятниками малой формы из Урала Западносибирского региона и предполагает существование в древности пути, связывающего Урал и Сибирь с Закавказьем.

Вышеперечисленные памятники у азербайджанского побережья были обследованы частично и ждут дальнейшего исследования.

В заключение хочется сказать: «Археологи, учитесь нырять, будущее вашей профессии под водой!»

Список литературы

Алиев Ш. Административные карты территории Азербайджана и их изменения за период 1813–1970 гг. (исторический обзор и анализ карт Каспийского моря до начала XIX в.): Сб. статей. Баку, 2007.

Джафарзаде И.М. Археологические раскопки 1946 г. в Бакинской бухте // Изв. АН Азерб. ССР. № 7. Баку, 1947. С. 9–11.

Ибрагимов К.Ф. Гидроархеологические памятники Каспийского моря и Баку. Баку: 2008. С. 137–138.

Исмизаде О.Ш. Крепостное сооружение в Бакинской бухте // Сов. археология. 1966. № 1. С. 277–285.

Исмизаде О.Ш., Джидди Д.А. Новые данные о двух средневековых крепостных сооружениях города Баку // Докл. АН Азерб. ССР. 1965. Т. XXI. № 12. С. 66–71.

Исмизаде О.Ш. Археологические раскопки 1969 г. в Баил Гесри // Изв. АН Азерб. ССР (Баиловский замок). 1971. № 2. С. 69–71.

Квачидзе В.А. Подводная экспедиция на городище Бяндован // Археол. открытия 1975 г. М., 1976. С. 501–502.

Квачидзе В. Апшеронский порт Бильгя на международных морских торговых путях Каспия // Роль Баку в международных многосторонних взаимосвязях Азербайджана: Сб. материалов III Бакинского междунар. симп. Баку: Элм, 1997. С. 134–137.

Квачидзе В.А., Велиев С.С. Периодичность изменения уровня Каспийского моря в историческое время // Докл. АН Азерб. 1997. № 1. С. 112–115.

Квачиде В.А. Скульптурное изваяние малой формы с острова Санги Мугань // Археология и этнография Кавказа: Междунар. науч. конф. Б.м., 2000. С. 136–137.

Квачидзе В. Изобразительное искусство средневековых керамистов Азербайджана (по материалам городища Бяндован I) // Jurn. Azərbaycan arxeologiyası. 2000. № 1–2. S. 30–34.

Квачидзе В. Подводные археологические исследования Музея Истории Азербайджана (к 30-летию начала работ) // Azərbaycan tarixi muzeyi-80. Bakı, 2001. S. 50–57.

Квачидзе В.А. Подводно-археологические работы в акватории Апшеронского архипелага и у мыса Гюргян // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. Bakı, 2003. S. 143–147.

Квачидзе В. Гончарное производство на городищах Бяндован I, Бяндован II (Печи и производственный брак) // 2003–2004-cü illərdə aparılmış arxeoloji və etnoqrafın tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiyanın materialları. Bakı, 2005. S. 92–103.

Квачидзе В.А. «Баил Гесри» – средневековый памятник в Бакинской бухте // Azərbaycan antik və orta əsr arxeologiyası problemləri. Bakı, 2006. S. 133–136.

Квачидзе В.А., Велиев С.С. Периодичность изменения уровня Каспийского моря в историческое время // Докл. АН Азерб. 1997. Т. LIII. № 1.

Мамедов А.В. Велиев С.С. Колебания уровня Каспийского моря в историческое время // Изв. АН Азерб. ССР. 1980. № 5. С. 33–38.

Нейматова М.С. Корпус эпитафических памятников Азербайджана. Баку, 1991. Т. 1.

Пахомов Е.А. Обследование развалин крепости в Бакинской бухте // Изв. Аз. ФАН СССР. 1940. № 6. С. 116–119.

Саймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. 1763 г. (Р – 1440. Библиотека НАНА). СПб, при Императорской Академии наук, 1763. 380 с.

Fərhadoglu K. Bakı İçərişəhər. (Tarixi-arxeoloji tədqiqat) II c., Bakı: Şərq-qərb, 2006.

Nəsirova S.Ə. Bayıl qəsri. Bakı: Işıq, 1977. 22 s.

Nəsirova S.Ə. Səbailin sirri // Azərbaycan arxeologiyası jurn. № 1–2. Bakı: Xəzər Universiteti, 1999. S. 14–18.

Archaeological monuments of Zangazur (Lachin district)

E. Abbasova

*Institute of Archaeology and Ethnography of ANAS,
Azerbaijan*

Abstract

The settlement of people in Lachin district that located in the foothills of the Lesser Caucasus dates back to ancient times. The settlements of the district were built mainly in accordance with tribal relations. The construction of villages in the area was mainly divided into mountainous, foothill, hill-side and plain types according to the relief of the region. On the whole, since Lachin district is located in a mountainous area, the construction of villages here was also different: mainly, the houses in the district were built far apart, mostly scattered; villages with hut dwellings and those with dwellings built compact, closer to each other.

The newly built bines (nomad camps or isolated farmsteads) were named after those who built them first. Although the main occupation of the district population was animal husbandry, they were also engaged in gardening, forestry and beekeeping. Archaeological and ethnographic investigations conducted in the district, clarified that the population were engaged in many handicraft areas (pottery, stone carving, metal working, etc.). At the same time, the settlements, grave monuments, churches and tombs and bridges of the district were comprehensively studied. The district located in a mountainous area, covers one town, one settlement and 125 villages.

Keywords

Lachin district, archaeological monuments, dwelling houses.

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-60-72

Археологические памятники Зангезура (Лачинский район)

Э. Аббасова

*Институт археологии и этнографии НАНА,
Азербайджан*

Аннотация

Расселение людей по территории современного Лачинского района Азербайджана, расположенного в предгорьях Малого Кавказа, восходит к глубокой древности. Основой процесса были в первую очередь родоплеменные отношения. Стро-

ительство поселений проводилась с учетом рельефа местности. В связи с этим можно выделить различные типы поселений: горные, предгорные, склоновые и равнинные. Поскольку Лачинский район расположен в горной местности, поселения возводились компактно и, вероятно, получали свои названия по имени тех, кто их соорудил. Несмотря на то что основным занятием местного населения было животноводство, но они также занимались садоводством – выращиванием дынь, лесным хозяйством и пчеловодством. В результате проведенных на этой территории археологических и этнографических исследований было также выявлено, что население занималось многими видами ремесел – гончарным и камнерезным делом, металлообработкой. Одновременно были всесторонне изучены поселения, надгробные памятники, мосты, церкви и гробницы, расположенные на их территории. Район, расположенный в горной местности, состоит из одного города, одного посёлка и 125 деревень.

Keywords

Лачинский район, археологические памятники, жилые дома.
DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-60-72

Zəngəzurun arxeoloji abidələri (Laçın rayonu)

Abbasova Elmira Idris gizi

*Arxeologiya və Etnoqrafiya institutu,
Azərbaycan*

Xülasə

Kiçik Qafqazın ədəklərində yerləşən Laçın rayonunda insanların məskunlaşması qədim dövrləri əhatə edir. Rayonun yaşayış yerləri əsasən tayfa-qəbilə münasibətlərinə uyğun olaraq salınırdı. Ərazidə kəndlərin salınması daha çox bölgənin relyefinə uyğun olaraq dağlıq, dağətəyi, yamac və düzənlik tiplərinə bölünürdü. Ümumiliklə isə, Laçın rayonu dağlıq ərazidə olduğundan kəndlər bir-birindən aralı-pərakəndə, koma və bir arada, yığcam salınırdı. Yeni salınan binələr onları ilk salanların adları ilə adlandırılırdı. Rayon əhalisinin əsas məşğuliyyəti heyvandarlıq təsərrüfatı olsa da, bağçılıq-bostançılıq, meşə, arıçılıq təsərrüfatları ilə də məşğul olmuşlar. Rayon ərazisində aparılan arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatlar nəticəsində əhalinin sənətkarlığın bir çox sahələri ilə məşğul olduğuna (dulusçuluq, daşıqlama, metalışləmə və s.) aydınlıq gətirilib. Eyni zamanda bölgənin yaşayış yerləri, qəbir abidələri, kilsə və türbələr, körpüləri ətrafı araşdırılıb. Dağlıq ərazidə yerləşən rayon- bir şəhər, bir qəsəbə və 125 kənddən ibarətdir.

Açar sözlər

Laçın rayonu, arxeoloji abidələr, yaşayış evləri.

Introduction

Lachin district, located in the south-west of the Republic of Azerbaijan, in the mountain range of the Lesser Caucasus, is bordered by Kelbajar in

the north, Khojaly, Shusha and Khojavand in the east, Gubadly in the south and the Republic of Armenia in the west. Covered by a town, a settlement and 125 villages, Lachin district has a total 1.883 sq/km area and 65.430 people of the population (until 1992). There were 217 cultural centers (dwellings, architectural monuments), health centers (142), establishments and enterprises (133), comprehensive schools (100), pre-school institutions (kindergarten 5), music school (5), ten-year boarding school (1), a secondary technical vocational school (1) and a (1) communication institution.

Geographically, the total land area of Lachin district, located in a mountainous area, is 166.488 hectares, 75.781 hectares of which are suitable for agriculture. The forest strip of the district is about 33.205 hectares, which is rich in oak, juniper, linden, hornbeam, beech and other trees.

The monuments of Lachin district, which has a rich historical past, are among the most valuable and unique monuments comparable to the Azikh and Taglar caves in Khojavend and Jabrayil districts, which date back to the I–II millennium BC.

Lachin district, having about 300 historical, architectural and cultural monuments, is also rich in minerals of world significance. In the mountains, there are rich deposits of mountain crystal, marble, mercury, uranium, cobalt, gold, iron, clay, etc. There are numerous kurgans, gravestones, fortress walls, caves with ancient human settlements, statues of horses and rams, etc. among the archaeological and architectural monuments.

Also, Turshsu, Istisu, sulfurious water and others, which are known as head water, eye water, tooth water, wind water, gastric water, are among the springs of medical importance.

Tagi Shahbazi Simurg chose the place of Lachin town and gave this name to it. Surrounded by high mountains, Lachin district was founded in 1924.

Although the population of the district occupied by the Republic of Armenia on May 18, 1992 was compelled to settle in almost all areas of Azerbaijan, most of them settled in the settlement called “Wooden Bridge” (“*Taxta körpü*”) in Agjabadi district. Although the district was liberated from occupation in December 2020, the population is still living in different areas.

Surrounded by rivers and springs, the ancient settlements of the region were built on the river banks. These settlements were mostly based on family- tribal relations. According to the relief of the area the construction of villages in the district was divided into mountainous, foothill, hill-side and plain types. On the whole, since Lachin is located in a mountainous

area, the construction of villages here was also different: mainly, the houses in the district were built far apart, mostly scattered; villages with hut dwellings and those with dwellings built compact, closer to each other and built in groups [Maharramova, 2020. P. 47].

The main occupation of the population in Lachin, which has impassable rocks and harsh winters, was cattle breeding. The people engaged in cattle-breeding settled in such settlements as *yataq* (enclosures), *bine* (nomad camps or isolated farmsteads), winter and summer pastures.

Due to newcomers who used the winter-summer pastures of rural areas new villages were built. In some villages, due to the newcomers, the population outnumbered the locals. Gradually, as the number of newly formed villages was increasing, new pastures were selected for grazing. At the same time, stables and cattle sheds were built to keep the animals (cattle and sheep), and temporary dwellings were built near them for the shepherds to live. Temporary dwellings intended for living in winter and summer were called *bine* – nomad camps or isolated farmsteads. Newly built farmsteads were often named after the first settlers, such as Melikpeye, Fatalipeye, Mishni, etc. The population of Nureddin (Noraddin) village, which has a history of about thousand years, was settled by people moved from Picheniz (Pichenish-Pichenis) village of the district. Picheniz is used in the sense of “Beyuk kend” (“big village”).

Those who moved from “Beyuk kend” were the first settlers in Khachin Yolu, Agjayazi, Chorman Farrash, Nureddin and other villages of Lachin district. The first people who moved from Picheniz to Nureddin village were Gumshudlu Ali from Turkey. After Gumshudlu Ali, his brother Alpena also moved to Picheniz, his brother’s neighborhood, to live. It was for this reason that some of the tribes living in this village are called “Gumshudlu” and some – “Alpena”. Today, these tribal associations live under the same names in Azerbaijan and different districts of Turkey.

Along with nomad camps and hamlet type dwellings, there are also villages built in the foothills and plains, where houses were mostly built side by side and more orderly. Qarikaha, Zabukh, Mishni, Bozlu, Gulebird and others are among such villages.

But on the whole, many generations have lived in most of the villages of Lachin district.

Remains of numerous houses of different periods still remain in Lachin district and its villages. Such ancient dwellings consist of cyclopean structures, *qaradams* (shanty, hovel, shack), caves and room-type caves. Along

with them, there were a number of dwelling houses in the district. These dwellings consist of *deye* (shack), *alachig* (nomad tent), *dakhal*, *chovushtan* and so on.

The oldest settlements of the local population were caves and grottoes. There were whole villages of grotto-houses in the region. Researcher S. Maharramova also states that Mishni and Zerti villages of Lachin district entirely consist of grotto-houses [Maharramova, 2020. P. 49–50].

Archaeological and ethnographic investigations were carried out in Lachin district still in the 20–30s of the 20th century (1924–1925). The investigations were conducted mainly by Russian scientists. E. Pchelina, a Russian archaeologist who participated in ethnographic investigations, wrote that two types of natural grottoes were used for different purposes in the district: In the grottoes which were relatively deep, in the human height, and consisted of several layers (parts) flocks of sheep and cattle were kept”. [Aristova, 1966. P. 112; Sisayev, 1927, P. 197]. This type of grottoes are mostly found in Dashly, Bozlu, Molla Ahmadli, Pirjahan villages of the district. It was possible to keep at least 3.000 herds in this type of grottoes.

In the villages of Lachin district, in contrast to this type of grottoes, there are relatively high grottoes made of stone, which were used only for keeping haystacks gathered for the winter supply of animals. Because of the long and harsh winter in the mountainous Lachin district, it was impossible not only for animals but also people to live in the stone caves. Archaeological and ethnographic investigations have revealed that the number of stone grottoes in Minkend village of the district is higher than in other settlements of the district.

Later, people who had to live in these grottoes built one or two walls and put doors and windows in front of the grottoes. At the same time, if there was more spare area in front of the grotto-houses, they used to build a stone wall there, where people and animals stayed together [Pchelina, 1932. P. 40–50]. Thus, the newly built stone masonry houses were warm in winter and cool in summer.

Along with stone grotto type houses, new type houses were built in different settlements of Lachin district. Such houses – “*qaradams* (hovel)” were called “*damlar* (huts)” (nev dami-big qaradam), “*dam*” (small qaradam) depending on the villages. In such *dams*, the owners lived together with the animals they kept.

The investigations of many ethnographers such as A. Alakbarov, G. Garagashli, H. Havilov, A. Mehdiyev, S. Maharramova and others on the et-

ymology of the word “*qaradamlar*” where the population inhabited in the mountainous Lachin district and villages is interesting. For example, on the etymology of the word “*qaradam*”, H. Havilov has come to a conclusion, that this word is in two senses. According to him, first of all, *qaradamlar* is associated with a big house belonging to large families, and in the second case, with the smoke from the hearth installed in the center of the house. G. Garagashli considers that the etymology of the word “*qaradam*” is associated both with black soot, from a burning hearth in the house and with a “big house” built for a relatively large number of family members [Azerbaijan... , 1991. P. 25]. In general, the word “black” means “big”, “wide, large”, “titanic”.

“*Qaradamlar*” – houses were mainly built 5x5, 6x6, 7x7 m wide, and sometimes larger, depending on the number of families. As the construction of residential houses expanded, new construction technologies (architectural style) were used in the construction of houses. Thus, in some villages of Lachin district, one-two, and sometimes more-room houses were built, and according to the size of the houses, sometimes single doors and sometimes two-leaved doors were installed, and small windows (glasses) were installed to illuminate the houses. As the construction technology was improving, dwellings gradually separated from the *dams* where animals were kept. Thus, the *dams* (stables) separated from the houses were gradually built at a distance from the houses.

It is reported that in some rural areas, even two-story houses were built as well. T. F. Aristova's research shows that the family of a Kurdish man by name Iskender lived in a two-story house in the village of Garakeshish, Lachin district, and that the first floor of the house was used for household purposes and the second floor was occupied by his family [Aristova, 1966. P. 5].

The researcher of the history and ethnography of Lachin district, S. Maharramova stated that the houses built in the district consisted of two or more separate rooms and were built with a different architectural plan, mainly in architectural styles of “T”, “P”, “Q”. [Maharramova, 2020. P. 57].

It is very important to study and investigate the monuments of Lachin district, which is beautiful with its fascinating nature, from the archaeological aspect. The fact that the studied monuments cover the period from the Bronze Age to the late Middle Ages and the principles of inheritance of artifacts confirm that Azerbaijanis have always been residents of these lands. Kurgans in the territory of Ziyrik village are of great importance in

the study of archaeological monuments of the district. Although no archaeological investigations has been carried out on the monument yet, a comparison of the artifacts obtained during the farming activities by the local population with samples of material culture discovered in other areas of Azerbaijan shows their belonging to the Khoaly-Gedabey culture, i.e., the Late Bronze-Early Iron Ages. Kurgan monuments belonging to Khojaly-Gedabey culture were also registered in Gulebird village of the district [The history... , 2009. P. 67]. It should be noted that the territory of Lachin district is also rich in ancient, early medieval and medieval settlements. Such settlements were registered in Zabukh, Malibey, Mirik (Kalafalig settlement), Abdallar, Soltanlar, Zeyva, Hajilar, Kosalar, Ahmadli, Bozlu, Gushchu, Jijimli (*Cicimli*), Minkend, Malkhelef, Ashagi Ferajan, Erikli, Seyidler and other villages. In 1985–1988, archaeological prospecting was carried out in some of the mentioned villages and numerous artifacts were obtained. One of them, a settlement at about a kilometer south-east of Hajilar village, is of great historical significance. This settlement located at a height above the ground, on a mountain slope, consists of two cultural strata, covering the ancient and early medieval periods.

Archaeological excavations give reason to say that the Govurqala (fortress) in the village of Pirjan was built in the early Middle Ages, during the Sassanid occupation. The name Govurqala was given to the area during the Arab occupation. Such monuments have been recorded and investigated in many settlements of Azerbaijan – in Shamakhy (Shehergah), Aghdam (Govurqala), Goranboy (Kurekchay II fortress), Nakhchivan (Govurqala) and others. The Kalafalig settlement in the territory of Mirik village was built on the kurgan related to the Late Bronze-Early Iron Ages. But, as a result of the collapse of the kurgan, the area of the settlement was deformed. Other monuments in the territory of Mirik village (a fortress, mill, cave, and temple) also belong to the early Middle Ages. Galajiq in Gushchu village of Lachin district, the “Child’s Tower”, Sadinlar fortress in Gushchu village, a temple in Ahmadli village, a kurgan in Gulebird village, Gavurqala in Jijimli (*Cicimli*) village, the bridge and graveyard are dating back to the 11–12th and 15th centuries. A water pipeline was laid to the “Child’s Tower” (popularly called it because of its poor protection) from the area of Korca bulaq (spring) through pottery tubes and a reservoir was built to collect water.

Each settlement of Lachin district had its own graveyards and these graveyards were not far from the settlements. The ancient graveyards in the

Рис. 1. Лачинский район, Республика Азербайджан (фото: <https://www.virtuallkarabakh.az/az/post-item/27/100/lacin.html> Дата обращения 12.05.21).
 Fig. 1. Lachin region, Republic of Azerbaijan (<https://www.virtuallkarabakh.az/az/post-item/27/100/lacin.html> date of the application 12.05.21)

villages Hajilar, Ahmadli, Gulebird and others prove once again that the people here have lived not nomadic, but a sedentary lifestyle for thousands of years.

One of the ancient settlements in the district is the 9th century Aghoghlan (*Ağoğlan*) settlement in the territory of Kosalar village. In the mid of the last century, the archaeologist R. Goyushov conducted archaeological investigations in the area and proved with artifacts that Amaras was the first medieval town site that was historically important in the area. He also concluded that the Amaras monastery, of the same name, was built over the tomb of Gregoris, who served as a bishop in Albania in the 4th century. The temples in Mirik, Minkend, Sadinlar, Hochaz, Shelve, Pichenish, Soyugbulag, Gorchu, Varazgun villages of the district also cover the period of spread of Christianity in Albania and date back to 5th-6th centuries. According to the researcher, the number of temples built on steep cliffs in the mountains had increased after the Arab occupation of Azerbaijan [Goyushov, 1986. P. 120].

Sepulchers have an important place among the architectural monuments of Lachin district. These monuments built on the graves of respected persons of the time and turned into shrines from time to time are the Khalifa tomb in Malkhalaf village and Garasaqqally tomb in Erikli village (11th century), Arakhishda tomb in Erikli village (12th century), Uchuq (means *tumble-down*) tomb in Zeyva village (12th century), the 16th century Sheikh Ahmad tomb, the Melik Ajdar tomb in the village of Jijimli. Since there is no inscription on the tomb, it is difficult to say the exact date of its construction. However, I. Sheblik, who was the first to give information about the Melik Ajdar tomb is of the opinion that the monument belongs to the Seljuk period, i.e., it was built in the 12–13th centuries. The Melik Ajdar mausoleum was built in the architectural style of Azerbaijani architecture. The tomb is round on the inside and octagonal on the outside. Resembling to the homeland of nomadic peoples by general appearance, the tomb has images on the carved stones above the entrance door, as well as on the right and left sides of the entrance. The carving of bulls on the monument, along with enriching its artistic features, is the indication of the widespread use of animal images in the territory of Azerbaijan. Along with these, the Aghoghlan (fig. 1) Church dating back to the 9th century and the 17th century Hamza Soltan Palace were erected in the village of Soltanlar, and in the village of Picheniz a medieval temple and in the graveyards in the areas of villages were erected tombs [Lachin–85, 2009. P. 39–41]. Due to

their construction features the monuments, built of local building materials, belong to the Ganja-Karabakh architectural school [Mammadov, 1993. P. 97].

During the archaeological excavations in the territory of Lachin district, as well as during the farming works, numerous examples of material culture related to the handicraft areas –especially pottery, metal working, stone-working, weaving, etc. have been discovered. This is due to the rich raw material resources of the district. Local masters demonstrated their mastery by engraving, carving, minting and other methods on the tombstones. For example, the stone box graves in the territory of Abdallar village, the images of rams and horses on the graves related to the Garagoyunlu (14–15th centuries) in the villages Sumuklu and Khalanly in the territory of Zabukh village, as well as Malibey, Pirjan, Gushchu, Jijimli, Zeyva and others and various paintings on them prove this. Such graves were recorded and studied during the archaeological and ethnographic investigations carried out in the coeval monuments of Azerbaijan. [Mammadov, 1993. P. 39–42; 43–49].

Bridges. Due to the fact that the Lachin district is located in a mountainous area, and due to the large number of mountain rivers and complex relief, bridges were built to provide easy access between settlements. Such bridges were mainly built of local rocks, and they are mainly single-arched and double-arched. As an example to such bridges can be cited Minkend (9th century in Abadkheir, a double-arched bridge – 15th century), Zabukh (11th century), single and double-arched bridges in Sheylanly village (12th and 15th centuries), bridges in Farajan and Ahmadli villages (12th century), Ashagi Farajan (on Farajan-Gulebird road – 13th century), in Katos and Bozlu villages (16th century), Seyidler, Jijimli, (17th century) and double-arched bridges in Abdallar village (17th century) [Lachin–85, 2009. P. 39–42]. Some of the bridges were destroyed in the 30s and during the Karabakh wars in the 80s of the 20th century. The Zabukh Bridge is among the destroyed ones.

One of the important features of bridges is their exceptional role in local and international trade. In the Middle Ages, mostly baked bricks were used in the construction of arches of bridges built on trade routes, which increased the importance of bridges among the architectural monuments. Among the architectural monuments, the “Seven Brothers’ Bridges” located on the right side of the Yevlakh-Zagatala road has a special place. In order to irrigate the backyards of neighboring villages, ditches were built from

the Alijan River to seven villages, and a bridge was built over the ditches to facilitate the movement of the villagers. As for the etymology of the bridge, it was connected with its construction between seven villages [Mammadov, 2008. P. 154–155].

Conclusion

Lachin district, one of the settlements of the first man's formation, was chosen by Tagi Shahbazi Simurg in 1924, and the place Abdallar surrounded with high mountains was called Lachin. In the lower part of the district, surrounded by steep rocks, at the foot of Zangazur mountain the Salag, Artiz, Merkiz Mountains, at a distance the Khustun, Kepez, Kecheldag range, and farther away the Pirdavan, Kigin and Gajaran mountain ranges are seen. The peak of the Zangazur Mountains is 2500–3906 m above sea level and is always snowcapped. It covers a 1.84 sq/km area and has 78.6 thousand people of population. The Lachin district covers one town (Lachin city), one settlement (Gaygi settlement) and 125 villages. Although the local population mainly has been historically engaged in cattle breeding, due to its natural resources, agriculture, gardening, beekeeping and forestry have also developed in the district. Due to the abundance of livestock in the area, a variety of clothing and household items were made from wool and fur materials. There are abundant running water sources and rivers, more than 20 of which are medicinal springs. These, Narzan-type medicinal mineral springs have been used by people since ancient times. According to its treatment, these springs were called among the people as eye water, wind water, head water, tooth water, stomach water, etc. These water sources were close to Minkend, Mirik, Shelve, Molla Ahmadli and other settlements of the district. People from all over the world came here for treatment and rest.

In enchanting forests at an altitude of 850 m above sea level there were oak and hornbeam trees, more than 400 years old Eastern plane (Zabukh village), juniper tree included in the state forest fund and covering an area of 1.092 hectares, chestnut and blackberry trees, fauna, as well as underground natural resources. The Lachin district, which is rich in natural resources, as well as its flora and fauna has been under enemy occupation for almost 30 years and has been severely damaged. In order to store cognac they made tuns from the red oak trees cut down in the forests of Hajisamly and Pichenis villages of the district and to sell it to the world markets

(France). Large walnut trees were destroyed and exported to neighboring Iran to produce furniture. Moreover, during these years, the Armenians destroyed the forest area in the territory of Hajilar-Sadinlar villages of Lachin district, ploughed graveyards, devastated and burnt houses, public catering establishments and so on.

Lachin, located in the mountains, with its beauty and thousands of mysteries is of military-strategic importance as Shusha. Since 1992, the Lachin district has been under the occupation of the Armenian Dashnaks, and the people of Lachin are living as refugees not only in Azerbaijan, but also in various parts of the world. After 28 years, on December 1, 2020, as a result of the foresight and policy pursued by the President, Lachin district again passed under the control of the Republic of Azerbaijan.

References

- Aristova T. F.** Kurds of Transcaucasia. Moscow: Science, 1966. 209 pp.
- Azerbaijan** ethnography. Baku: "Elm", 1991 P. 252.
- Goyushov R. B.** Azerbaijan archaeology. Baku, "İşıq", 1986, 185 pp.
- The history**, archaeology, ethnography of Karabakh and 3000th anniversary of Barda city / Materials of scientific-practical conference-March 29–30, Barda- 2009, 67–69 pp.
- Lachin-85.** Special edition. Baku, "AzTU", 2009., pp 85.
- Maharramova S. S.** Historical and ethnographic study of the south-eastern region of the Lesser Caucasus in the 19th and early 20th centuries. Baku, "Apostrof-A", 2020. 304 pp.
- Mammadov A.M.** Ganjabasar in the 4th-13th centuries (historical-archaeological researches) Baku: "Elm", 1993. 203 pp.
- Mammadov A.M.** Archaeology and Ethnography // Textbook. Baku: Muellim, 2008, 238 pp.
- Pchelina E.** On the Kurdistan uyezd of Azerbaijan (travel notes) // SE, 1932, No. 4, Pp.108–122.
- Sisayev V.M.** Kurdistan-Lachin. Excavations in the fall of 1925 // Izvestia Azkomstaris. Baku, 1927, 3rd iss., 197 pp.

Материал поступил в редакцию

Received

16.04.2021

Сведения об авторе / About the author

Abbasova Elmira, Senior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of ANAS, Department of Early Medieval Archaeology, AZ1073, H. Javid ave., 115 Baku, Azerbaijan
abbasova1957@mail.ru

Аббасова Эльмира, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Департамент археологии раннего средневековья, ул. Гусейн Джавида 115, Baku, Azerbaijan, 1073

Abbasova Elmira İdris qızı, Baş elmi işçi, tarix üzrə fəlsəfə doktoru AMEA Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu, İlk orta əsrlər arxeologiyası şöbəsi. Hüseyn Cavid- 115, Bakı, Azərbaycan, 1073

Turkish textiles which have been described in paintings of artist Şevket Dağ

A. Aytaç

*Aydın Adnan Menderes University,
Aydın, Türkiye*

Abstract

The perception of painting that started with the Turks, the Gokturks and the Uighurs was expressed mostly in miniature after Islam. There was a false perception that Islam imposed a ban on painting. Therefore, not much painting art was seen in the Ottomans until recently. There are mostly miniature paintings in the Ottomans. The art of painting has developed in the last periods of the Ottoman Empire. One of the most important representatives of that period was Şevket Dağ. She is one of the first graduates of Şevket Dağ Sanayi-i Nefise School. There are no foreign influences in Şevket Dağ's paintings. There are painting techniques in purely national characters. In the article there are five paintings depicting Turkish carpets. Five paintings in which the furniture and architectural features of the period are depicted together with the carpets will be emphasized.

Keywords

Paint, painter, color, carpet, art.

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-73-89

Турецкий текстиль на картинах Шевкета Дага

А. Айтач

*Университет Айдын Аднан Мендерес
Айдын, Турция*

Аннотация

Бытует мнение, что в исламе существует запрет на живопись. Это ошибочная точка зрения. У тюрок, кок-тюрок, уйгуров изобразительное искусство существовало, но только в другом формате – в виде миниатюр. Именно это стало причиной того, что в османской истории живописные работы большая редкость, и в основном это миниатюрные картины. В последние годы существования Османской империи искусство живописи особенно развилось. Одним из самых значительных представителей турецкой художественной школы периода конца Османской державы был Шевкет Даг. Он один из первых выпускников школы Şevket Dağ Sanayi-i Nefise. В картинах Шевкета Дага не прослеживаются какие-ли-

бо заимствования или влияния. В его художественных работах представлены исключительно народные персонажи. В статье рассматриваются пять полотен, на которых присутствуют изображения турецких ковров. Особое внимание автор статьи акцентирует на том, что текстильные изделия изображены в комплексе с предметами мебели и архитектурными особенностями того периода.

Ключевые слова

Живопись, художник, цвет, ковер, искусство.

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-73-89

Ressam Şevket Dağ'ın resimlerinde tasvirlenen türk tekstilleri

A. Aytaç

*Aydın Adnan Menderes University,
Aydın, Türkiye*

Özet

Türklerde, Göktürklerle ve Uygurlarla başlayan resim algısı İslamiyet sonrası daha çok minyatür ile ifade bulmuştur. İslamiyet'in resme getirdiği yasak gibi yanlış bir algı vardı. Bundan dolayı Osmanlılarda son dönemlere kadar çok fazla resim sanatı görülmez. Osmanlılarda daha çok minyatür resmi vardır. Osmanlı Devleti'nin son dönemlerinde resim sanatı gelişme göstermiştir. O dönemin en önemli temsilcilerinden birisi Şevket Dağ'dır. Şevket Dağ Sanayi-i Nefise Mektebi'nin ilk mezunlarından. Şevket Dağ'ın resimlerinde yabancı etkiler yoktur. Tamamen milli karakterlerde resim teknikleri vardır.

Makalede Türk halılarının resmedildiği beş adet tablo vardır. Dönemin eşya ve mimari özelliklerinin de halılarla birlikte tasvirlendiği beş adet tablosu üzerinde durulacaktır.

Anahtar kelimeler

Resim, ressam, renk, halı, sanat.

Input

The origin of the art of painting in the Turks goes back to the petroglyphs. However, the oldest examples of paintings are clearly seen in the Gokturk period corigan.

It can be said that the main development of Turkish painting started with the Uyghurs period. Mani is also the main reason for the development of religious painting in Uyghurs. Uyghur miniatures and Central Asian painting formed the source of Turkish-Islamic miniature art. [Akdaş S, 2011].

After Islam, miniatures developed as pictures to explain the writings of books. First, the text was written, the page where the miniature would

be made was left blank, and finally, miniatures were pasted on these pages. [Aytaç A., 2012a, S. 57–65].

Traditional arts gained much importance in the Ottomans. It attracted attention both as the art of the public and the palace. Some of the traditional arts of the period were also found valuable in Europe. Life style and even some arts in Europe have been influenced by traditional Turkish arts. The most common area of this effect has been painting. So much so that Renaissance painters could not remain indifferent to Turkish carpets and depicted them in their paintings. “The depictions of foreign painters in their paintings and their presence in other artworks and hand weavings have led the intellectuals to examine other works by leaning on Turkish art. This understanding continued in the following centuries”. [Aytaç A., 2012b, S. 82–83]. In the 19th century in Europe, an interest in eastern and Islamic culture started. With this interest and curiosity, researchers, writers and artists organized trips to the Ottoman lands on the occasion of orientalism, which is almost a fashion. They produced publications and works related to the culture they encountered. Many orientalist artists depicted the culture they saw in their paintings, just like Renaissance painters in the past. [Aytaç A., 2012a, S. 58].

In the last period of the Ottoman Empire, where the westernization process accelerated, innovations in accordance with western art started. In 1793, “Mühendishane-i Berri Hümayun”, a modern educational institution suitable for Western models, was established. During the times of Sultan Mahmut and Abdülmecit, contact with Western art increased even more. Sultan Abdulaziz supported this movement more because he also painted. He sent students to Europe. A small collection of the works of the well-known painters of the period was brought by Şeker Ahmet Ali Pasha. [Gültekin G., 1992. S. 32]

The design course has been added to the curriculum of military colleges. With the influence of these lessons, people like İbrahim Pasha became interested in the art of painting. Hüsnü Yusuf Bey followed him. After that, many artists such as Şeker Ahmet Ali Pasha, Ahmet Emin, Süleyman Seyit, Osman Hamdi, Hüseyin Zekai Pasha, Crown Prince Abdülmecit Efendi, Hoca Ali Rıza Bey and Halil Pasha were trained. Painters such as İbrahim Pasha, Tevfik Pasha, Servili Ahmet Emin and Osman Hamdi were the first representatives of the art of painting in the western meaning and technique, and in a way they became the classics. [Akdaş S, 2011. S. 27].

There have been Turkish painters who went to Europe to learn the art of painting. Later, after receiving education at the School of Fine Arts, in

the 1910s, names such as Hikmet Onat, İbrahim Çallı, Feyhaman Duran went to Europe. They brought a new understanding to Turkish painting.

Sanayi-i Nefise School was founded in 1882 by Osman Hamdi Bey, II. It was officially established by Abdulhamit's appointment as the school director. Sanayi-i Nefise Mektebi is the first fine arts school of the Ottoman Empire. It started education on March 2, 1883 in the building that serves as the Museum of Ancient Oriental Works today. In 1928, it was renamed the Academy of Fine Arts. Since 1982, he has been continuing education under the name of Mimar Sinan Fine Arts University. Şevket Dağ is one of the first graduates of this school. [Fig. 1]

Resume

Şevket Dağ is the child of a family that immigrated from the Caucasus. He was born in Istanbul. He completed his primary education in Hacı Ferhat School and his secondary education in Darül Muallimin (Istanbul Teacher Training School). Thanks to the folk painter Emin Baba, who drew pictures of ships and maps in Unkapanı, he became interested in painting. Şevket Dağ entered the School of Fine Arts with only 20 students in the first year, winning the talent exam. He became a student of Osman Hamdi Bey and Valeri. He graduated first in 1897. His pencil drawing teacher was Zarzecki and his oil painting teacher was Valery. He worked as a civil servant in Evkaf for a while. He started working as an art teacher in Mahmudiye High School in 1902. He worked as an art teacher for 23 years. He worked at Galata, Nişantaşı, Aksaray, Feriköy, Koca Reşit Pasha and Kadıköy Numune schools and Vefa, Nişantaşı and Galatasaray High Schools. Later, he became an art teacher at the Istanbul Teacher Training School (Dar'ül-Muallimin) and established a painting workshop there.

He participated in the founding meetings of the Ottoman Painters Association. Founding member of the painters' association founded in 1909. [Başkan S., 1994. S. 26]

He participated in the "Galatasaray Exhibitions" held every year since 1916 and the first "State Painting and Sculpture Exhibition" in 1939. Although Şevket Dağ reacted to the "Modernization" movement after the Republic, it showed an "impressionist" (Impressionist) change after the 1920s. He was among the artists of the "14th Generation" (Çallı Generation). He also participated in the parliamentary elections. He also served as a deputy for Konya and Siirt. He suffered a heart attack on the ferry on May 23, 1944

Рис. 1. Шевкед Даг
Fig. 1. Şevket Dağ

while he was a deputy from Siirt and passed away. He was married with two children.

Artistic perspective

It is among the painters named as “1914 generation”. His works are generally small sized paintings. He is known for his interior paintings and landscape works. He was one of the first civilian painters trained by military painters. It has its own style and foreign influences are not seen. He is also known as “mosque painter”.

One of the first painters of the “intervener (indoor painting)” painters. [Özsezgin K., 1994. S. 157]. The figures in his paintings are illustrated with their backs facing the viewer and their faces are blurred. [Şimşek H., 2014. S. 322]

Pictures of Turkish textiles

Since the study is limited to an article, five of the paintings of Şevket Dağ, who left an important mark on Turkish painting in the 19th and 20th centuries, were included in the study. [Fig. 2, 3].

The painting dated 1915, which is an oil painting on canvas, is 66x92 cm in size. It is in private collection today.

The pulpit of the Rüstem Pasha Mosque and the windows on its right are depicted in the work. In the image inside the mosque in which magnificent tiles are detailed, there is a figure with a turban and a robe, whose direction is facing the window in the direction of Qibla. Rahle is depicted as reading the Quran while sitting in front of him.

There are two carpet depictions in front of the mihrab. The big water of the carpet on the left is dark blue. It consists of a decoration of red flowers and green leaves on a branch. The medium composition area, which is depicted in small red water and in colors close to red, gives the feeling of vegetative decorations. It is understood that the painter did not depict the motifs clearly with hard brush strokes. On the carpet on the right, there is a floral decoration on a dark blue curved branch in the big water. Small waterway style herbal decoration is seen. In the middle composition field, it is seen that the painter did not clearly describe the motifs with hard brush strokes. There is a yellow robe on the figure sitting with his back facing in front of the Rahle. [Fig. 4].

Рис. 2. Мечеть Рустем Паши
Fig. 2. Table of Rüstem Pasha Mosque

Oil painting on canvas is 42x54 cm in size. Turkey İş Bank is in the collection.

Рис. 3. Мечеть Рустем Паши (увелич.)
Fig. 3. Table of Rüstem Pasha Mosque

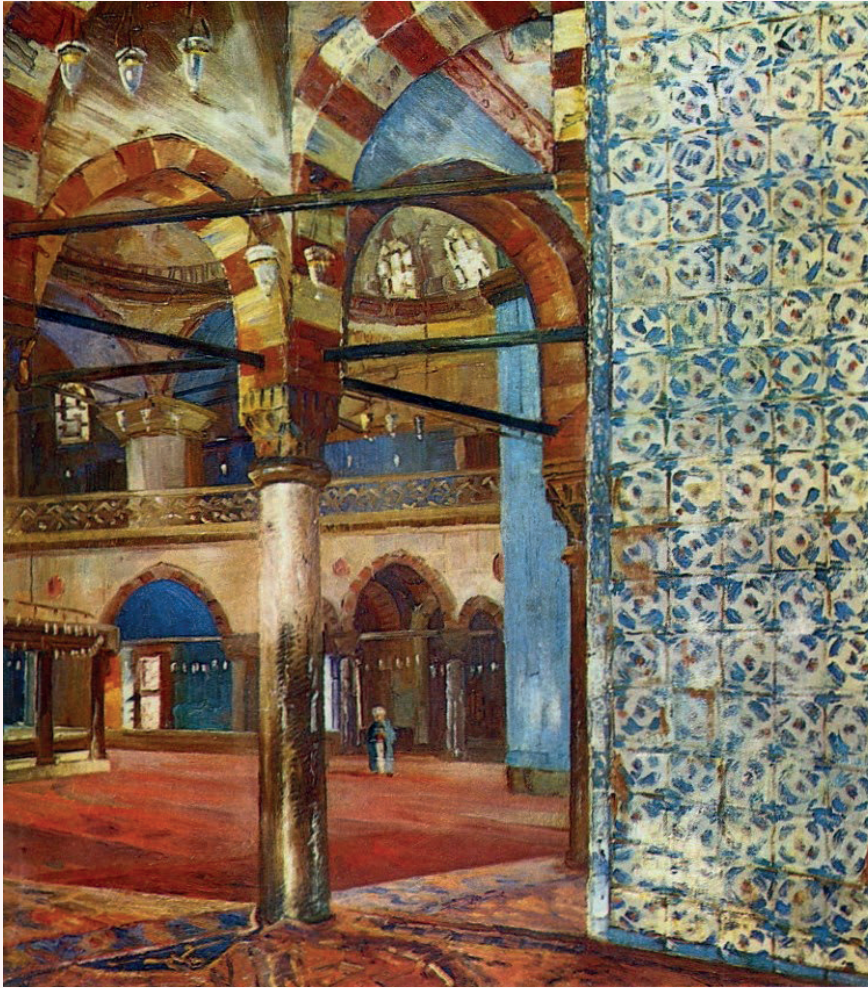

Рис. 4. Интерьер мечети Рустем Паши
Fig. 4. Rüstem Paşa Mosque Interior painting

The Rüstem Paşa Mosque depictions, which are important with their tile decorations, are important in Şevket Dağ's paintings. The ceiling of the Rüstem Pasha Mosque, the carpets on the floor and a figure who was probably a mosque attendant was pointed out in the work, which has an open composition feature. Perspective is applied perfectly.

The motifs of the carpets depicted on the floor were not clearly made by the painter. Contrast is created with blue tiles and red carpets. [Fig. 5, 6].

It is an oil painting on canvas and it measures 64x91.5 cm. It is in the collection of Istanbul Metropolitan Municipality.

Рис. 5. Роспись помещения гарема

Fig. 5. Harem office painting

In the Harem Department, it is about the Kızlarağası who smokes tobacco and the servant. Another figure is seen sitting next to the tiled stove (fireplace) and preparing to serve coffee to the figure. There are two guns and a sword on the wall to the left of the stove. An oil lamp hangs on the

Рис. 6. Коврик из Сиваса
Fig. 6. Sivas rug

right. There is a jug on the table, a small part of which is visible on the left. The rug depicted on the floor has a skin of a predator on it. An arrangement with transverse motif repetition is seen, divided into white, red and dark blue sections. A repetition of abundance motif is seen side by side in the cream colored area. It is a pattern scheme seen in the rugs of Sivas and Konya region in Anatolia.

The maid in mauve-colored robe wears a belt on his waist and a napkin in his left hand. Kızlarağası, who was sitting on the ground, wore a green patterned robe with a sash around her waist. [Fig. 7].

The work dated 1904, which is an oil painting on canvas, measures 61x92 cm. It is in Ankara Painting and Sculpture Museum.

The entrance door of the mosque with a closed wing in the foreground draws attention. There is a carpet at the entrance of the tomb. Inside, there is a figure sitting in front of the litter and sarcophagi in the background.

The middle composition area, which is lined at the entrance of the tomb, is seen in a hexagonal form with *koçboynuzu* motifs on the red colored carpet. Similar patterns are seen on Adıyaman carpets.

Fifth Example [Fig 8, 9]:

The 37x45 cm oil painting on canvas is dated 1902.

A carpet is laid in the narthex. The walls next to the mother-of-pearl door with a closed wing are decorated with tiles. The tradition of hanging carpets on the entrance door of the mosque, which is applied to prevent the cold in winter, is also depicted in red in the picture. And a harmony has been created. Perspective is also perfectly applied in the interior. A distant figure is emphasized by tiles and carpets on the floor.

Large lozenge-shaped medallions are placed on the white and red sections of the rug in front of the door in the middle composition area. Rugs with similar composition schemes are seen in Konya region. A medallion with pendants is seen on the red carpet on the door. It has an appearance that fits the pattern scheme of the Ottoman Palace rugs and Uşak carpets.

Result

There are also landscape pictures of Şevket Dağ. However, the interior fiction works in the style that is the subject of this research also reflect the style of the painter.

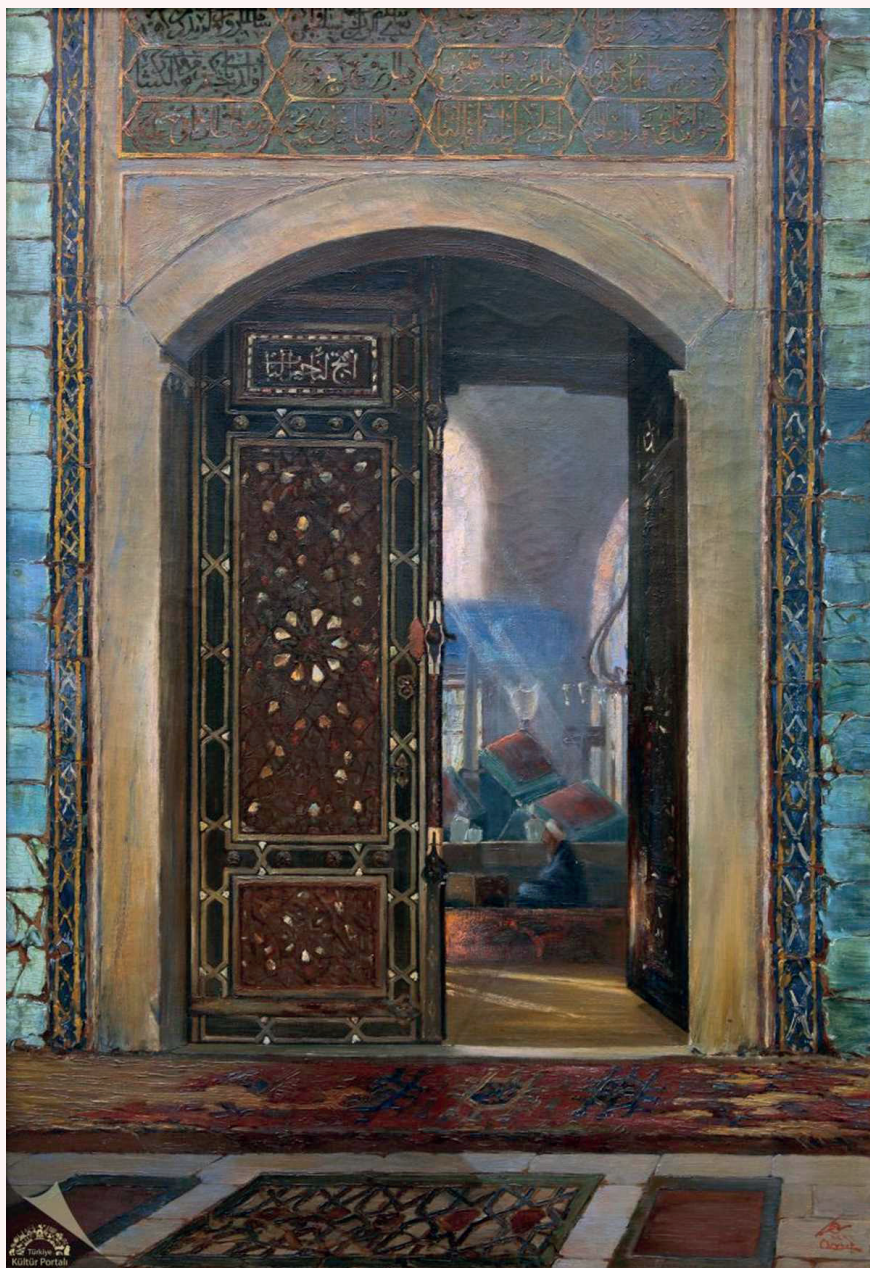

Рис. 7. Роспись на двери
Fig. 7. Shrine Door Painting

Рис. 8. Внутреннее пространство мечети

Fig. 8. Inside the Mosque

It is understood that he uses the light very well in terms of reflection and shadow in the architectural structure. It is understood that a balance is established with colors in the works that try to give the feeling of a dim environment by avoiding too many figures and objects.

Of the five paintings by Şevket Dağ, which is the subject of this study, it is seen that two of them depict rugs and three carpets.

Рис 9. Коврик из Коньи
Fig. 9. Konya rug

It can be said that the painter always used red and cream colors while depicting textiles, and avoided creating clear motifs with harsh brush strokes. Since the motifs of some textiles depicted in the tables are not clearly reflected, no interpretation can be made about their production locations. However, it was possible to make an estimation about the regions of some textiles from the depictions of colors and patterns.

In addition, the weavings depicted in the tables were drawn with a real approach. However, it can be said that he was painted by the painter with minor changes, adhering to the original color and pattern character.

Renaissance and Orientalist painters of the indifferent kalamayıp table in depicting their Turkish carpets and kilims of the young Republic of Turkey the first fine arts education that college graduates than the industry-Nefise painter Sevket Dag some statements also appear to be issues.

References

Akdaş S. Cumhuriyet Döneminde Çallı Kuşağının Yeri ve Önemi. Konya, Selçuk Üniversitesi Yayınlanmış Yüksek Lisans Tezi, 2011.

Aytaç A. Oryantalist Ressamların Tablolarında Tasvirilenen Türk Dokumalarına Dair. Milano/İtalya, Uluslararası Türk Kültürü, Sanatı ve Kültürel Mirası Sempozyumu VI, 17–21 Eylül 2012a. S. 57–65.

Aytaç A. “Yabancı Ressamların Tablolarında Tasvirilenen Konya Yöresi Halıları”, Vizyon Dergisi, Konya, 22. Mayıs, 2012b. S. 82–83.

Başkan S. Osmanlı Ressamlar Cemiyeti, Ankara, 1994.

Erbek G. Turkish Handwoven Carpets 4, Ankara, 1990.

Erbek G. Anatolian Kilims 1, Ankara, 1995.

Erbek G. Anatolian Kilims 2, Ankara, 1995.

Gültekin G. Batı Anlayışında Türk Resim Sanatı, Ankara, 1992.

Özsezgin K. “Dağ Şevket”, Türk Plastik Sanatçıları Ansiklopedik Sözlük, 1994, s. 157.

Şimşek H. “Ressam Şevket Dağ’ın Hayatı ve Sanatına Genel Bir Bakış”, Art-Sanat, 2/2014, S. 319–328.

Şimşek H. “Şevket Dağ (Hayatı, Eserleri ve Sanat Anlayışı)”, Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Türk Sanatı Anabilim Dalı Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, İstanbul, 2007. 211 s.

Yılmaz D. “Cumhuriyet’ten Günümüze Toplumsal Olayların Türk Resmine Yansıması ve Sanat Eğitiminde ki Yeri1, Selçuk Üniversitesi Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Konya, 2005.

Материал поступил в редакцию

Received

06.04.2021

Сведения об авторе / About the author

Aytaç Ahmet, Assist. Prof. Dr., Aydın Adnan Menderes University Faculty of Education, Department of Fine Arts Education, (Zafer, 09010 Efeler/Aydın, Türkiye)

cicimsumak@gmail.com

ORCID 0000-0001-5424-4607

Айтач Ахмет, ассистент профессора, доктор, Университет Айдын Аднан Мендерес Айдын, Педагогический факультет, Департамент художественного образования (Зафер, 090106 Эфелер, Айдын, Турция)

cicimsumak@gmail.com

ORCID 0000-0001-5424-4607

Новые материалы

«Обладатель сорока копий» в списке Дафтар-и Чингиз-наме: определение, значение, символ

У. М. Агатай

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан*

Аннотация

В статье рассматривается значение термина «обладатель сорока копий» («қырық сүзгілі»), в отдельном списке тюрко-татарской хроники конца XVII в. Дафтар-и Чингиз-наме. Кроме того, предпринята попытка идентификации некоторых персонажей из данного источника как «обладателя сорока копий Болат бахадура» и его сына «Бек бия» с реальными историческими личностями (беками, племенными вождями) эпохи золотоордынского хана Джанибека. В военной истории древних насельников Евразии и поздних средневековых тюрко-монгольских кочевых племён копья и пики были одним из основных видов оружия, ближнего боя и неоднократно в летописях отмечалась их важность. Помимо основного, функционального, боевого назначения, копья и пики в воинской культуре и традиции тюрко-монгольских кочевников Великой степи имели еще символическое значение. Копье как предмет вооружения, использовавшийся при таранной атаке и в ближнем бою, эволюционировало в символ государственности в виде штандартов, знамен, а обладание им приравнялось к статусу «главнокомандующего» или «крупного военачальника». В связи с этим, анализируя и учитывая непрерывную многовековую воинскую традицию степных кочевников, в статье предполагается, что словосочетание «обладатель сорока копий» («қырық сүзгілі») в Дафтар-и Чингиз-наме эквивалентно «командующему огромного войска». По нашему мнению, в данном источнике *копье-пика* представлено как абстрагированный текстовый символ, обозначающий «армию», «огромное войско», а ее обладатель является «главнокомандующим», «крупным военачальником».

Ключевые слова

Древние тюрки, Улус Джучи, копье, пика, беклербек, кунграты, гвардия, символ, воинская культура, воинская традиция.

Для цитирования

Агатай У.М. «Обладатель сорока копий» в списке Дафтар-и Чингиз-наме: определение, значение, символ // Universum Humanitarium. 2021. № 1. С. 92–114
DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-92-114

“The Holder of Forty Spears” in the list of Dāftār-i Čingiz-nāmā: definition meaning, symbol

O. M. Agatay

*L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

Abstract

The article explains the meaning of the term “*the Holder of Forty Spears*” (“қырық сүңзілі”) in a separate list of the Turko-Tatar Chronicles *Dāftār-i Čingiz-nāmā* at the end of the XVII century. Besides, a trial of identifying some characters was done from the mentioned source as “*the Holder of Forty Spears*” – Bolat bahadur” and his son “Bek bey” with real historical figures (*beks*, tribal chiefs) of the Golden Horde at the time of Janibek Khan. In the military history of the ancient settlers of Eurasia and late medieval Turko-Mongol nomadic tribes, spears and lances were one of the main types of weapons of the close combat and their importance was mentioned more than once in the writings. In addition to the basic, functional, combat assignment, spears and lances in the military culture and traditions of the Turko-Mongol nomads of the Great Steppe had a symbolic meaning. A spear, as a means of armament, used in a ram attack and a close combat, evolved into the symbol of statehood in the form of banners, flags, and possessing them equaled the status of “a commander-in-chief” or “a major warlord”. In this regard, by analyzing and taking into consideration continual several century-long military traditions of the steppe nomads, the article implies the word combination “*the Holder of Forty Spears*” (“қырық сүңзілі”) in *Dāftār-i Čingiz-nāmā* is equal to “Commander-in-Chief Army”, in other words, in our opinion, in this source *spear-lance* is represented as an abstracted textual symbol indicating “an army”, “a huge troop” and its Holder as “a commander-in-chief”, “major warlord”.

Keywords

Göktürks, Ulus of Joči, a spear, a lance, Qongrats, Beglerbegi, the guards, symbol, military culture, military tradition.

For citation

Agatay O. M. “The Holder of Forty Spears” in the list of Dāftār-i Čingiz-nāmā: definition meaning, symbol. *Universum Humanitarium*. 2021. No 1. P. 92–114
DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-92-114

Введение

В жизни древних кочевников Евразии оружие не только служило средством поражения и защиты, но и имело социокультурное значение. С развитием воинской культуры оружие наряду со своей основной функцией начинает выполнять символическую роль, а так-

же воспринимается как атрибут военно-политической инвеституры. В изобразительных источниках кочевники Центральной Азии, Алтая, хунну, сяньби применяли копья с бунчуками и знаменами. В китайских летописях отмечено, что у древних тюрков были знамена с наверхшим в виде золотой волчьей головы, поскольку волк считался тюркским тотемом [Бичурин, 1950. Т. 1. С. 221, 229].

На древнетюркских петроглифах Монголии, Алтая, Кара-Оюка, в Семиречье представлены рисунки различных вариантов знамен, крепившихся к древкам копий под наконечниками. Традиции символического использования определенных видов оружия были продолжены уйгурами, енисейскими кыргызами. Копья со знаменами и штандартами средневековые кочевники Центральной Азии использовали не только для церемоний, но и в качестве боевого оружия [Худяков, 2012. С. 23, 24]. По мнению казахского археолога З.С. Самашева, знамена являлись официальными инсигниями власти правителей, флаги и штандарты относились к военной аристократии, бунчуки – к воинам [Самашев, 1992. С. 174–177].

В истории тюрко-монгольских кочевых племён оружие таранной атаки – копья и пики были чуть ли не основным оружием ближнего боя. Исследователи неоднократно в своих работах отмечали их важность [Кушкumbaев, Бобров, 2010. С. 133–146]. Символическое значение копий сохранялось в культуре тюрко-монгольских кочевников в период образования Монгольской империи. Одним из символов государственности Чингиз-хана было «девятибунчужное» знамя *tuу – süilde*, которое особо охранялось гвардией *kebteüil* [Сокровенное сказание монголов, 1941. С. 173]. Древко ее представляло собой копье, к острию которого привязывались конские гривы длинными кистями [Банзаров, 1955. С. 274–275]. Вероятно, эта традиция существовала у казахов вплоть до этнографической современности. Так, на фотографии Н.Н. Нехорошева «Тай-казан в мавзолее Ахмада Йасави», снятой в 1871–1872 гг. вокруг большого бронзового котла – *тай-казана*, который находится внутри мавзолея ¹, расставлены 9 *байраков* (синоним *tuу – süilde*) с конскими гривами в виде копейного древка (жердь) [Резван, 2016. С. 249], см. рисунок.

Материалы и методы исследования

Непосредственным источником для нашей статьи стал фрагмент фольклоризированного историко-литературного памятника

¹ Мавзольей Ходжа Ахмада Ясави находится в г. Туркестан, областном центре Туркестанской области Республики Казахстан.

Тай-казан в мавзолее Ахмада Йасави. Стекланный негатив, 29,6 × 23,6 см, 1871–1872 гг. Фотоотдел научного архива Института истории материальной культуры РАН, № IV-579 [по: Резван, 2016]

Tai Kazan in the mausoleum of Ahmad Yasavi. Glass negative, 29,6 × 23,6 cm, 1871–1872. Photo Department of the Scientific archive of the Institute of the History of material culture of the Russian Academy of science, no. IV-579.

Дафтар-и Чингиз-наме – тюрко-татарской хроники конца XVII в.² Дополнительными источниками для настоящей статьи служат тексты в эпитафиях в честь тюркских каганов и полководцев, переведенные и транслитерированные на русский, английский, тюркские языки-первоисточники – *Сокровенное сказание монголов* второй половины XIII века, хроники и летописи средневековых арабских авторов, живших в XIV в.: Ибн-Баттута (*Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва-'аджа'иб ал-асфар*), Ибн Фадлаллах ал-Умари (*Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар*), Ибн Нәзир ал-Джаиш (*Таскиф ат та'риф б-и-л мусталах аш шариф*). Также для работы привлекался монгольский словарь *Муккадимат ал-Адаб* XV в., генеалогия хивинских ханов *Фирдаус аль-икбāl* первой половины XIX в., в качестве фольклорного источника использован героический эпос казахов ногайлинского цикла *Карасай-Казы*, а также статьи советских и новые труды современных казахских, русских, татарских и других историков и специалистов, касающиеся данной темы.

Метод исследования основан на семиотическом анализе текстов и артефактов. Любой предмет или явление представляет собой знаковую структуру. Знак есть совокупность означающего и означаемого, своего рода заменитель объекта, процесса, его смысловой-предметный представитель, носитель какой-либо информации. Слово становится знаком, только будучи включённым в сложную, определенную информационную систему. Поэтому слово «копье» или «пика» ещё не знаки, они превращаются в знаки, попадая в конкретный текст, становясь его частью, его смыслом. Общность между знаками как элементами текстовой структуры заключается не в самих словах (в нашем примере *копье* или *пика*. – У.А.), а в том, как они представлены в конкретном высказывании и вследствие чего какую роль в этом высказывании они выполняют [Семенов, 2016. С. 146, 147, 151]. Культуролог С.Я. Щеброва, исследуя *культуру войны* древних кочевников Алтая, пишет: «...культура рассматривается как “текст”, который можно “прочитать”, используя культурные контексты в качестве средств интерпретации знаков языка этой культуры. Кодами культуры являются знаки и символы, которые формируют культурные концепты и универсалии культуры. Семиотический подход позволил исследовать артефакты культуры древних кочевников Алтая как “тексты” культуры войны, раскрыть символический потенциал

² Хотя прежними исследователями было выяснено, что этот источник содержит мало исторически достоверных сведений, он сильно фольклоризирован, но М. Иванич утверждает, что в нем «сохранилось большое число опосредованной информации, которая не встречается в других источниках» [Иванич, 2002. С. 314].

образов искусства и выявить ориентированные на войну базовые ценности этой культуры» [Щеброва, 2010. С. 10, 11].

Результаты исследования

В одном списке *Дафтар-и Чингиз-наме* анонимный автор приводит 17³ племенных вождей⁴ времен Джанибек-хана (время правл. 1342–1357) Золотой Орды с указанием их родоплеменной принадлежности, а последнего выделяет особо *زرقي یلکنوس قرق تارکنوق* сына кунграта – обладателя сорока копий К.р.з Булат Бахадура⁵ Бек бий [Мустакимов, 2009. С. 123]. На современном казахском языке: *қоңырат қырық сүңгілі Қ.р.з. Болат баһадүрдің ұлы Бек би*.

Сам обладатель сорока копий Булат бахадур, а также его сын Бек бий еще точно не отождествлены с какими-либо личностями эпохи Джанибек-хана. Хотя многие перечисленные родовые князья бий являются реальными историческими лицами, но жили они в разное время. Как писали в свое время источниковеды, некоторые, отдельные части *Дафтар-и Чингиз-наме* бытовали среди народа в самостоятельном виде, что «является результатом позднейших «демонтажизаций» разными лицами, переписавшими лишь те главы, которые их больше интересовали» [Усманов, 1972. С. 124]. Возможно, мы никогда не узнаем точно, кто был описан в этом анахроничном списке под именами Булат бахадур как обладатель сорока копий и его сын Бек бий, ибо фиксация отдельных субъектов во фрагменте *Дафтара* скорее всего результат позднейших наслоений.

³ Как точно определил Д.М. Исхаков, согласно записям Ибн-Баттуты (1304–1377), эта цифра точно соответствует темникам-военачальникам времен Узбек-хана, которые собрались на праздник около местности Бишдаг на северном Кавказе [История Казахстана в арабских источниках, 2005. Т. I. С. 225; Исхаков, 2009. С. 34]. См. еще: [Селезнев, 2013. С. 221].

⁴ «Имена беков, бывших в эпоху хана Джанибека таковы: Мангытай, Буралдай (Бурулдай?), сын уйшина Исы Амет, алчин Алав, ак мангыт Т(и)м(у)р бий, э.н.дж. ли Кутлы-Буга, сиджут Али бий, сын кията Астая Джир Кутлы, сын Алачи бий Мамай кипчак (Алача углы би Мамай кипчак), ширин Урук-Тимур, аргын Кара-Ходжа, барын Сарай бий, буркут Алатай бий, м(а)ман (найман?) Аз.мат (Рз.мат?) бий, тама Уз.к-Чу, джалаир Б.т.р бий, сын кипчака М(и)нгала Т(и)м(у)р бий, сын кунграта – обладателя сорока копий (кырык сөңгеле) К.р.з Булат бахадура Бек бий» [Мустакимов, 2009. С. 123].

⁵ Г. Федоров-Давыдов утверждает, что уже в источниках рубежа XIII–XIV вв. термины *нойон* и *бахадур* превращаются в постоянные компоненты собственных имен монгольской знати [Федоров-Давыдов, 1973. С. 47].

Предыдущие исследователи пытались идентифицировать этих лиц и значение словосочетания *обладатель сорока копий* по-разному. Так, Д.М. Исхаков предполагает, что *қырық сүңгілі*, возможно, ответвление, подрод кунгратов [Исхаков, 2009. С. 44]. Далее, автор в вопросе идентификации указанного персонажа, ссылаясь на Y. Bregel, пишет об Агадай бахадуре из племени кунграт, который «якобы правил в «странах Булгар, Черкес и Казань», и его сыне Нангудае, который был *амыр*’ом *аль-умар* у Узбек-хана, отца Джанибек-хана. Но автор, к сожалению, ограничивается предположением, что клан кунгратов находился в «числе кланов Золотой Орды по меньшей мере с середины XIV в.» [Исхаков, 2009. С. 42, 43]. Ж.М. Сабитов высказал мнение, якобы «Сын Кунграта обладателя сорока копей К.р.з. Булат бахадур, Бек-бий», возможно, представляет в этом списке род *кырк*. Исследователь пришел к такому выводу, сравнивая *қырық сүңгілі* с прозвищем *мың садақлы* (тысяча стрел), которое, возможно, происходит из названия племени *минг* [Сабитов, 2014, С. 126, 128].

Вероятно, можно предположить, что данное выражение *обладатель сорока копий* *ىلكنوس قرق* эквивалентно а) главнокомандующему армии ~ *беклербеку*? или б) командующему ханской гвардии из племени кунграт, который имел привилегированный статус (возможно, родственник батуидам) в военно-политической структуре Улуса Джучи.

Из монгольского словаря *Муккадимат ал-Адаб* XV века мы видим, что в лексиконе армии чингизидских государств Средней Азии и, возможно, Великой степи копьа и пики занимали особое место. Так, в данном словаре (где каждому монгольскому слову дается тюркская альтернатива), копьа по-монгольски указаны словом *jida*, а по-тюркский *süngü*. Кроме этих терминов, словарь богат монгольскими и тюркскими словосочетаниями, где есть составные элементы этого длиннодревкового оружия. Например, по-тюркски «мужчина, вооруженный копьем» – *süngülik er*, «мужчина без копьа» – *süngüsiz er* [Поппе, 1938. С. 205]. Как предполагает А.Ж. Мухатаева, корневая глагольная морфема *сүң-* на древнетюркском языке первоначально имела значение «протыкать», «пробивать», «проникать», а формант *-gi* образует отглагольное имя, выражающее орудие, предмет, т.е. термин *сүңgi* означает «пробивающий, проникающий предмет» [Мухатаева, 2014. С. 55].

Действительно, если посмотреть Древнетюркский словарь, значения «пробиваться войском», «сражение» передается словами *sünüş*, *sünüşmäk*, «копье» представлено словами *sünü* ~ *sünüg*, «войско» – *sü*, «ударить копьем» – *sünülä*, «воевать», «ходить войском» – *sülä*

[Древнетюркский словарь, 1969. С. 516, 517]. Так, например, в памятке в честь тюркского полководца и принца Кюль-Тегина (ум. в 732) говорится: «ilg^ārū š^āntuŋ j^āzīqa t^āgi sūl^ād^īm t^ālujqa ki^īg t^āgm^ād^īm», что в переводе на русский язык означает «Вперед (на восток) я ходил с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря» [Аманжолов, 2003. С. 154, 160]. А «военный», «обладающий войском» на древнетюркском (древнеуйгурском) языке обозначались термином *sülüg*. Например, словосочетание *qalın sülüg uluy küčlüglar* переведено как «они имеют много войска и обладают великой силой» [Древнетюркский словарь, 1969. С. 517]. Еще один пример: на камне Элегест-I мы встречаем строки, речь тюркского кагана(?): «*Elim: uyurında: sü bolči: erlerim edükim yoq:*» [Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері, 2005. Т. II. С. 177] ⁶, которые на русском имеют значение: «Когда моя страна благоденствовала, воинам с пиками не отказывал» (перевод на рус. яз. автора. – У.А.), где *воины с пиками* эквивалентно «армия», «войско».

Анализируя генезис беклербекства в Золотой Орде, В.В. Трепавлов пишет: «...можно предполагать, что появление древнетюркских элементов политического устройства было проявлением возрождения “матричных”, домонгольских форм государственности, присущих данному региону Евразии» [Трепавлов, 2014. С. 23]. На основании вышеизложенных аналогий можно предположить, что в Улусе Джучи могли возродиться не только элементы политического устройства древних тюрков, но и отдельные элементы воинской культуры и традиции как неотъемлемой части общей военно-политической системы Тюркских каганатов.

Фактическим главнокомандующим в Золотой Орде при Узбеке, Джанибеке являлся *беклербек*, т. е. на беклербека возлагалась обязанность командования армией во время похода, он же считался и наместником хана. В арабских источниках термин *беклербек* фиксируется как *амір аль-умарā* – «эмир эмиров». По определению арабского хрониста Ибн-Фадлаллаха ал-Умари (ум. 1349 г.), беклербек единолично распоряжался в деле войсковом и являлся самым старшим из четырех улусных эмиров [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 186]. В сочинении Ибн Нәзир ал-Джаиша (1326–1384) мы видим, что египетские султаны в официальной переписке с ханами Золотой Орды обращаются к беклербеку ⁷ с такими эпитетами, как «вождь ратей»,

⁶ «Елім: бақытында: Сүнгілі болған: ерлерді итергенім жоқ:» – Н. Базылхан.

⁷ Указанный беклербек в сочинении Ибн Нәзир ал-Джаиша является Кутлубуга Инак, который в 1351 г. при хане Джанибеке занимал должность беклербека в Улусе Джучи.

«предводитель войск», «меч повелителя правоверных» и др., акцентируя внимание на военной составляющей его функций. Точно так же следом упомянутый беклербек и темник Золотой Орды Мамай (ум. 1380) имел такие же эпитеты, в отличие от других эмиров, везирей и других лиц [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 257–259].

Как мы предполагали выше, *обладатель сорока копий* в нашем списке, возможно, народное название (прозвище) «главнокомандующего армии» – беклербека. В Улусе Джучи должность беклербека начинает появляться в период правления Токты (время правл. 1291–1313) [Трепавлов, 2014. С. 22]. Одним из первых, кто занимал пост беклербека ко времени смерти Токты, в начале 1313 г., возможно, был Кутлуг-Тимур (ум. в 1335) из племени кунграт⁸. Беклербек выполнял еще административно-политическую функцию. Так, в хронике Ибн-Дукмака (ум. 1388) Кутлуг-Тимур фигурирует в качестве «правившего государством и устройством дел» хана Золотой Орды – Токты [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 242]. Ибн-Халдун (ум. 1406) тоже свидетельствует, что наместником Токты был Кутлуг-Тимур [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 274]. Сразу же после смерти Токты (1312) Кутлуг-Тимур вместе с Баялун-хатун (одна из жен Тогрулджи, отца Узбека) помогает Узбеку захватить власть в Сарае [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 242, 274]. Возможно, эта «служба» Кутлуг-Тимура имела на Узбека очень большое политическое влияние, который, кстати, был его двоюродным братом со стороны матери [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 235]. Хамдаллах Казвини сообщает, что «государство Узбека (*мамлакат-и узбеки*) держалось на Кутлуг-Тимуре» [История Казахстана..., 2006. Т. IV. С. 186].

В 1320 г. Кутлуг-Тимур в качестве главнокомандующего организует неудачный поход в Арран и Ширван⁹ (подконтрольный хулагуидам), вызванный сложными метеоусловиями. Вскоре после этой неудачной военной кампании в 1321 г. Узбек поручает Кутлуг-Тимуру отправиться в Хорезм (возможно, в качестве *улусбека*), а на пост *амір аль-умарā*, т.е. своим наместником, назначает Иса Куркуза (Исабека¹⁰), который был женат на его дочери Иткуджук [История Казахстана в арабских источниках, 2005. Т. I. С. 243, 245–247, 275]. Вполне возможно, *К.р.з.*¹¹ *Булат бахадур* кунграт как *обладатель сорока ко-*

⁸ Вопрос происхождения Кутлуг-Тимура специально рассмотрены Ж.М. Сабитовым и И.В. Зайцевым. Подробнее см.: [Сабитов, 2016. С. 587–588; Зайцев, 2016. С. 238–251]. О Кутлуг-Тимуре см. еще: [Селезнев, 2013. С. 221, 222].

⁹ Территория современного Азербайджана.

¹⁰ В. Юдин считает, что Исабек (Иса-гурген) – это Исатай Кыяй из клана кият, который играл ведущую роль при Узбек-хане [Юдин, 1992. С. 61].

¹¹ – *К.р.з.* – Хорезм? В пользу данного предположения можно привести тот факт,

ний в списке *Дафтара* занимает место именно этого реального исторического лица – Кутлуг-Тимур кунграта, который после должности беклербека занимал пост *улусбека* Хорезма [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 221, 233, 235].

Особый интерес для нашей статьи представляет история Хорезма и генеалогия хивинских ханов *Фирдаус аль-икбāl*, которая была написана Шир Мухаммед Мунисом и Мухаммед Риза Агахи в первой половине XIX в. Если в списке *Дафтар-и Чингиз-наме* действительно речь идет «об именах беков, бывших в эпоху хана Джанибека», то место *Бек бия – сына обладателя сорока копий*, по нашему мнению, принадлежит Харун Мирзе¹², который, согласно *Фирдаус аль-икбāl*, был старшим сыном Нангудай бия¹³, *амйра аль-умарā* у Джанибек-хана¹⁴. Далее, в данной генеалогии кунгратских правителей говорится, что положение Харун Мирзы «во времена Джанибек-хана было

что ханы Узбек и Джанибек сильно опирались на войско хорезмского тумена и вообще на сам Хорезм. Кроме того, Ургенч (Хорезм) был экономическим центром всего левого крыла Улуса Джучи. Даже более радикальный, чем предыдущие ханы, батуйд Бердибек-хан «самую мощную материальную и военную поддержку все годы своего правления получал от князей рода кунграт, база которых располагалась на востоке страны – в Хорезме» [Григорьев, 2004. С. 88, 162].

¹² В данном письменном источнике кунгратские князья фиксированы строго по определенным титулам. Например, отец Нангудая Агадай представлен *бахадуром*, сам Нангудай *бием*, а его сын Харун *мирзой* [Bregel, 1999. Р. 87–89]. И.Н. Березин пишет, что в последнее время существования Золотой Орды в состав высшего дворянства добавились *мурзы* (сыновья князей. – И.Н. Березин), которые позже становились *беками* [Березин, 1864. С. 435].

¹³ Нангудай бий (ум. в 1360/61) в источниках известен еще под именами *Мангудай*, *Нагатай*, *Нагдай*, *Тангдай*, *Бангудай*, *Янгудай*. В ярлыке Джанибек-хана венецианским купцам Азова от 1342 г. Нангудай упоминается первым в числе высшей золотоордынской знати (восемь князей – *baronum*) под именем *Nagadain*. А. П. Григорьев считает, что это связано с его высоким положением при дворе Джанибека в первый год его правления [Григорьев, Григорьев, 2002. С. 68, 70]. Возможно, в рассматриваемом нами списке *Дафтар-и Чингиз-наме* Нангудай также упомянут первым под именем *Манг(ы)тай* [Мустакимов, 2009. С. 123, 124]. Согласно *Фирдаус аль-икбāl*, Узбек-хан после смерти Токты назначил Нангудая на должность *амйр аль-умарā* [Bregel, 1982. Р. 369; Bregel, 1999. Р. 88]. Скорее всего Шир Мухаммед Мунис экстраполировал этот факт ко времени Узбека. Тем не менее, учитывая эти факты, мы склоняемся к мнению, что Нангудай, возможно, занимал пост беклербека (*амйр аль-умарā*) в первые годы правления Джанибека.

¹⁴ Шир Мухаммед Мунис пишет, что Харун Мирза был еще *амйром аль-умарā* при Узбек-хане и правил народом (улусом?), после того как его отец Нангудай отправился вместе с Сайид-ата в Хорезм [Bregel, 1982. Р. 372; Bregel, 1999. Р. 89]. Но как нам известно из источников, должность *амйра аль-умарā* делили при Узбек-хане Кутлуг-Тимур и Исабек (Иса Куркуз, Иса-гурген), а после их смерти, возможно, Могол-Буга. Но информацию относительно того, что Харунбек занимал пост *амйра аль-умарā*, кроме *Фирдаус аль-икбāl* не встречаем.

очень высоким; в 758 (1357) году Джанибек-хан, выступив в поход на Иран против Мелика Ашрафа, оставил его своим заместителем. Он был отличным воином и хорошо знал законы и правила (*yasaq va yosun*) военного искусства» [Bregel, 1982. Р. 372; Bregel, 1999. Р. 89]. Ибн-Баттута, побывавший во многих городах и регионах Золотой Орды и лично встречавший Узбек-хана, его сыновей, а также других высокопоставленных лиц, коротко упомянул о том, что Харунбек был сыном Кутлуг-Тимура, который был женат на дочери Узбека и Тайдуллы [История Казахстана..., 2005. Т. I. С. 235], а значит, и родственником Джанибека. Возможно, Харунбек и Харун Мирза одно и то же лицо. К сожалению, информацию об этой личности нигде кроме *Фирдаус аль-икбāl* и записей Ибн-Баттута мы не нашли. Поэтому историографическая идентификация данного персонажа в данное время представляется сложной.

В.В. Трепавлов констатирует, что «появление должности беклербека было одним из показателей развития Золотой Орды. Во-первых, развития административно-политического: в лице главного бека и его двора оформлялось специализированное военное ведомство государства. Во-вторых, развития социального: беклербек появился не ранее того времени, когда в Золотой Орде полностью сформировалось аристократическое сословие беков, которое требовало ранжирования и структурирования». Короче говоря, типологическое сходство между беклербеком Улуса Джучи и главным дружинником тюркских каганов позволяет видеть в институте беклербекства элемент древнетюркского наследия [Трепавлов, 2014. С. 21, 23].

Как подчеркивает специалист по военному делу Золотой Орды И.Л. Измаилов, «военная система была производной от сложившейся в империи Джучидов военно-административной системы. Основой ее служила иерархически организованная система владений татарских кланов¹⁵. Характерной чертой ее являлось переплетение военной и административной системы. Подобная военно-административная система была традиционной для тюрко-монгольской государственности» [Измаилов, 2011. С. 24, 25].

¹⁵ По мнению И.М. Миргалеева, клан кунгратов в военно-политической системе Золотой Орды до «Великой замятни» был самым влиятельным [Mirgaleev, 2017. Р. 347]. Вообще кунгратский клан был консортным для *борджигинов* [Bregel, 1982. Р. 362, 365], а также оставался им с самого начала образования Улуса Джучи [Togan, 2006. Р. 61; Тоган, 2001. С. 174], поэтому кунграты играли огромную роль в династийно-политической жизни ранних джучидов.

В XIV–XVI вв. на большей части степной территории бывшей Монгольской империи ударные копья и пики, предназначенные для ведения ближнего боя в конном строю, продолжали оставаться в основном оружием отборных панцирных воинов, в то время как легковооруженные степняки применяли их в бою эпизодически [Бобров, Шейхумеров, Сальников, 2018. С. 885]. Э. Сейдалиев пишет, что для войска Золотой Орды было характерно выделение военно-служивого сословия, которое в основном состояло из социальной элиты ордынского общества. Эта элита была представлена чингизидами-джучидами, «чуть ниже рангом стояли улусбеки и даруга-беки, ниже эмиры, командовавшие тысячами, сотнями и десятками, по отношению к которым также употреблялся титул бек. С выделением в отдельное сословие богатых воинов-всадников происходит не только социальная дифференциация, но и выделяются различные рода войск: появляются тяжеловооруженные латники и легкие конные лучники» [Сейдалиев, 2016. С. 265, 283]. Армия Золотой Орды, возможно, состояла в основном из легковооруженных всадников (легкие конные лучники), но элита, как правило, представляла собой латную кавалерию, на вооружении у которой было специальное бронебойное оружие ближнего боя (пики, шестоперы, клевцы и др.) и мощное защитное вооружение (куяки, байданы и т.д.) [Там же. С. 268].

Как мы предполагали выше, «*обладатель сорока копий*», возможно, еще является народным прозвищем командующего ханской гвардии, которая снабжалась копьями и пиками. Стоит отметить, что гвардии хана в армии Золотой Орды отводилось особое место. Важность функционирования гвардии у ханов Золотой Орды, вероятно, является наследием военных реформ первых монгольских ханов. Так, гвардия при дворе Чингиз-хана выполняла функцию охраны ставок хана и символов государственности, а в военное время представляла «Главный средний полк» (*yeke yol*) [Сокровенное сказание монголов, 1941. С. 173; Селезнев, 2009. С. 13]. Гвардия укомплектовывалась сыновьями нойонов, беков и других высокопоставленных лиц, поэтому она представляла собой элиту в военно-административной структуре Монгольской империи, а позднее и ее западной части – Улуса Джучи. Как правило, именно гвардия снабжалась копьями и пиками. Специалисты-археологи И.Л. Измаилов и Л.Ф. Недашковский, проанализировав коллекции предметов вооружения, собранных на территории города Укек ¹⁶, сделали вывод, что в арсенале золотоордынских

¹⁶ Средневековый город Укек являлся важным торговым, культурным центром Золотой Орды, который располагался в Нижнем Поволжье между Сараем и Булгаром.

регулярных войск и гвардейцев были копья и пики [Измаилов, Недашковский, 1993. С. 73, 78, 79].

Кроме эпитафии и письменных источников, о наличии копий у древних тюрков свидетельствуют и археологические находки, петроглифы [Борисенко и др., 2006. С. 80, 81]. Так, археолог, оружейвед Ю.С. Худяков пишет, что еще в эпоху Тюркских каганатов главным ударным оружием древнетюркских панцирных всадников в ближнем бою являлись копья с различными типами наконечников. Ударный костяк тюркской армии составляла панцирная каганская гвардия, называемая *фули* (китайское произношение древнетюркского *böri* (волк). – У.А.), которые набирались из рода Ашина¹⁷ и из других господствующих племен, которые также использовали в ближнем бою копья и пики [Худяков, 1986. С. 157, 160, 166]. Помимо прямого боевого назначения копья и пики использовались древними тюрками как символический военный атрибут в виде штандартов, знамен, что развилось как особая военная традиция у кочевых тюрко-монгольских политий поздних веков.

Словосочетание *сорок копий* встречается и в материалах позднесредневекового тюркского (ногайлинского) героического эпоса, но в другом контексте. Например, потомок Едиге, ногайский Карасай-батыр жалуется своему брату Кази¹⁸, что в бою с сефевидами-кызылбашами получил многочисленные раны и попал в окружение:

*В позвонок десять ран,
[А] на ребро сорок копий,
Всю ночь были [направлены]¹⁹.
[Перевод автора].*

Под *сорок копий* мы должны понимать «многочисленное войско», которое окружило Карасай-батыра.

¹⁷ Правящий род Тюркского каганата в VI–VIII вв.

¹⁸ Письменные источники подтверждают, что эпический батыр Кази идентифицируется с реальным историческим персонажем – малоногайским Гази-бием – сыном Урака (б. Алчагира б. Муса б. Ваккас б. Нуриддин б. Едиге). Но его родной брат Карасай в источниках упоминается редко, его можно идентифицировать с *Карашаем* или *Хорошаем*. В русских посольских актах есть письма, где зафиксирован ногайский Карашай-мурза. В.В. Трепавлов считает, что он брат Гази – первого бия Малой Ногайской Орды [Абткаримов, 2019. С. 41].

¹⁹ *Омыртқадан он жара,
Қабыртқадан қырық найза,
Түніменен тұрғанда* [Бабалар сөзі, 2007. Т. 41. С. 320].

Выводы

Эти данные и параллели позволяют предполагать, что словосочетание *обладатель сорока копий* (*қырық сүңгілі*) в *Дафтар-и Чингиз-наме* использовалось в просторечии для обозначения «главнокомандующего» или «главы ханской гвардии». Другими словами, *обладатель сорока копий* является текстовым символическим знаком в отношении субъекта военно-организационной структуры (иерархии) Улуса Джучи, помещавшимся на конкретном оружии и в основе которого скрыта традиционная ценность воинской культуры более древних насельников Великой степи, в нашем случае древних тюрок.

Касательно числительного *сорок* (*қырық*) в данном контексте, то оно употреблялось (употребляется и поныне) у многих тюркских народов как символическая, относительная величина, указывающая на «многочисленность» кого-либо, чего-либо и т.д. [Гордлевский, 1945. С. 144]. Например, каракалпакский народный эпос «Сорок девушек» («Қырық қыз»), *сорок шора* в кыргызском эпосе «Манас», *сорок нукеров* Богаш-Жиадана, *сорок воинов* Дерсехана в эпосе «Китабу-Коркут», *сорок батыров* в туркменской поэме «Короглу», героический эпос казахов ногайлинского цикла «Сорок крымских батыров» («Қырымның қырық батыры»), героическая поэма ногайцев «Сорок ногайских батыров» («Ноғайдың қырық батыры»), легендарные суфийские святые тюрок-мусульман в фольклоре «Ғайып ерен – Қырық шілтен» и др. [Абткаримов, Айтбаев, 2019.: С. 49].

Резюмируя, нужно отметить, что попытка определения словосочетания *обладатель сорока копий* и идентификация личностей в *Дафтар-и Чингиз-наме* вышеуказанными аналогиями и параллелями не исчерпывается, поэтому эта тема требует дальнейшего, всестороннего источниковедческого анализа. В заключение можно сказать, что предметы материальной культуры кочевников Евразии играли двоякую роль в их обществе: 1) служили практическим целям по прямому функциональному назначению; 2) в некоторых случаях, полифункционально, символически выступали как способ передачи информации. Другими словами, *копье* и *пика* выступают здесь как знак, некий материальный носитель (объект), представляющий некую информацию.

Список литературы

Абткаримов У.М. Ногайлинский героический эпос «Карасай-Казы» и лиро-эпос «Әділ-сұлтан»: историческая параллель на основе письменных источников // Вестник ЕНУ. Сер. История. 2019. № 2 (127). С. 34–46.

Абткаримов У.М., Айтбаев А.Б. Историография ногайлинского героического эпоса от казахских сказителей-жырау и акынов XIX в. – первой половины XX в. // Вестник ЕНУ. Сер. История. 2019. № 2 (127). С. 47–55.

Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 368 с.

Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры. Астана: Фолиант, 2007. Т. 41. 448 б.

Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1955. 376 с.

Березин И. Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева // Тр. Вост. отд-ния имп. археол. об-ва. СПб.: Имп. Акад. наук, 1864. Ч. 8. С. 387–494.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Академия наук СССР, 1950. Т. 1. 382 с.

Бобров Л.А., Шейхумеров А.А., Сальников А.В. Коллющее длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг. (по материалам письменных источников) // Былые годы. 2018. Т. 49. Вып. 3. С. 884–914.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Вооружение западных тюрок // Вестн. НГУ. Сер. История. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 70–86.

Гордлевский В.А. Числительное 50 в турецком языке (К вопросу о счёте в тюркских языках) // Изв. Академии наук СССР. Отд-ние лит. и яз. 1945. Т. IV. Вып. 3–4. С. 135–147.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2002. 276 с.

Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2004. 276 с.

Древнетюркский словарь. Л.: Ин-т языкозн. АН СССР ; Наука, 1969. 676 с.

Зайцев И.В. К истории золотоордынских кунгратов в Хорезме и в Крыму: эмир Нангутай // Тюркол. сб. 2013–2014. Памяти С.Г. Кляшторного. М.: Наука ; Вост. лит., 2016. С. 238–255.

Иванич М. «Дафтар-и Чингиз наме» как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 314–328.

Измаилов И.Л., Недашковский Л.Ф. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 72–86.

Измаилов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIV–XV в.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: Фолиант, 2011. С. 23–35.

История Казахстана в арабских источниках : Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Ч. 1: Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. 711 с.

История Казахстана в персидских источниках : Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Ч. 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. 620 с.

Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Ин-т им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 164 с.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: АН СССР, 1941. 619 с.

Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Оружие таранной атаки: золотоордынские копыя и пики XIII–XIV вв. // Вопр. истории и археологии Зап. Казахстана. Уральск, 2010. № 1. С. 133–146.

Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. Көне түрік бітік-тастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. II. 252 б.

Мустакимов И.А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ин-т им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. Вып. 1. С. 122–131.

Мухатаева А.Ж. Основные типы личного оружия батыра (по материалам казахского эпоса) // Междунар. журн. эксперим. образования. 2014. № 8. С. 53–56.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-Адаб. М.; Л.: АН СССР, 1938. Ч. I–III. 452 с.

Резван Е. Туркестан. Мой мир ислама: I. СПб. ; Алматы : КМБХ, 2016. 328 с.

Сабитов Ж.М. Эмиры Узбек-хана и Джанибек-хана // Золотоордынское обозр. 2014. №2(4). С. 120–134.

Сабитов Ж.М. Происхождение Кутлук-Тимура, эмира хана Узбека // Мол. ученый. 2016. № 1(105). С. 587–588.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата : Гылым, 1992. 288 с.

Сейдалиев Э. Военное дело Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 264–287.

Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 232 с.

Селезнев Ю.В. Темники Узбека (опыт статистических заметок) // Золотоордынская цивилизация. Казань: Фэн, 2013. № 6. С. 221–226.

Семенов А.Н. Семиотический анализ текста // Образование Югории. 2016. № 3 (41). С. 146–160.

Тоган И. Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. С. 146–187.

Трепавлов В.В. Беклербек в структуре монгольской и тюркской государственности // Золотоордынское обозр. 2014. № 2(4). С. 21–34.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Казан. ун-т, 1972. 220 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Моск. ун-т, 1973. 180 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 267 с.

Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. 192 с.

Худяков Ю.С. Копье и стрела как символы воинской и государственной власти у древних и средневековых номадов Центральной Азии // Вестн. Бурят. ун-та. 2012. № 7. С. 20–26.

Щеброва С.Я. Культура войны древних кочевников Алтая в скифское время: историко-типологический и семиотический анализ : Дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2010. 294 л.

Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии

и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи: Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 57–75.

Bregel Y. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis. *Asian and African Studies*. 1982, No. 3, Vol. 16, pp. 357–398.

Bregel Y. *Firdaws al-Iqbāl. History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi.* Leiden: Brill, 1999, pp. 718 p.

Mirgaleev I.M. Succession to the Throne in the Golden Horde: Replacement of the Batuids by the Tuqai-Timurids. *Golden Horde Review*. 2017, No. 2, Vol. 5, pp. 344–351.

Togan I. The Qongrat in History. In *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honour of John E. Woods.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2006, pp. 61–83.

References

Abtkarimov U.M. Nogaylinskiy geroicheskiy epos «Karasay-Kazi» i liro-epos «Ədil-syltan»: istoricheskaya parallel' na osnove pis'mennykh istochnikov [The Noghaic heroic epic “Karasai-Kazi” and the lyric epic “Adil-Sultan”: Historical parallels on the basis of the written sources]. *Vestnik ENU. Ser. Istoriya [Bulletin of ENU. Historical Sciences]*, 2019, No. 2(127), pp. 34–46. (In Russ.)

Abtkarimov U.M., Aytbaev A.B. Istoriografiya nogaylinskogo geroicheskogo eposa ot kazakhskikh skaziteley-zhyrau i akynov XIX v. – pervoy poloviny XX v. [The Historiography of the Noghaic heroic epic from Kazakh narrators-zhyraus and akyns of the 19th and first half of the 20th century]. *Vestnik ENU. Ser. Istoriya [Bulletin of ENU. Historical Sciences]*, 2019, No. 2(127), pp. 47–55. (In Russ.)

Amanzholov A.S. *Istoriya i teoriya drevnetyurkskogo pis'ma [Ancient Turkic Writing, its history and theory].* Almaty: Mektep, 2003. 368 p. (In Russ.)

Babalar sozi: Zhuz tomdyk. Batyrlar zhyry [“Babalar sozi”: One Hundred Volumes. Heroic epic]. Astana: Foliant, 2007. Vol. 41. 448 p. (In Kazakh)

Banzarov D. *Sobranie sochineniy [Collection Works].* Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. 376 p. (In Russian)

Berezin I. Ocherk" vnutrennyago ustroystva Ulusa Dzhuchieva [Essay on the Internal Structure of the Jochid Ulus]. *Trudy Vostochnago otdeleniya imperatorskago arkheologicheskago obshchestva [Proceedings of the Eastern Department of the Imperial Archaeological Society]*. St. Pe-

tersburg: The Imperial Academy of Sciences, 1864. Vol. 8. pp. 387–494. (In Russ.)

Bichurin N.Ya. Sbranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena [Collection of Information About Peoples that Lived in Middle Asia in Ancient Times]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. Vol. 1. 382 p. (In Russian)

Bobrov L.A., Sheykhumerov A.A., Sa'nikov A.V. Kolyushchee dlin-nodrevkovoe oruzhie krymskikh tatar i nogaev 1440–1650-kh gg. (po materialam pis'mennykh istochnikov) [Stabbing Long-Shafted Pole Weapons of the Crimean Tatars and Nogais in 1440s – 1650s. (According to the Written Sources)], Bylye Gody. 2018, Vol. 49. Iss. 3. pp. 884–914. (In Russian)

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Vooruzhenie zapadnykh tyurok [Armament of Western Turks]. Vestnik NGU. Ser. Istoriya [Bulletin of NSU. Series: History], 2006, Vol. 5. Iss. 3. pp. 70–86. (In Russ.)

Gordlevskiy V.A. Chislitel'noe 50 v turetskom yazyke (K voprosu o schete v tyurkskikh yazykakh) [Numeral 50 in Turkish language (To the Question of Account in Turkic Languages)]. Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka [Izvestia Academy of Sciences of the USSR. Branch of Literature and Language], 1945, Vol. 4. Iss. 3-4. pp. 135–147. (In Russ.)

Grigoriev A.P., Grigoriev V.P. Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoe issledovanie [Collection of the Golden Horde Documents of the XIV century from Venice (Source Study Research)]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2002. 276 p. (In Russ.)

Grigoriev A.P. Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov [A Collection of Khans yarlyks to Russian Metropolitans (The Analysis of Sources of the Golden Horde's Documents)]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2004. 276 p. (In Russ.)

Drevnetyurkskiy slovar' [Old Turkic Vocabulary]. Leningrad: Science, 1969. xxxviii + 677 p. (In Russ.)

Zaitsev I.V. K istorii zolotoordynskikh kungratov v Khorezme i v Krymu: emir Nangutay [On the History of the Golden Horde Kungrats in Chorasnia and in Crimea: Emir Nangutai]. Tyurkologicheskii sbornik 2013–2014. Pamyati S.G. Klyashtornogo [Turkological Collection 2013–2014. In Memory of S.G. Klyashtorny]. Moscow: Science; Oriental literature, 2016. pp. 238–255. (In Russ.)

Ivanic M. «Daftar-i Chingiz name» kak istochnik po istorii kochevykh obshchestv [“Dāftār-i Čīngiz-nāmā” as a Source on the History of Nomad-

ic Societies]. Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy). Ot Kalki do Astrakhani 1223–1556 [A Study of Sources on the History of the Jočid Ulus (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2002. pp. 314–328. (In Russ.)

Izmaylov I.L., Nedashkovskiy L.F. Nakhodki predmetov vooruzheniya s territorii zolotoordynskogo goroda Ukeka iz muzeev Kazani i Saratova [Finding Items of Armaments From the Territory of the Golden Horde City of Ukek From Museums of Kazan and Saratov]. Iz istorii Zolotoy Ordyy [From the History of the Golden Horde]. Kazan: Foundation M. Sultan Galiev's name; Association of Artists of Tatarstan, 1993. pp. 72–86. (In Russ.)

Izmaylov I.L. Voysko Ulusa Dzhuchi vo vtoroy polovine XIV–XV vv.: struktura komandovaniya, sposob komplektovaniya, chislennost' i roda voysk [The Army of the Ulus Juchi in the second half 13th – 14th centuries: the structure of command, the type of troops, recruitment and numbers of warriors]. Voennoe delo Zolotoy Ordyy: problemy i perspektivy izucheniya [Military science of the Golden Horde: Problems and Prospects of studying]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; M.A. Usmanov Centre of Research of the Golden Horde History, 2011. pp. 23–35. (In Russ.)

Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh, T. 1: Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy, Ch. 1: Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom [History of Kazakhstan in Arabic Sources, Vol. 1: Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde, Part 1: Excepts from Arabic Works Collected by V.G. Tizengauzen]. Almaty: Dayk-Press, 2005. 711 p. (In Russ.)

Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh, T. 4: Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym [History of Kazakhstan in Persian Sources, Vol. 4: Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde Collected by V.G. Tizengauzen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Almaty: Dayk-Press, 2006. 620 p. (In Russ.)

Iskhakov D.M. Istoricheskie ocherki [Historical Essays]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. 164 p. (In Russ.)

Kozin S.A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ. and Mongolian)

Kushkumbaev A.K., Bobrov L.A. Oruzhie tarannoy ataki: zolotoordynskie kop'ya i piki XIII–XIV vv. [Armaments of the Ramming Attacks: Golden Horde spears and peaks of the XIII–XIV centuries]. Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan]. Oral, 2010, No. 1. pp. 133–146. (In Russ.)

Kazakstan tarikhy turaly turki derektemeleri, T. 1: Kone turik bitiktastary men eskertkishteri. (Orkhon, Enisey, Talas) [Turkic Sources on the History of Kazakhstan, Vol. 1: Ancient Turk Steles and Sites. (Orkhon, Enisey, Talas)]. Almaty: Dayk-Press, 2005. 252 p. (In Kazakh)

Mustakimov I.A. Ob odnom spiske “Daftar-i Chingiz name” [About One Copy of “Däftär-i Čingiz-nämä”]. Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva [The Turkic-Tatar States of the Middle Ages]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009. Iss. 1. pp. 122–131. (In Russ.)

Mukhatayeva A.Zh. Osnovnye tipy lichnogo oruzhiya batyra (po materialam kazakhskogo eposa) [Main Types of Personal Weapons of Batyr (Based on the Information of Kazakh Epic)]. Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. Filologicheskie nauki [International Journal of Experimental Education. Philological Sciences], 2014, No. 8, pp. 53–56. (In Russ.y of Mukkadimat al-Adab. Parts 1–3.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1938. 566 p.

Rezvan E. Turkestan. Moy mir islama: I [Turkestan. My World of Islam: 1]. St. Petersburg; Almaty: KMBKh, 2016, 328 p. (In Russ.)

Sabitov Zh.M. Emiry Uzbek-khana i Dzhani-bek-khana [Emirs of Uzbek Khan and Janibek Khan]. Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review], 2014, No. 2(4), pp. 120–134. (In Russ.)

Sabitov Zh.M. Proiskhozhdenie Kutluk-Timura, emira khana Uzbeka [Origin of Kutluk-Timur, Emir of Uzbek Khan]. Molodoy uchenyy [Young Scientist], 2016, No. 1(105), pp. 587–588. (In Russ.)

Samashev Z.S. Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya [Rock Paintings of the Upper Irtysh']. Alma-Ata: Gylym, 1992, 288 p. (In Russ.)

Seydaliyev E. Voennoe delo Zolotoy Ordyy [Military Affairs of the Golden Horde]. Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 264–287. (In Russ.)

Seleznev Yu.V. Elita Zolotoy Ordyy [Elite of the Golden Horde]. Kazan: Fen, 2009, 232 p. (In Russ.)

Seleznev Yu.V. Temniki Uzbeka (opyt statisticheskikh zametok) [The Uzbek Khan's Commanders of Tümen (an essay on the statistical notes)].

Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Golden Horde Civilization]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, Iss. 6, pp. 221–226. (In Russ.)

Semenov A.N. Semioticheskiy analiz teksta [Semiotic Analysis of Text]. Obrazovanie Yugorii [Education of Yugoria], 2016, No. 3(41), pp. 146–160. (In Russ.)

Togan I. Dzhuchi khan i znachenie osady Khorezma kak simvol zakonnosti [Joči Khan and the Meaning of the Siege of Khwārazm as Symbols of Legality]. Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556 [A Study of Sources on the History of the Jočid Ulus (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001. pp. 146–187. (In Russ.)

Trepavlov V.V. Beklerbek v strukture mongol'skoy i tyurkskoy gosudarstvennosti [Beglerbegi in the Structure of the Mongol and Turkic State System]. Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review], 2014, No. 2(4), pp. 21–34. (In Russ.)

Usmanov M.A. Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII v.v. [Tatar Historical Sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, Kazan University, 1972, 220 p. (In Russian)

Fedorov-Davydov G.A. Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy [Social Organization of the Golden Horde]. Moscow: Moscow State University, 1973, 180 p. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Arms of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1986, 268 p. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. Zolotaya volch'ya golova na boevykh znamenakh: Oruzhie i voyny drevnikh tyurok v stepyakh Evrazii [The Golden Wolf Head On Battle Standards: Weaponry and Wars of the Ancient Turks]. St. Petersburg: Petersburg oriental studies, 2007, 192 p. (In Russ.)

Khudyakov Yu.S. Kopë i strela kak simvol voinskoy i gosudarstvennoy vlasti u drevnikh i srednevekovykh nomadov Tsentral'noy Azii [A Spear and an Arrow As Symbols of Military and State Power in Ancient and Medieval Nomads of Central Asia]. Vestnik Buryatskogo universiteta [Bulletin of the Buryat University], 2012, No. 7. pp. 20–26. (In Russ.)

Shchebrova S.Ya. Kul'tura voyny drevnikh kochevnikov Altaya v skifskoe vremya: istoriko-tipologicheskiy i semioticheskiy analiz [The War Culture of the Altai Ancient Nomads in the Scythian Time: Historical-Typological and Semiotic Analysis] (PhD thesis). Saint Petersburg, 2010, 294 p. (In Russ.)

Yudin V.P. Perekhod vlasti k plemennym biyam i neizvestnoy dinastii Tuktimuridov v Kazakhskikh stepyakh v XIV v. (k probleme vostochnykh pis'mennykh istochnikov, stepnoy ustnoy istoriografii i predystorii Kazakhskogo khanstva) [The Transfer of Power to the Tribal biys and the Unknown Tuka-Timurid Dynasty in the Kazakh Steppes in the 14th century (To the Problem of Oriental Written Sources, Steppe Oral Historiography and the Prehistory of the Kazakh Khanate)]. Ötämiš Hājī. Čingiz-nāme. Alma-Ata: Gylym, 1992, pp. 57–75. (In Russ.)

Bregel Y. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis. Asian and African Studies. 1982, No. 3, Vol. 16, pp. 357–398. (In Eng.)

Bregel Y. Firdaws al-Iqbāl. History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Leiden: Brill, 1999. pp. 718 p. (In Eng.)

Mirgaleev I.M. Succession to the Throne in the Golden Horde: Replacement of the Batuids by the Tuqai-Timurids. Golden Horde Review. 2017, No. 2, Vol. 5, pp. 344–351. (In Eng.)

Togan I. The Qongrat in History. In History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East: Studies in Honour of John E. Woods. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2006, pp. 61–83. (In Eng.)

Материал поступил в редакцию

Received

19.04.2021

Информация об авторе / About the authors

Агатай Уткирбай Мылтыкбаевич, докторант кафедры археологии и этнологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, г. Нур-Султан, Казахстан, 010008

e-mail: agatayotkirbay@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8840-010

Agatay Otkirbay Myltykbaevich, Ph.D student of the Department of Archaeology and Ethnology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2, Satpayev Str., Nur-Sultan, Kazakhstan, 010008

E-mail: agatayotkirbay@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8840-010X

Персоналии

Юлий Геккер: Жизнь мыслителя и педагога, оборванная в годы сталинских чисток

Т. К. Чоротегин (Чороев), О. Алымкожоев

*Кыргызский национальный университет имени Жусуна Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан*

Аннотация

Данная статья посвящена жизни и деятельности философа Юлиа (Юлиуса) Геккера, немца по происхождению, ученого и общественного деятеля, который внес свой вклад в становление Советской России. Он привлекал в страну иностранную гуманитарную помощь и помогал реформировать систему образования. В конце концов он был уничтожен сталинским режимом как «шпион империалистов и враг народа», а большинство членов его семьи были несправедливо репрессированы. Профессор Ю. Геккер был реабилитирован только 18 апреля 1957 г. посмертно. Он был дедушкой со стороны матери выдающегося русского археолога и кыргызоведа профессора Юлиа Сергеевича Худякова, которого в его честь называли Юлием.

Ключевые слова

Юлий Геккер, сталинизм, Советская Россия, США, репрессии, российская философия, историография.

Для цитирования

Чоротегин (Чороев) Т. К., Алымкожоев О. Юлий Геккер: Жизнь мыслителя и педагога, оборванная в годы сталинских чисток // *Universum Humanitarium*. 2021. № 1. С. 116–132
DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-116-132

Julius Hecker: The Life of a Thinker and Teacher, Cut Short During the "Stalinist Purge"

T. K. Chorotegin (Tchoroev), O. Aлымkozhojev

*Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University,
Bishkek, Kyrgyzstan*

Abstract

This article is devoted to the life and work of the ethnic German philosopher Julius Hecker, the scholar and public figure who contributed to Soviet Russia by attracting the humanitarian aid and helping to reform the educational system. Eventually, he

was murdered by the Stalinist regime as «the imperialists' spy and people's enemy» and most of his family members were also unjustly repressed. Professor J. Hecker was rehabilitated on April 18, 1957, posthumously. He was a grandfather of an outstanding Russian archaeologist and Kyrgyz study scholar, Professor Yuli Sergeevich Khudiakov, who was named as «Yuliy» after him.

Keywords

Julius Wilhelm Hecker, Stalinism, Soviet Russia, USA, repression, Russian philosophy, historiography.

For citation

Chorotegin (Tchoroev) T. K., O. Alymkozhoev O. Julius Hecker: The Life of a Thinker and Teacher, Cut Short During the "Stalinist Purge". Universum Humanitarium. 2021. No 1. P. 116–132

DOI 10.25205/2499-9997-2021-1-116-132

Благодарность

Предваряя статью, приносим огромную благодарность потомкам профессора Юлия Геккера за неустанные публикации фотографий и других биографических данных о нём и других членах его семьи в социальных сетях в Интернете. Особенно это касается Алисы Борисенко (в девичестве – Худяковой) и Ирмы Слепневой. Нам также помогли публикации иркутских музееведов-энтузиастов. Мы также благодарим профессора Юлия Сергеевича Худякова за наиважнейшую устную информацию о своих предках.

В постсоветское время историографические школы большинства стран бывшего СССР получили огромное преимущество в связи со сменой идеологии. Многие исторические личности, которые подпали под искусственное «забвение», стали теперь объектом специальных научных исследований.

Предваряя статью, мы должны заметить, что пришли к теме настоящей работы, когда стали изучать биографические аспекты жизни и деятельности выдающегося русского археолога и кыргызоведа современности доктора исторических наук, профессора Юлия Сергеевича Худякова. Он является известным специалистом в области оружиеведения, кыргызоведения, военной и этнокультурной истории древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии [Худяков, 1982; 1986; 1991; 1995; 2003; 2004; 2017 и др.]. Профессор Ю.С. Худяков также является почетным профессором Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына и обладателем ряда наград и премий Кыргызстана [Чоротегин,

2017; Алымкожоев, 2013; и др.]. Кыргызские археологи кандидаты исторических наук Кубатбек Табалдиев и Ороз Солтобаев являются его учениками. Однако об истории его семьи мало кто знает. В данной работе представлены материалы о его дедушке, отце Ирмы Юльевны Худяковой (в девичестве – Ирмгардт Амалии Геккер, нем. *Irmhardt Amalia Hecker*), матери Юлия Сергеевича Худякова.

Ее отец Юлий Фёдорович Геккер (1881–1938) был доктором философии, американским и русским профессором немецкого происхождения. Он родился в российской империи, в начале XX в. эмигрировал, а позже вернулся уже в Советскую Россию (РСФСР). Его полное имя, данное при рождении, *Julius Friedrich Wilhelm Hecker*.

Предки Юлия Геккера переехали в Россию из Западной Европы во времена Петра Первого вместе с голландскими и немецкими судостроителями. Отец Юлия – Теодор Геккер (*Theodor Hecker*), мать – Августа Луиза Шелонг (*Schelong*). У Юлия были еще старшие сестры София и Ольга [Чоротегин, 2017.]

В конце XIX в. молодой Юлий Геккер принимает участие в рабочем движении Санкт-Петербурга. Избегая ареста, в 1902 г. он покидает страну и переезжает в Соединенные Штаты Америки.

Сотрудник немецкой методистской церкви в Нью-Йорке священник Грюневальд помог ему найти работу. Талантливый Юлий не только совершенствует свой немецкий, он также прекрасно овладевает английским [Андреева, 2007. С. 129].

Накануне Первой Русской революции в США перебираются также сестры Юлия – София и Ольга. К счастью, они сразу же начали работать и могли помогать брату. Завершив учебу в Уоллес-колледже, при их финансовой поддержке Юлий становится студентом Колумбийского университета [Чоротегин, 2017].

Как-то молодой Юлий Геккер дал интервью нью-йоркской газете «Сан» (*Sun*), и статья о нём была перепечатана в мае 1914 г. в газете «Литературное обозрение» под названием «Святое писание для революционеров»: «На вопрос журналиста, почему бы ему не оставить христианство и не преподавать социологию, Геккер ответил: «Социология не может заменить религию, она, скорее, объясняет и оправдывает ее. Скоро наступит день психологической и социальной революции. Народам нужны лидеры, эти лидеры должны иметь еще что-то, помимо науки, они должны быть людьми проницательными, они должны сердцем и душой верить в принципы какой-то формы обновления, они должны быть пророками в полном смысле этого слова». [<https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83030272/1914-05-17/ed-1/seq-34/>, дата обращения 20.05.2021].

Как вспоминает Марселла Геккер, в ее отце было редкое сочетание философа и общественного деятеля. Он много пишет и печатается и также активно участвует в работе филантропического Христианского Союза Молодых Людей (YMCA). Эта организация имела широкий диапазон общественно-просветительской деятельности.

Тогда же в Колумбийский университет поступила красивая девушка по имени Елизавета Шарлотта Юнкер (Elizabeth Charlotte Junker), с которой Ю. Геккер познакомился еще в колледже и которая позже станет его супругой. Ее предки со стороны отца были из Германии и Австрии, а предки со стороны матери принадлежали одной из старых французских аристократических фамилий. Елизавета, дочь немецкого методистского священника, родилась в 1888 г. во Франкфурте-на-Майне в Германии. Ранее Елизавета Юнкер обучалась в German Wallace College, расположенном недалеко от Кливленда, который Юлий Геккер окончил в 1910 г. [<https://memoirs.memo.ru/memoir/show/id/611> дата обращения 13.05.2021]. В 1912 году они едут в Германию к родителям невесты, и там ее отец венчает молодых в своей церкви. [<https://memoirs.memo.ru/memoir/show/id/611> дата обращения 13.05.2021; Андреева, 2007. С. 130].

В следующем году у них появился первенец – дочь Алиса Геккер (29.07.1913– 24.01.1982), а через полтора года родилась вторая дочь, Марселла Геккер (25.02.1915–30.01.2010).

Юлий Геккер в 1913 г. в США защитил докторскую диссертацию, переработанную позже в книгу «Русская социология» [Hecker, 1915; Андреева, 2007. С. 130]. Часть II и III работы содержат анализ основных российских социологических школ и теорий, которые сложились к этому времени в российской социологии.

Интересно обобщение Ю.Ф. Геккера о взглядах Герцена: «Герцен, как и некоторые из славянофилов, не видел решения существующих социальных проблем в политических революциях или в парламентаризме. Он хотел социальной, а не политической революции». О российском марксисте Плеханове он пишет: «Плеханов вслед за Марксом трансформировал идеализм Гегеля в материализм» [Геккер, 1915].

Геккер возлагает надежду на развитие социологической мысли в России: «Социология как академическая наука находится на начальной ступени развития в России. Это, безусловно, не означает того, что социология не преподаётся в России. Наоборот, социология была и остаётся очень популярной в среде прогрессивной русской интеллигенции. Российские реформаторы надеялись с помощью социологии найти решение наиболее острых экономических, социальных

и политических проблем, и потому внимательно следили за её развитием» [Оганян, 2014; 2017].

Научным наставником Геккера был профессор Франклин Генри Гиддингс (Franklin Henry Giddings (1855–1931), который в 1910–1911 гг. был президентом Американского общества социологов [Hill, 2005. P. 225].

В 1915 г. диссертация Геккера была опубликована издательством Колумбийского университета на английском языке [Hecker, 1915]. В 1934 г. она была переработана и издана в Лондоне [Hecker, 1934; Laird, 1935. P. 247–248].

Одним из важных положений в его диссертации была идея о том, что стержень коммунистических идей был унаследован от ранних христианских идей равенства людей.

Весьма интересно, что Ю.Ф. Геккер упоминает фамилию «Ленин» только в одном месте, причем в примечании под страницей вместе с фамилией Ульянов (оба без инициалов). Трудно понять, знал ли Геккер, что Ленин и Ульянов – одно и то же лицо. [Hecker, 1915. P. 205, note 2].

Будучи в Чикаго, 28 августа 1916 г. Елизавета Шарлотта родила их третью дочь – Ирму (28.8.1916–02.04.2002), а 3 марта 1918 г. – четвертую дочь Ольгу.

В 1916–19 гг. Ю.Ф. Геккер работал в Австрии среди российских военнопленных в качестве сотрудника благотворительной христианской миссии. Он стал свидетелем того, как русские военнопленные с великой радостью встретили падение царского режима в марте (по старому юлианскому календарю в России – в феврале) 1917 г. Сохранились фрагменты его переписки на разных языках (он был полиглотом) [Steuer, 2009. Appendix 12a].

Когда США стали союзниками Антанты в Первой мировой войне, американские граждане вынуждены были покинуть Австрию. Ю.Ф. Геккер перебирается в соседнюю Швейцарию, где работает в качестве редактора одного издания.

В сентябре 1919 г. Ю.Ф. Геккер едет в Нью-Йорк на конференцию, организованную сочувствующими Стране Советов американцами. Там он знакомится с представителем Советской миссии в США Людвигом Мартенсом.

В США Ю.Ф. Геккер печатает статьи, доказывая, что Советы ждет светлое будущее, и рано или поздно по этому пути пойдет Америка. В результате его вызывают в комитет при Белом Доме в Вашингтоне [Андреева, 2007. С. 130], и он отвергает обвинения в антиамерикан-

ской политике, подчеркивая, что убеждения, в его случае вера в социализм и новую Россию, не есть нарушение закона.

Он вернулся в Швейцарию, но незадолго до наступления нового 1920 г. в швейцарскую квартиру семьи Геккер являются трое в штатском и увозят главу семьи в США. Рождество в семье прошло без отца. Год этот был для родителей несчастливым – заболела полиомиелитом старшая девочка Алиса, лечение не помогло, и ноги у нее на всю жизнь остались парализованными [<https://memoirs.memo.ru/memoir/show/id/611> дата обращения 13.05.2021].

Христианский философ с левыми взглядами, Ю.Ф. Геккер стал тесно сотрудничать в Нью-Йорке с “Бюро советского представительства”. В одной из своих публикаций он пишет, что совершенно нелепо было бы пугаться Советской России. В конце концов он добровольно отказывается от американского гражданства, а осенью 1921 г. возвращается в Россию, где пробыл до февраля 1922 г. В это время он ездил по Поволжью, распределяя гуманитарную помощь. Вернувшись в Москву, он повторно встречается с Луначарским и предлагает объявить в Америке индивидуальную помощь среди американцев, желающих взять на своё иждивение детей. Народный комиссар по просвещению одобрил и принял американские предложения. В 1922 г. Геккер возвращается в Германию, где 27.02.1922 г. у него родилась самая младшая — пятая — дочь Вера. В августе 1922 года Ю. Геккер, по просьбе А.В. Луначарского поставить дело заочного образования для подготовки новых советских кадров, с женой и пятью детьми переезжает в Москву. С 1925 г. Ю. Геккер – гражданин СССР.

Ю.Ф. Геккер стал помогать Советской России в качестве преподавателя, развивать коммунистические образовательные курсы (в рамках НЭП).

О нем как ученом-романтике пишет Мария Булгакова, чья семья была в те годы была знакома с семьей Геккер. «Какой же все-таки притягательной силой обладала Новая Россия, чтобы можно было решиться на такой шаг! Четверо девчушек, мал мала меньше, пятая Верочка родилась по дороге, у родственников в Гамбурге (sic! – Т.Ч., О.А.), жена без знания языка, без представления, как устроится на новом месте жизнь такой большой семьи, и все же сорвались с обжитого, вполне благополучного места и отправились в полную неизвестность. Какое время! Какие люди!»

В Москве у Юлия Федоровича сходу началась бурная деятельность, а его семья жила сначала в приличной отдельной квартире. Потом к ним начали подселять, уплотнять, и квартира стала коммунальной.

В конце концов семья очутилась в крошечной комнатке при кухне. Отцу семейства стало ясно, что надо срочно действовать.

Ю.Ф. Геккер помогал налаживать заочные курсы стенографии, машинисток, секретарей, изучения языков и занимался многими другими делами не только в Москве. В разъездах по центральным областям ему встречалось много оставленных из-за событий гражданской войны помещичьих домов-срубов, в которых никто не жил. Как человек практичный, он предложил властям столицы их разобрать, бревна перенумеровать и собрать на окраине Москвы. Сруб для своей большой семьи Юлий Федорович поставил не в Москве, а в поселке Клязьма.

Дом до сих пор стоит в целости и сохранности, добротный, красивый, уютный, столько повидавший на своем веку!

Геккеры, попав из благополучной Америки в совершенно другой мир, не растерялись, не рвались назад, не жаловались, а довольно быстро освоились, вжились в новые условия. Супруги любили друг друга, жена во всем доверяла и полагалась на мужа, все, что он делал, было для нее правильным, неоспоримым.

Сама она была безупречной матерью, жившей интересами детей. Она обучала их музыке, языкам, манерам, учила хозяйничать, убирать, мыть, шить, вязать, стирать, гладить, работать на огороде, помогать друг другу и особенно старшей Алисе, переболевшей в детстве полиомиелитом и оставшейся на всю жизнь инвалидом». [Булгакова, 2010].

Ю.Ф. Геккер написал семь книг на английском языке (включая свою диссертацию и позже её переработку в книгу), а также ряд брошюр на русском языке.

В СССР он печатался в журналах «Большевик» и «Фронт науки и техники». Вёл переписку с Бернардом Шоу и Рабиндранатом Тагором.

Его первый и второй (короткие) аресты произошли в период между 1927 и серединой 1928 гг. (он был освобождён по ходатайствам Чичерина и Мартенса) [Геккер, <https://ru.nrme.net/detail37792108.html> дата обращения 14.06.2021].

В науке Ю.Ф. Геккер стал известен как русский и американский философ, социолог и теолог, ученик Франклина Гиддингса. Ярым критиком его философских взглядов был религиозный мыслитель, бывший сторонник марксизма, представитель русского экзистенциализма и персонализма Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

В частности, Бердяев писал: «Все, что Гекер (sic! – Т.Ч.) говорит о христианстве, свидетельствует о том, что он совсем не видит и не понимает духовной и мистической стороны христианства. И церковь

для него исключительно есть явление социальное, определяемое средой и зараженное всеми болезнями господствующих в истории классов. Духовной стороны церкви он неспособен увидеть. Религию он выводит из страха, который потом сублимируется, он ее объясняет исключительно социологически. Геккер считает несомненным, что человек происходит от обезьянообразного предка, т. е. имеет животное происхождение. ...Он считает меня сторонником феодальной аристократии, что почти смешно.

Сторонника феодальной аристократии в нашу эпоху нужно было бы признать сумасшедшим. В действительности я являюсь сторонником бесклассового общества, т. е. в этом отношении я наиболее близок к коммунизму. Но при этом же я являюсь сторонником аристократического начала как качественного начала в человеческом обществе, именно личного, а не классового или сословного качественного начала, т.е. сторонником духовного аристократизма» [Бердяев, 1955].

Дочери семьи Геккер выросли в СССР в эпоху сталинизма. Ирма Геккер вместе с четырьмя сестрами жила и училась в Москве, а затем и в Клязьме.

Алиса Геккер хотела стать историком, Марселла стала заниматься иностранными языками, Ольга и Вера интересовались музыкой [Вера Геккер, [https://ru.openlist.wiki/Геккер_Вера_Юльевна_\(1922\)](https://ru.openlist.wiki/Геккер_Вера_Юльевна_(1922)) дата обращения 14.06.2021], Ирма же хотела стать художницей [Чоротегин, 2017].

Но в их семейные планы вмешались события 1935–1941 гг., связанные со сталинским «очищением от враждебных элементов в условиях ужесточения классовой борьбы при явных успехах социализма».

Ю.Ф. Геккер побывал в Великобритании и США в 1934–1935 гг., поездка длилась почти полгода. В начале февраля 1935 г. Юлий Геккер вернулся в Москву, где уже развернулась первая волна террора после убийства Кирова в декабре 1934 г. Исторический факультет МГУ отказался от прежних договоренностей о сотрудничестве. Профессор Ю.Ф. Геккер смог поработать лишь в «Интуристе», так как в столицу СССР прибывали зарубежные туристы. А зимой 1937–1938 гг. ему грубо отказали от поездки в США [Билик, 2009].

Шестнадцатого февраля 1938 г. он был арестован «как враг народа» и «шпион в пользу американского империализма».

Краткая справка гласит: «Подписан к репрессии по первой категории (расстрел) в списке «Москва-центр» от 19 апреля 1938 на 327 чел., № 61, по представлению нач. 8-го отдела ГУГБ НКВД И.И. Шапиро. Подписи: Сталин, Молотов, Каганович, Жданов. Приговорен ВКВС

СССР 27 апреля 1938 по обв. в шпионаже. Расстрелян и похоронен на «Коммунарке» (Моск. обл.) 27 апреля 1938...» [<http://old.ihst.ru/projects/sohist/repress/professor.htm> , дата обращения 21.05.2021].

Его дочь Ирма вспоминала об аресте отца в начале 1938 г. (по документам выше – Геккер был арестован 16 февраля 1938 года, но в воспоминаниях Ирма Геккер-Худякова говорит о марте. – Т.Ч., О.А.):

«В марте однажды утром приехала мама, села в комнате и тихо сказала: «Сегодня ночью арестовали папу. Был большой обыск, увезли много бумаг и писем из архива.

В апреле у мамы первый раз приняли передачу для отца – 50 рублей. Каждый день до глубокой ночи она сидела и писала прошения, потом увозила их в НКВД. Все бесполезно. В доме все уже спали, когда послышался резкий стук в дверь, это были два сотрудника НКВД с ордером на обыск и арест мамы. Перевернув все в комнатах, чекисты приказали маме одеваться, после чего скомандовали: «Выходите!» Я пошла за ними. На нижних ступеньках мама остановилась, оглянулась, не понимая, что происходит. Она как-то вся сгорбилась, стала маленькой и незащищенной. Так и шагнула в темноту. Было слышно, как на улице заработал мотор машины, как эти звуки уходили все дальше и дальше и, наконец, наступила тишина. Вся природа затаилась, ожидая, когда уедет «черный ворон».

Через неделю после ареста мамы я подошла к секретарю комсомольской организации Коле Сергееву и подробно рассказала о случившемся. Комсорг резко принял дистанцию, посуровел, заговорил сухо, жестко и очень официально. Вскоре меня вызвали на общее комсомольское собрание и предложили при всех признать отца врагом народа. Я возразила. – «Тогда мы исключим тебя из комсомола. Кто – за?»

В тишине первым руку поднял Ваня Амиян, член бюро. За ним еще кто-то, еще, еще... Секретарь громко подвел итог: «Единогласно!»

Комсоргу Коле Сергееву позже судьба отвела особую роль в жизни Ирмы Юльевны. Их пути пересекутся на этапе в ГУЛАГе» [Василькова, http://irkipedia.ru/content/hudyakova_gekker_irma_yulevna дата обращения 14.06.2021].

Потомки Ю.Ф. Геккера лишь позднее узнали, что он был расстрелян 28 апреля 1938 года. Вероятно, в результате физического и психологического давления он признал себя «американским шпионом» [Cullison, 1997]. Его фамилия среди тех, кто был расстрелян и похоронен в массовом захоронении «Коммунарка» на окраине Москвы.

Профессор Ю.Ф. Геккер был реабилитирован посмертно 18 апреля 1957 г. Его жена, Елизавета Шарлотта Павловна (Елизавета Павловна),

также попала в ГУЛаг 5 апреля 1938 года как «жена предателя Родины» и провела в сталинских застенках много лет (из них 8 лет – в тюрьме) [Геккер, Алиса; Геккер, Вера; Геккер, Елизавета, Геккер, Ирма; Геккер, Юлий, <http://old.memo.ru/history/arkiv/op1017.htm#op1-1018> дата обращения 14.06.2021].

Трое дочерей профессора Юлия Геккера – Алиса, Ирма и Вера – попали в ГУЛаг в сентябре-октябре 1941 г. без суда и следствия. Их «вина» была очевидной – они были немками, дочерьми «врага народа» и «шпиона».

Другие дочери – Ольга и Марселла – чудом спаслись от ГУЛага. «Чекисты» не смогли найти Ольгу ввиду того, что она была студенткой, и ее документы оказались в другом месте проживания. Марселлу спасло то, что она была замужем за воином Красной Армии и была беременной при аресте. Видимо, следователь на Лубянке сжалился над ней и порвал единственный документ, который связал ее с «врагом народа», т.е. с отцом [Геккер В.Ю., 2015].

Историк А.Ю. Ватлин поделился следующей информацией: «Пять сестер Геккер проживали на подмосковной даче в поселке Клязьма, их родители были репрессированы в 1938 г. Молодость брала свое – на даче было всегда полно людей, там собиралась творческая молодежь, музыканты и художники, приезжал известный пианист Святослав Рихтер. Музыка и веселье, очевидно, раздражали соседей – так появился донос, что 22 июня сестры устроили вечеринку. Сотрудники НКВД появились на Клязьме с ордерами на арест всех пятерых девушек. Старшей, Алисе, было 28, младшей, Вере – 19. Увезли троих – Алису, Веру, Ирму. У Марселлы на руках был грудной ребенок, поэтому вскоре после ареста ее отпустили, избавив себя от лишних хлопот. А студентка Ольга была в Москве, один из оперативников отправился туда, но по каким-то причинам ее не нашел.

Самый страшный пункт обвинения – исполнение фашистского гимна в ходе вечеринки – отпал, ибо то, как звучит этот гимн, не знали ни соседи, ни сестры, ни сами сотрудники НКВД. Весьма туманными были и свидетельства соседей: на «немецкой даче ни разу не исполняли произведения советских композиторов», звучала только классика. Девушки признали, что сели за фортепиано, поскольку находились в расстроенных чувствах. Признали и свои разговоры о том, что «германская армия сильна и богата техникой, что газеты советские не все сообщают, что есть на самом деле» (Ирма Геккер). Столь скудный итог дознания плюс «женская скидка» привели к тому, что все трое получили по минимуму – по 5 лет лагерей» [Ватлин, 2012. С. 194–195; 285].

О деталях своего ареста Вера Геккер позднее вспоминала таким образом: «Я была на третьем курсе училища при консерватории, когда началась война, и НКВД получило задание сажать всех людей с немецкими фамилиями. Ордера были выписаны на нас всех, пятерых, но все – разные. Алису арестовали как СОЭ (социально опасный элемент), хотя у нее был полиомиелит и она с детства ходила с палочкой. А меня, поскольку я пианистка, обвинили в том, что в день объявления войны я устроила праздник и играла на рояле фашистские гимны. До сих пор не знаю, что это за гимны?

Когда нас арестовали, я почему-то была уверена, что мне дадут 10 лет, и подумала: так, сейчас мне 19, когда освобожусь, будет 29... Ну ничего. Выживу! Во двор сосед Петя как раз вышел, я крикнула: «Пока, Петя, увидимся через 10 лет!» А потом еще подумала: а ведь интересно же все познать!» [См.: Рачева, Артемьева, 2011.]

Вдова профессора Ю.Ф. Геккера, Елизавета Павловна после Второй Мировой войны была освобождена в 1947 г. Она умерла 1 декабря 1962 г. в РСФСР [Геккер, Алиса; Геккер, Вера; Геккер, Елизавета, Геккер, Ирма; Геккер, Юлий, old.memo.ru, op1-1018].

Нижеследующие сухие тексты красноречиво свидетельствуют о том, как постепенно облегчались условия режима и как наконец-то безвинно репрессированные дочери профессора Геккер освободились из ГУЛага после смерти Иосифа Сталина:

«Вера Юльевна Геккер... Социальный статус: беспартийная, пианистка. Образование: среднее. Национальность: немка. Место рождения: Потсдам, Германия. Место проживания: Москва, Россия (ранее РСФСР). Тюрма: Бишкек (ранее Фрунзе), Киргизская Республика (Кыргызстан) (ранее Киргизская ССР (АССР)). ГУ лагерей: Карагандинский исправительно-трудовой лагерь КАРлаг, Республика Казахстан. Лагерь: Акмолинский лагерь жён изменников Родины, АЛЖИР, 17-е женское лагерное специальное отделение Карагандинского ИТЛ, Республика Казахстан. Дата ареста: 10 сентября 1941 г. Приговорен: 21 ноября 1942 года. Приговор: к 5 годам лагерей и бессрочной ссылке. Реабилитирован: 1954 год. Источник данных: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1, 2. Д. П-24878.

<...>

1938-й – отец, доктор философии Юлий Геккер, расстрелян, мать приговорена к восьми годам.

10 сентября 1941-го – трое сестер Геккер арестованы, месяц провели в Новинской тюрьме.

Октябрь-ноябрь 1941-го – этап в Киргизию, год в тюрьме города Фрунзе. Дальше – этапы по небольшим пересыльным лагерям в Кир-

гизии (Беловодское, Дженгиджер [точнее: Джангы-Джер в Чуйской области Кыргызстана. – Т.Ч., О.А.]).

21 ноября 1942-го, поселок Васильевка, – приговор: пять лет лагерей и бессрочная ссылка. Этап в Караганду через лагеря в Новосибирске, Ташкенте, Петропавловске и Карабасе (Казахстан). Везде – общие работы, голод, дистрофия, пеллагра, лагерные больницы, поиск сестер.

Спустя два года после ареста – окончание этапирования, заключение в Акмолинском лагере жен изменников родины (Казахстан), встреча с сестрой Алисой. Работа на швейном производстве.

10 сентября 1946-го – окончание срока, переезд в ссылку в Караганду к освободившейся раньше Алисе. Позже встреча с матерью, вышедшей из лагеря.

Октябрь 1949-го – по программе воссоединения семей Вера, Алиса и мама переезжают в город Ленинск-Кузнецкий к сестре Ирме. Ирма освободилась из лагеря раньше и переехала в Кемеровскую область к мужу Сергею Худякову, которого она встретила в лагере.

1954-й – реабилитация всех сестер, окончание ссылки.

1955-й – переезд в Иркутск.

Лето 1958-го – возвращение в Подмосковье, в дом семьи Геккер в поселке Клязьма». [Геккер, Вера Юльевна, Бессмертный барак].

Подводя итоги, отметим, что профессор Юлий Геккер, чья жизнь была несправедливо оборвана репрессиями эпохи «решительной борьбы против врагов социализма» сталинского типа, был одной из звезд той плеяды зарубежных ученых, которые по доброй воле приехали в Советскую Россию, чтобы стать частью свершителей великих перемен и грандиозных социальных реформ, а не просто созерцать извне.

Хотя профессора Геккера не стало слишком рано, но, на наш взгляд, через своих дочерей и последующих потомков он сумел передать такие великие качества, как честность, трудолюбие и служение долгу перед обществом.

Изучая перипетии судьбы, общественную деятельность и научно-философские взгляды профессора Геккера, а также биографии других советских интеллектуалов 1917–1938 годов, мы более детально и конкретно осознаем всю мозаику общественной жизни многонациональной России и Союза ССР. Поэтому дальнейшая разработка проблем изучения жизни и деятельности профессора Геккера и введение в научный оборот все больше архивных и иных источников по данной тематике остаются актуальными для современного личностноведения.

Список литературы

Алымкожоев О.Ж. Худяков таануу жаатында учкай сөз // Худяков Ю.С. Энесай кыргыздарынын тарыхы: Кыскача баян / Жооптуу ред., котор. топтомун, тиркемелик сүрөттөрдү даярдаган Өмүрбек Алымкожоев; баш сөз жазган Тынчтыкбек Чоротегин. – Бишкек: Жусуп Баласагын атындагы КУУнун «Университет» басмаканасы, 2013. – 204 б., карта, сүрөттөр. – «Тарых жана мурас» түрмөгү [«Мурас» коомдук фонду; «Кыргыз Тарых Коому» ЭКБ.] – ISBN 978-9967-02-941-5. – Б. 181–184. – [Алымкожоев О.Дж. Прелюдия к худякововедению // Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов: Краткие очерки / Отв. ред. Омурбек Алымкожоев. Бишкек: Тип. «Университет» Кыргызского нац. ун-та им. Жусупа Баласагына, 2013. С. 181–184.]

Андреева Н. В потоке времени: О судьбе доктора философии Юлия Геккера и его семьи в России, Америке, Европе и снова в России // Иные берега. 2007. № 1(5). С. 128–137.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YM-CA-Press, 1955. 159 с.

Билик И. «Быть настоящим христианином»: Доктор философии Ю.Ф. Геккер провёл несколько лет своей жизни в подмосковной Клязьме // Газета «Маяк». – г. Пушкино Московской области. – 19 авг. 2009. – № 63 (11497). – С. 6.

Булгакова М. Жизнь души. Рига, 2002. // <https://www.proza.ru/2010/03/10/797>

Василькова Д. Худякова (Геккер), Ирма Юльевна // http://irkipedia.ru/content/hudyakova_gekker_irma_yulevna

Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 342 с.

Вера Геккер (род. 1922) // [https://ru.openlist.wiki/Геккер_Вера_Юльевна_\(1922\)](https://ru.openlist.wiki/Геккер_Вера_Юльевна_(1922))

Геккер, Алиса; Геккер, Вера; Геккер, Ирма; Геккер, Юлий // Международный Мемориал (old.memo.ru). – URL: <http://old.memo.ru/history/arkiv/op1017.htm#op1-1018>

Геккер, Вера Юльевна (Источник данных: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1, 2. Д. П-24878) // Бессмертный барак: Проект. – URL: https://bessmertnybarak.ru/Gekker_Vera_Yulevna/

Геккер В.Ю. Лагерная быль: Монолог преподавателя музыки из Клязьмы Веры Геккер (Журналисты «Новой газеты» Елена Рачева и Анна Артемьева записали рассказ) // Моск. нем. газ. – 21 марта 2015 г. – URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/lagernaya-byl/>

Рачева Е., Артемьева А. «58-я. Неизъятые» Вера Геккер. Путешествия рояля: «Музыку в лагере я слышала всего один раз» // Нов. газ. – № 143 от 21 декабря 2011. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2011/12/21/47474-171-58-ya-neiz-yatoe-187-vera-gekker-puteshestviya-royalya>

Геккер М.Ю. Жизнеописание Елизаветы Павловны Геккер (Элизабет-Шарлотте Юнкер) // Каталог воспоминаний архива «Мемориала». – <https://memoirs.memo.ru/memoir/show/id/611> (Геккер Марселла Юльевна. Жизнеописание Елизаветы Павловны Геккер (Элизабет-Шарлотте Юнкер). Поселок Клязьма (Пушкино). [44 л.; машинопись с рукописной правкой (ксерокопия)] – Архивное хранение: Фонд: 2. Опись: 7. Дело: 19а.)

Геккер, Юлий Фёдорович // Nrme – Российская энциклопедия – ru.nrme.net – URL: <https://ru.nrme.net/detail37792108.html>

Геккер Ю. Русская социология. Вклад в историю социологической мысли и теории / Работа выполнена в соответствии с требованиями к степени доктора философии кафедры политологии Колумбийского университета. – Нью-Йорк, 1915. – Авторское право Юлиуса Геккера и Элизабет Геккер. Эта работа посвящена его жене с любовью. – URL: https://studref.com/315087/sotsiologiya/prilozhenie_gekker_russkaya_sotsiologiya_vklad_istoriyu_sotsiologicheskoy_mysli_teorii

Корсаков С.Н. Политические репрессии в институте философии (1930–1940-е гг.) // Философский журнал. – 2012. — № 1(8). – С. 120–170. – ISSN 2658-4883 (Online). – (С. 132–155: Список сотрудников Института философии – жертв политических репрессий 1930–1940-х гг.) – С. 135: ГЕККЕР Юлиан Фёдорович. – Раздел: Страницы истории института [философии АН СССР / РАН]. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_8/9.pdf

Оганян К. К. Анализ развития отечественной социальной мысли в работе Ю. Геккера «Русская социология. Вклад в историю социологической мысли и теории». – М.: Инфра-М, 2017. – 211 с. (Научная мысль). – www.dx.doi.org/10.12737/11152. – ISBN 978-5-16-011312-8. – ISBN-онлайн 978-5-16-103486-6 – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/908348> (дата обращения: 05.05.2021). – URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=274750>

Оганян К. К. Ю. Геккер о русской социологии и взглядах С.Н. Южакова: предисловие переводчика // Социол. журн. – 2014. – № 2. – С. 114–119. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.2.498>.

Худяков, Ю.С. Военное дело кыргызов Центральной Азии (IX – XVIII вв.) / Под. ред. проф. Т.К.Чоротегина. – Бишкек: Турар, 2017. –

280 с., илл., карты. – Фонд «Мурас». – Серия «История и наследие». – ISBN 978-9967-15-702-6.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 272 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 192 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск, 2004. – 152 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее: Учеб. пособие. – Новосибирск: НГУ, 1986. – 80 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии / Отв. ред. Т.К.Чоротегин. – 2-е, доп., испр. – Бишкек: Камекс-Детай; Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1995. – 232 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск, 1982. – 240 с.

Худяков Ю.С. Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. – СПб.: Петерб. Востоковедение; М.: Филоматис, 2003. – 192 с. – (Militaria Antiqua, I).

Чоротегин Т.К. Неустанный археолог, историк-кыргызовед и его предки: Штрихи к биографии Ю.С. Худякова и его предков (К 70-летию профессора Юлия Сергеевича Худякова) // Худяков, Юлий Сергеевич. Военное дело кыргызов Центральной Азии (IX – XVIII вв.) / Под ред. проф. Т.К. Чоротегина. – Бишкек: Турар, 2017. – 280 с., илл., карты. – Фонд «Мурас». – Серия «История и наследие». С. 3–30.

Чоротегин Т.К. 1937: Юлий жана кызы Ирма Геккер: Жазыксыз жазалангандардын тагдырлары // Азаттык үналгысы. – 29.05.2017. – URL: https://www.azattyk.org/a/julius-and-irma-hecker_yuliy-khudiakov_1937_series_tch_ky/28517017.html (кырг.: Чоротегин Т.К. Юлий и его дочь Ирма Геккер: Судьбы безвинно репрессированных)

References

Cullison Alan, Stalin-Era Secret Police Documents Detail Arrest, Execution of Americans, November 09, 1997; Associated Press. – URL: <http://articles.latimes.com/1997/nov/09/news/mn51910/4>).

Hecker, Julius Friedrich. Russian sociology; a contribution to the history of sociological thought and theory, New York, The Columbia univer-

sity press, 1915. – 309 p. – URL: <https://ia800206.us.archive.org/3/items/cu31924024924536/cu31924024924536.pdf>

Hill, Michael R. Centennial Bibliography On The History Of American Sociology (2005). Sociology Department, Faculty Publications. 348. – Washington, DC: American Sociological Association. – Part X – 63. – p. 225. <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1358&context=sociologyfacpub>

Laird, John (1887 – 1946), [Review]. Russian Sociology: A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. By Julius F. Hecker Ph.D. With a Foreword by Sidney Webb P.C., LL.B. (London: Chapman & Hall. 1934. Pp. xvi + 313. Price 8s. 6d. net.), In: Philosophy, Volume 10, Issue 38, April 1935. – Pp. 247 – 248. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0031819100018647>.

Steuer, Kenneth. Pursuit of an 'Unparalleled Opportunity': The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923.by. – Columbia University Press. – June 2009. – ISBN: 9780231130288. – 452 p. – URL: <http://www.gutenberg-e.org/steuer/steuer.ch12a.html>

Дополнительные ссылки на социальные сети в Интернете:

<https://www.facebook.com/irma.slepneva/posts/2028915757174621>
<https://www.facebook.com/museum.irkutsk/posts/3378833062230030>
<https://www.facebook.com/museum.irkutsk/photos/a.884199125026782/3378832772230059/>
<https://pushkino.tv/news/kultura-i-iskusstvo/38527/>
<https://www.facebook.com/Kyrgyz.Taryh.Koomu/posts/1612137772144065>

Сведения об авторах / About the authors

Тынчтыкбек Кадырмамбетович Чоротегин (Чороев), доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и кыргызоведения факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына.

Адрес: ул Фрунзе, 547, Бишкек, 720031, Кыргызская Республика.

E-mail: chorotegint@gmail.com

Телефон: +996 550 243 586

ORCID 0000-0002-2833-3160

Омурбек Джумадилович Алымкожоев, преподаватель, зам. декана факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына.

Адрес: ул Фрунзе, 547, Бишкек, 720031, Кыргызская Республика.

E-mail: omurbekalymkozho@gmail.com

Сотовый: +996 507 858 514

Фоторепортаж

Статус и обряд – новая выставка Института археологии и этнографии о клинковом оружии в археологии и этнографии народов Сибири

Дарья Гаркуша

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия*

В феврале – марте 2021 г. в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН работала выставка «Статус и обряд: клинковое оружие у народов Сибири». Под руководством научных кураторов, ведущих научных сотрудников института, д-ра ист. наук А. П. Бородавского и д-ра ист. наук А. В. Бауло, выставка рассказывает посетителям о том, что с глубокой древности и до этнографического времени клинковое оружие в Сибири имело не только непосредственное боевое назначение, но и подчеркивало статус владельца и использовалось в обрядовых практиках.

В качестве экспонатов были представлены археологические находки и предметы из этнографических сборов сотрудников института, раскрывающие особенности использования холодного оружия народами Сибири в различные исторические эпохи (рис. 1-3). Демонстрировались экспонаты из Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН и Музея Природы и Человека (город Ханты-Мансийск). Сейчас для просмотра доступен [подробный виртуальный тур](#) по выставке, подготовленный совместно с компанией Novosibpano.

Географический и хронологический охват выставки внушительен: представлены предметы от Забайкалья до нижнего течения Оби. Наиболее старинные экспонаты имеют возраст три с половиной тысячи лет, самые поздние датируются началом XX в.

Выставка условно поделена на две части – археологическую и этнографическую. В первой части особое значение, по мнению А.П. Бородавского, имеет бронзовый меч, обнаруженный около города Байкальска (рис. 4). Этот массивный меч при изготовлении распался на три части и, тем не менее, в составном виде сохранил своё ритуальное значение. Гарда оформлена в виде двух медвежьих голов, меж-

Рис. 1. Общий вид экспозиции в Центре коллективного пользования
«Геохронология кайнозоя» ИАЭТ. Фото С.А. Борисенко

Fig. 1. General view of the exhibition in the Cenotic Geohronology Centre of Collective Usage of the Institute of the Archaeology and Ethnography SB RAS.

Photo by S.A. Borisenko

Рис. 2. Археологическая часть выставки. Общий вид. Фото С.А. Борисенко

Fig. 2. Archaeological part of the exhibition. Photo by S.A. Borisenko

Рис. 3. Этнографическая часть выставки. Общий вид. Фото С.А. Борисенко
Fig. 3. Ethnographic part of the exhibition. Photo by S.A. Borisenko

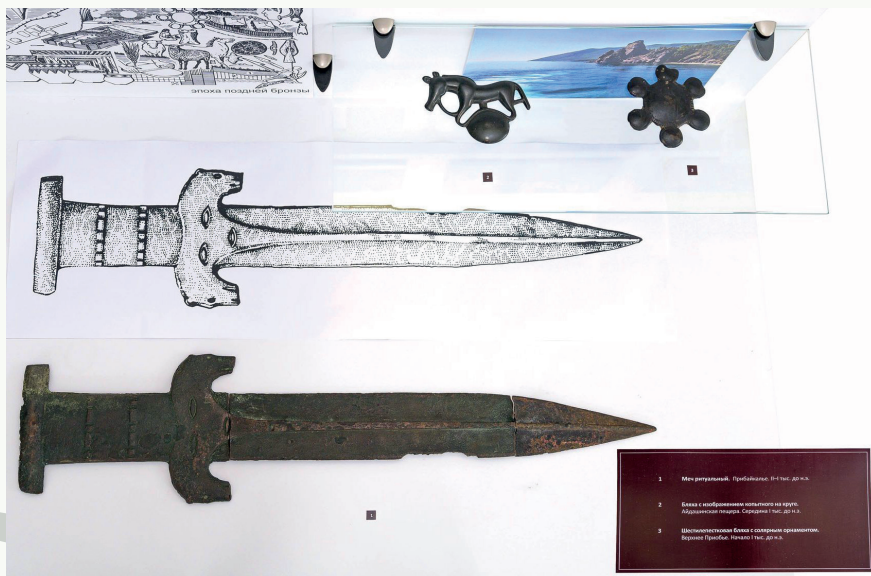

Рис. 4. Бронзовый меч из Байкальска. Фото С.А. Борисенко
Fig. 4. Copper sword found not far from Baikal. Photo by S.A. Borisenko

Рис. 5. Железный палаш с надписью на согдийском языке. Фото С.А. Борисенко
Fig. 5. Iron broadsword with Sogdian inscription. Photo by S.A. Borisenko

ду которыми помещена личина – такое оформление может говорить о принадлежности меча шаману. Подробнее об этой интересной находке можно прочесть в публикации В.И. Молодина и Г.И. Медведева «Уникальный бронзовый меч из Прибайкалья» (2015).

Среди других редких экспонатов – железный палаш с инкрустированной золотом надписью на согдийском языке (рис. 5-6). Палаш был найден в погребении IX в. в Кош-Агачском районе Горного Алтая. Хотя само оружие могло быть местного происхождения, надпись на нём сделана не на древнетюркском, а на согдийском языке. Она гласит «Это собственность П..., сына Н... И ему (=владельцу меча) вреда да не будет». Буквы в именах повреждены, поэтому прочесть их невозможно. Подробнее об этом предмете можно узнать в статье автора находки, доктора исторических наук В.Д. Кубарева «Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае» (1992).

Большое внимание аудитории привлёк и меч Каролингов, находка которого при раскопках в Барабе, в 120 километрах от Новосибирска, вызывает удивление до сих пор (рис. 7-8). Автор находки, заведую-

Рис. 6. Железный палаш с надписью на согдийском языке. Фрагмент.
Фото С.А. Борисенко
Fig. 6. Iron broadsword with Sogdian inscription. A fragment. Photo by S.A. Borisenko

Рис. 7. Меч Каролингов, обнаруженный в Барабе. Фрагмент.

Фото С.А. Борисенко

Fig. 7. Carolingian sword found in the Baraba steepe. A fragment.

Photo by S.A. Borisenko

Рис. 8. Меч Каролингов, обнаруженный в Барабе. Фрагмент с наложенной прорисовкой надписи. Фото С.А. Борисеко

Fig. 8. Carolingian sword found in the Baraba steepe. A fragment with a drawing of the inscription. Photo by S.A. Borisenko

Рис. 9. Мансийское святилище с амбарчиком. Фото С.А. Борисеко
Fig. 9. Mansi sanctuary — a house for spirits-patrons. Photo by S.A. Borisenko

ший отделом археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН академик РАН В.И. Молодин рассказал на открытии выставки, что «история меча уходит в XI – начало XIII в. (судя по анализу надписи, последняя была выполнена в конце XII – начале XIII в.). Клинок меча был изготовлен в Центральной Европе, вероятно, где-то на территории Германии, в бассейне Рейна, а затем оказался в Швеции или на острове Готланд, где клинок снабдили богато украшенной серебром рукоятью». Кроме загадочного происхождения, для выставки интересен ритуальный характер меча, выраженный в сделанных на его клинке христианских посвячительных надписях.

Среди представленных предметов большую долю занимает вотивное оружие – то есть принесённое в качестве жертвы или подношения божествам с просьбой о здоровье, благополучии, «правильном» пути души в загробном мире. Вотивные предметы копировали настоящее вооружение, но делались зачастую меньшего размера. Традиция использования вотивного оружия универсальна для многих культур мира.

Культовая роль клинкового оружия в этнографии отражена в экспозиции сакральными предметами хантов, манси, эвенков, кетов и селькупов. На священных местах хантов и манси на Нижней Оби новосибирским этнографам часто встречались сабли, мечи и палаши, при этом как боевое оружие не использовались. Куратор выставки Аркадий Бауло рассказал, что оружие в регион стали привозить арабские купцы в XII–XIII вв., причём клинки часто были без эфеса

Рис. 10. Ворожба со шпагой. Фото из архива А.В. Бауло
Fig. 10. Fortune-telling with a sword. Photo from the A.V. Baulo's archive

Рис. 11. Грамота на княжеское звание, жалованная Екатериной II владельцу Обдорской волости Матвею Тайшину, подаренные ему царицей кортик и шапки.

Фото из архива Свердловского областного краеведческого музея

Fig. 11. The diploma for the princely rank, granted by Catherine the Second to Matvey Taishin, an owner of the Obdorsk Region. A dagger and hats — gifts of the Empress.

Photo from the archive of the Sverdlovsk Regional Historical Museum

и без заточки – их предназначение было иным. Согласно традиционным представлениям хантов и манси, божественные предки этих народов были богатырями, и оружие было для таких богов лучшим даром.

Кроме того, само оружие могло считаться воплощением божества. В экспозиции представлена реконструкция мансийского лесного святилища, с амбарчиком для подношений и деревянными изваяниями – менквами, изображающими богов-предков (рис. 9). На ветку дерева у такого святилища подвешивали оформленную лоскутами ткани саблю и делали ей подношения как богу.

Наконец, шпага или сабля могли использоваться шаманами хантов и манси для гадания. А.В. Бауло так описывает этот обряд: шаман привязывал длинный шнур к кончику шпаги и к её эфесу, поднимал шпагу с помощью шнура на пальце и начинал раскачивать, напевая молитвы и обращая свои пожелания к божествам (рис. 10). Эвенские, кетские и селькупские шаманы во время плясок размахивали саблями, ритуально борясь со злыми духами или защищаясь от них.

Рис. 12. Кортик, подаренный Екатериной II Обдорскому князю Матвеем Тайшиным как знак его официальной власти.

Фото из архива Свердловского областного краеведческого музея
Fig. 12. The dagger presented by Catherine the Second to the Obdorsk prince Matvey Taishin as a symbol of his official power.

Photo from the archive of the Sverdlovsk Regional Historical Museum

Рис. 13. Военный мундир, преподнесённый божеству. Фото С.А. Борисенко

Fig. 13. Military uniform presented to the deity. Photo by S.A. Borisenko

Русские, придя в Сибирь, встретили у коренных народов севера уже довольно крупные родоплеменные объединения. Русские стали называть их по своей традиции княжествами, а лидеров объединений – князьками. В экспозиции демонстрируется сюжет о поднесении Екатериной II князю Матвею Тайшину морского кортика в числе предметов, подтверждающих его властный статус с точки зрения российского государства (рис. 11-12).

Рис. 14. Мундир чиновника, преподнесённый божеству. Фото С.А. Борисенко
Fig. 14. Official's tunic presented to the deity. Photo by S.A. Borisenko

Кроме оружия как символа власти или божественного статуса, выставка демонстрирует интересную традицию преподнесения богам русских военных мундиров (рис. 13). С XIX в. эта традиция несколько изменяется – вместо военного мундира преподносится мундир чиновника (рис. 14). Символическая фигура, олицетворяющая власть, меняется, но идея воплощения власти в специальной одежде и специальном вооружении сохраняется.

В планах Института археологии и этнографии — демонстрация выставки осенью 2021 г. на новой площадке. Интересно будет наблюдать, какое развитие получит экспозиция!

Сведения об авторе / About the author

Гаркуша Дарья Дмитриевна, помощник директора по научно-просветительной работе, Институт археологии и этнографии СО РАН (пр-т Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Garkusha Daria Dmitrievna, assistant manager of the Head of the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academic Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russia)

dar.garkusha@gmail.com

ORCID 0000-0002-8856-7495